

ПУСТЫНКА

С. С. Березанская

Поселение
эпохи бронзы
на Днепре

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР ◆ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С. С. Березанская

ПУСТЫНКА

Поселение
эпохи бронзы
на Днепре

*Издательство
«НАУКОВА ДУМКА»
Киев — 1974*

902.6
Б48

В монографии дается описание впервые полностью исследованного поселения эпохи бронзы (XIII—XII вв. до н. э.), расположенного в Левобережном Полесье Украины, его реконструированной планировки. Поставлены вопросы датировки поселения и этнической принадлежности его жителей, характеризуется их быт, хозяйство и духовная культура.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук
Ю. Н. Захарук

Рецензенты

кандидаты исторических наук
Е. В. Черненко, Л. Д. Поболь

Редакция археологической литературы

Софья Станиславовна Березанская

**ПУСТЫНКА
ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ДНЕПРЕ**

*Печатается по постановлению ученого
совета Института археологии АН УССР*

Редактор *Л. Л. Ващенко*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Оформление художника *М. Н. Усова*
Технический редактор *Г. Р. Боднер*
Корректор *Я. Н. Вишневецкая*

Сдано в набор 23.XI 1973 г. Подписано к печати 4.IV 1974 г. БФ 02250. Зая. 4-1517. Изд. № 92. Тираж 3200. Бумага № 1, 70×90/16. Условия печ. листов 12,67. Учетно-изд. листов 12,48. Цена 1 руб. 55 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Реппин, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкинг» Госкомиздата УССР, Киев, ул. Довженко, 3 на Харьковской книжной фабрике «Коммунист» республиканского производственного объединения «Полиграфкинг» Госкомиздата УССР, Харьков, ул. Энгельса, 11.

10002—170
Б $\frac{M321(64)-74}{B3-7-2-74}$

© Издательство «Наукова думка», 1974 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В среднем и начале позднего периодах бронзового века обширная территория Восточной Польши, Южной Белоруссии и Северной Украины была занята многочисленной группой племен, близких между собой по культуре и, вероятно, этническому составу. История и культура этих племен вызывают большой интерес, так как большинство советских и зарубежных археологов и лингвистов полагают, что именно с ними можно связывать наиболее ранние звенья славянского этногенеза.

Археологическая исследованность очерченного района остается все еще недостаточной и, главное, очень неравномерной. Так, если территория Польши, где впервые была выявлена характеризующая середину второго тысячелетия до н. э. тшинецкая культура, изучена сравнительно хорошо, то территория Украины, где только недавно были обнаружены памятники восточнотшинецкой культуры, исследована значительно слабее, а Южная Белоруссия практически представляет собой белое пятно, на котором появляются лишь первые точки. Особенно плохо изучены поселения. До последнего времени ни в Польше, ни на Украине, ни в Белоруссии не было ни одного сколько-нибудь полно исследованного поселения тшинецкой культуры и сведения о них ограничивались данными о местоположении, сбором подъемного материала, в лучшем случае, раскопками нескольких жилищ.

При этом следует отметить, что, хотя стационарные раскопки поселений эпохи бронзы в Северной Украине до последнего времени почти не проводились, интерес к ним возник уже давно. Еще в конце 90-х годов прошлого столетия Н. Ф. Беляшевский осмотрел ряд дюнных стоянок Южного и Западного Полесья и впервые поставил вопрос о значении этих памятников для изучения древней истории Украины¹.

Значительно большее внимание изучению поселений бронзового века начали уделять после Великой Октябрьской революции, когда

¹ Н. Ф. Беляшевский. Следы первобытного человека на берегах Днепра вблизи Киева.— Труды VIII АС, т. III. М., 1897, стр. 19—30.

в связи с археологией были поставлены задачи исторического плана, решение которых невозможно без привлечения широкого круга источников и в первую очередь поселений. Среди исследователей первых после-революционных лет большая заслуга принадлежит Ю. С. Виноградскому, директору районного музея в г. Соснице, проведшего за 50 лет работы тщательное обследование Сосницкого и прилегающих к нему районов Черниговской области и выявившего здесь огромное количество поселений².

Для довоенных лет необходимо отметить работы М. Я. Рудинского и Я. Морачевского на Левобережной Украине в Путивльском районе Сумской области. В частности, ими была открыта и частично раскопана стоянка у с. Марьяновки, в течение многих лет являвшаяся единственным поселением бронзового века на этой территории. Следует напомнить, что М. Я. Рудинский уже тогда сумел правильно ее датировать и отнести к особой культурной группе бронзового века³.

В 30-е годы обследование Правобережного Белорусского Полесья проводил К. М. Поликарпович. Вдоль берегов р. Сож, в пределах Могилевской и Гомельской областей им было обнаружено большое количество стоянок различного времени. Многие из них относятся к эпохе бронзы и по характеру материала близки к поселениям Северной Украины⁴.

К концу 30-х, началу 40-х годов относятся раскопки П. П. Ефименко, В. П. Левенка, Г. В. Подгаецкого, проведенные в районе Воронежа⁵. В результате проведенных исследований впервые было получено представление о типе поселений и характере жилищ эпохи бронзы в Лесостепных районах РСФСР, близких по природным условиям Северной полосе Украины.

Новый этап в изучении поселений начался уже в послевоенные годы. Для выделения культур среднего и позднего этапов бронзового века на Украине и представления о характере поселений этого времени большое значение сыграла экспедиция «Большой Киев», руководимая П. П. Ефименко⁶. В результате тщательного обследования поймы и берегов Днепра в районе Киева и его окрестностей было выявлено большое количество поселений бронзового века⁷. Поселения, обнаруженные в Подгорцах, Бортничихах, Староселье, Хатьяновке, Новоселках и многих других местах, дали первоклассные коллекции кера-

² Ю. С. Виноградский. Опись археологических коллекций Сосницкого музея. (Архив Института археологии АН УССР).

³ М. Я. Рудинський. Мар'янівська станція.— Антропология, III. К., 1930.

⁴ К. М. Палікарповіч. Записки Адзязлу Гуманітарних наук, кн. 5, т. I. Минск, 1928.

⁵ П. П. Ефименко. Жилище времени бронзы, открытое в окрестностях Костенка.— ПИДО, № 5, 1934; В. П. Левенко. Археологические работы Трубчевского музея.— КСИИМК, М.—Л., 1941; Г. В. Подгаецкий. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936. Л., 1941, стр. 154.

⁶ В. М. Даниленко. Дослідження Підгірського та Бобриського типів на Київщині в 1950 р.— АП, т. VI, К., 1956.

⁷ С. С. Березанська. Деякі нові дані про епоху бронзи в Північній частині Середнього Подніпров'я.— Археологія, т. XII, К., 1961.

мики и впервые позволили поставить вопрос о том, что на Днестре имеются следы культуры, близкой к тшинцевской и комаровской⁸. К сожалению, ни одно из названных поселений не было раскопано и исследование их ограничилось сбором подъемного материала.

Начиная с 1949 г., группа сотрудников Института археологии АН УССР начала проводить работы в северных районах Левобережной Украины: на Сейме, Десне, Суле и Северном Донце. В процессе этих исследований было обнаружено множество памятников эпохи бронзы, и в частности поселений. На некоторых из них проводились небольшие раскопки, в результате которых были получены данные о характере жилищ лесостепного Левобережья. Изучение материала позволило выделить несколько культурных и хронологических групп, характеризующих в этих районах различные периоды эпохи бронзы: марьяновскую, многоваликовую, бондарихинскую, сосницкую и др.⁹

Для изучения восточнотшинцевской культуры* особое значение имеют исследования И. К. Свешникова на Костянецком поселении — первом подвергнутом стационарным раскопкам. Обнаруженные здесь две землянки дали представление о характере жилищ и очагов этой культуры¹⁰.

Для изучения поселений существенны наблюдения Ю. Н. Захарука на многослойном поселении в уроч. Ставок Ровенской области, подтвердившие земляночный тип жилищ этой культуры и позволившие уверенно датировать восточнотшинцевскую культуру позже стжижовского варианта культуры шнуровой керамики¹¹.

Раскопки В. А. Ильинской у с. Мошны позволили говорить о распространении памятников восточнотшинцевской культуры по Днестру вплоть до Черкасс¹². К сожалению, в Мошнах, несмотря на раскрытие довольно большой площади, не было зафиксировано ни одного жилища и только встреченные в большом количестве очаги, расположенные в определенном порядке, дают возможность судить о размещении жилищ.

⁸ В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в Лесостепной полосе Правобережной Украины.— Доклады VI Научной конференции ИАК, 1953.

⁹ Н. П. Амбургер. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі.— АП, т. VI, К., 1956; Д. Я. Телегін. Дослідження епохи бронзи на Дніці.— АП, т. VI, 1956; В. А. Іллінська. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу.— Археологія, т. X, 1957; еє же. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскол.— КСИА, вып. 8, К., 1959; С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма.— КСИИМК, вып. 67, М., 1957; С. С. Березанская. Культура средней бронзы в Левобережной полосе Украины.— КСИА, № 10, 1960; Т. Т. Ковпаненко. Племена скіфського часу на Ворсклі. К., 1957, стор. 13—32.

* Обоснование этого названия дано автором в работе «Средний период бронзового века в Северной Украине». К., 1972, стр. 135—139.

¹⁰ І. К. Свешніков. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття й Західного Поділля. Львів, 1958; еє же. Розкопки в с. Костянець на полі Лиственщина. АП, т. IV, 1952.

¹¹ Ю. М. Захарук. Нове джерело до вивчення культур шнурової кераміки на Волині.— МДАПВ, вип. 3, Львів, 1961.

¹² В. А. Ильинская. Поселение комаровской культуры у с. Мошны.— КСИА, № 10, К., 1960.

Разведочные работы последних десяти лет, проведенные на территории Киевского, Волынского и Припятского Полесья (В. И. Канивцом, А. П. Савчуком, И. К. Свешниковым, С. С. Березанской, Ю. В. Кухаренко и многими другими), значительно увеличили количество известных поселений и позволили уловить их топографию. Однако эти разведки почти ничего не дали для понимания общей планировки поселений и характеристики жилых и хозяйственных сооружений тшинецкой культуры.

Не многим лучше изучены поселения тшинецкой культуры в Польше. В работе А. Гардавского, посвященной этой культуре, имеется раздел о поселениях, из которого явствует, что в настоящее время в Польше известно около 400 пунктов со следами разрушенных поселений. Из них не более 10 подвергались небольшим раскопкам и лишь в трех или четырех случаях были исследованы по одной-две землянки. Сам А. Гардавский вынужден признать, что поселения тшинецкой культуры в Польше исследованы крайне слабо, и что это является серьезным тормозом в изучении всей культуры¹³.

Для изучения поселений восточнотшинецкой культуры на Украине большой интерес представляет поселение в Комарове. Оно вошло в литературу как хорошо исследованное поселение комаровской культуры. На нем было раскопано более 10 наземных жилищ с остатками столбовой конструкции, каменными очагами и другими деталями внутренней планировки. Однако, поскольку и в культурном слое, и в самих жилищах встречена разновременная керамика (комаровская и трипольская), принадлежность этого поселения к комаровской культуре вызывает сомнение.

Слабая изученность тшинецких поселений объясняется, в частности, исключительно плохой сохранностью археологических памятников в северных, особенно полесских, районах. Песчаные дюны в поймах рек, где расположено большинство поселений этого времени, издавна размываются водой и раздуваются ветром. Особенно губительны ежегодные весенние паводки, охватывающие огромные пространства и беспощадно разрушающие почвенный покров. Кроме того, на болотистых почвах Полесья все удобные для обитания людей места издавна заселены; в большинстве случаев и сейчас на них расположены села и хутора, окончательно уничтожившие древние поселения. Поэтому раскопки поселений, от которых в таких условиях обычно сохраняются лишь скопления керамики, иногда пятна темного песка и кучи раздутой пещины, дают очень немного.

В результате слабой изученности поселений характеристика тшинецкой культуры и в Польше, и на Украине, основанная почти исключительно на погребальных памятниках и подъемном материале с раздутых стоянок, выглыдела очень односторонней и неполной.

В частности, плохая исследованность поселений тшинецкой культуры явилась основной причиной не только слабого, но иногда и иска-

¹³ A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce.—MS, t. 5. Warszawa, 1959, стр. 7—189.

женного освещения вопросов хозяйственной деятельности, которые, как известно, в основном базируются на данных, полученных при раскопках поселений. Так, например, исходя из отсутствия в Польше хорошо сохранившихся, долговременных поселений и их дюнной топографии, А. Гардавский пришел к выводу о подвижном образе жизни носителей тшинецкой культуры.

Естественно, что, не зная ни размеров поселений, ни устройства жилищ, нельзя было ничего определенного сказать ни о хозяйстве, ни о социальном устройстве тшинецкого общества. Все это делает чрезвычайно актуальной задачу исследования поселений. Сказанным определяется целесообразность монографической публикации поселения Пустынка Черниговского района и области, являющегося в настоящее время единственным полностью исследованным поселением не только западно- и восточнотшинецкой, но и комаровской культур.

В силу ряда благоприятных причин поселение у хутора Пустынка хорошо сохранилось, и его раскопки дали возможность составить полное представление как о типе жилищ и их устройстве, так и о планировке поселения в целом.

Обнаруженный на поселении комплекс культовых построек значительно пополнил круг источников о духовной жизни племен эпохи бронзы Лесостепной Украины. Раскопки поселения на широкой площади полностью оправдали себя и позволили наряду с публикацией материалов и их анализом подойти к памятнику как к историческому источнику (рис. 1).

Поселение открыто в 1963 г. В. И. Митрофановой во время работ Киевской новоостроечной экспедиции. Его удалось обнаружить благодаря военной траншее, перерезавшей одно из жилищ. В стенке траншеи на глубине 0,7—0,9 м от современной поверхности были замечены лежавшие на полу жилища глиняные вальки, печина и керамика. Осенью того же года на поселении были проведены небольшие разведочные работы, преследовавшие цель получить более ясное представление о времени и культурной принадлежности поселения и установить возможность и целесообразность проведения на нем стационарных раскопок. Зачищенная, углубленная и немного продленная траншея дала поперечный разрез одного из жилищ. 20 шурфов, заложенных преимущественно в центральной, наиболее возвышенной части дюны, выявили еще два жилища и познакомили с характером культурного слоя.

Керамика, полученная во время этих раскопок, окончательно определила принадлежность поселения к сосницкому варианту восточнотшинецкой культуры.

Культурный слой на поселении залегал на глубине 0,15—0,2 м от поверхности, в нижней части гумусированной почвы и в верхней части подстилающего почву светло-серого, местами почти белого песка. Вне жилых и хозяйственных построек мощность культурного слоя не превышала 10—15 см. Насыщенность последнего за пределами жилищ и каких бы то ни было иных сооружений крайне незначительна; в среднем на один шурф размерами 2 × 1 м приходилось не более одного-двух фрагментов керамики.

Характер культурного слоя в местах расположения жилищ иной. От окружающего пространства он резко отличается и по цвету и по насыщенности, имеет более темную, серую, иногда почти черную окраску и содержит прослойки золы, вкрапления угля, кальцинированные кости, а в нижней части большое количество керамики и других бытовых остатков. Мощность культурного слоя в углубленных жилищах достигает 1,2—1,5 м, в наземных постройках 0,2—0,5 м.

Рис. 1. Схема расположения поселения Пустынка.

Убедившись в том, что культурный слой за пределами жилищ почти не содержит находок и, значит, для исследования поселения не имеет большого значения, решено было сосредоточить внимание на раскопках самих жилищ (см. табл. XXV).

В 1963 г. было раскопано всего два жилища (№ 3 и 4). В 1965 г. был использован бульдозер «Беларусь», с помощью которого (в основном заключающейся в уборке земли с бортов) было раскопано еще три жилища (№ 2, 5, 6). Кроме того, ковшом бульдозера был проложен ряд шурфов и траншей, определивших размеры и границы поселения. Тогда же возникла мысль использовать ковш для выявления жилищ. Уже в первый год работ шурфовка показала, что поиски жилищ не представляют особых трудностей, так как при углублении в грунт на 25—30 см по цвету песка становилось ясно, заложен шурф на месте жилища или вне его пределов.

С помощью канавокопателя все поселение было перерезано узкими (от 30 до 35 см) траншеями, проходящими в основном в направлении с запада на восток. Направление траншей диктовалось тем, что раскопанные к тому времени пять жилищ были расположены вдоль берега озера по длинной оси с севера на юг. Поэтому возможность попадания на места жилищ была, естественно более реальной при направленности траншей с запада на восток.

Траншеи закладывались через каждые 4—5 м. Таким образом, жилища длиной 16 и 14 м обычно оказывались перерезанными трижды: в центре и по краям. Так устанавливались не только места расположения жилищ, но их размеры и форма. При этом сами жилища абсолютно не разрушались, ибо снятый ковшем слой грунта толщиной 0,2—0,25 см обнажал лишь самый верх углубленной части жилищ, находящейся на уровне древнего горизонта. Так были обнаружены все существовавшие на поселении жилые, хозяйственные и иные постройки. Дальнейшее их исследование проводилось в зависимости от поставленной цели. В тех случаях, когда жилища должны были раскапываться полностью, в местах их расположения закладывались раскопы. Если два жилища или жилище и хозяйственные постройки находились рядом, для них разбивался единый раскоп, получавший общий номер.

Во время раскопок последовательная нумерация давалась в той очередности, в которой проводились раскопки. Порядковая нумерация с запада на восток была сделана только в процессе подготовки настоящей работы.

Трассировка каждого раскопа проводилась согласно принятой квадратной сетке, каждый квадрат которой равнялся 4 м². Квадраты имели двойное обозначение: буквенное (с севера на юг) и цифровое (с запада на восток). Глубина с помощью нивелира отсчитывалась от нулевой горизонтали и была определена во время инструментальной теодолитной съемки.

Площадь раскопа расчищалась полностью только до глубины 0,25—0,3 м, то есть до тех пор, пока пятно жилой ямы не оконтуривалось совершенно отчетливо. Для этой работы частично использовался бульдозер. Чистовая зачистка производилась лопатами. После фотографирования и проведения чертежных работ по составлению плана начиналась разборка заполнения жилищ, производившаяся в верхних слоях лопатами, у дна — более мелкими инструментами. Земля из жилищ выбрасывалась на борта, откуда убиралась ковшем, а не ножом бульдозера, так как во время применения для этой цели ножа колеса машины проходили близко от краев жилища, что приводило к обвалу стен.

Для получения разрезов выборка заполнения жилищ обычно проводилась вначале на одной, а затем на другой его половине. При раскопках первых жилищ их разборка производилась по слоям толщиной 15—20 см с учетом глубины и квадратов залегания всех находок. В дальнейшем, убедившись в однородности культурных остатков, расчленению заполнения жилищ по горизонтам уделялось значительно меньше внимания.

Те жилища, которые не раскапывались полностью, исследовались иным образом. Кроме данных, полученных после проведения траншей, закладывались дополнительные шурфы и траншеи, определявшие их конфигурацию и размеры. Для выяснения глубины жилищ они прокапывались до окончания прослеживаемого в них культурного слоя. Находки, полученные при этом, позволили с полной уверенностью говорить об одновременности и однокультурности жилищ, раскопанных полностью и обследованных траншеями.

За пять сезонов раскопок на поселении в Пустынке было раскрыто около 4000 м² площади. Из них 3750 м² составляет площадь раскопов, где расположены жилища. Глубина залегания культурного слоя составляла в среднем 1,5 м. Более 500 м² занимала площадь, вскрытая траншеями, глубина которых не превышала 0,4 м, а протяженность достигала 1 км. Таков общий объем земляных работ, проведенных на поселении ¹⁴.

В 1967 г. кроме раскопочных работ вокруг поселения в окружности 3—4 км была проведена тщательная разведка, выявившая разрушенный могильник и несколько поселений, аналогичных Пустынке по времени, но со слабыми следами разрушенного культурного слоя.

¹⁴ Все годы отряд, возглавляемый автором, работал в составе Киевской новостроечной экспедиции (начальник экспедиции Д. Я. Телегин). В раскопках принимали участие: сотрудник Института археологии АН УССР И. Н. Шарафутдинова, сотрудник Полтавского музея Н. Х. Пойдем, сотрудник Ворошиловградского музея И. А. Писларий, студенты Киевского университета и Полтавского педагогического института Э. Соколова, Б. Кученко, А. Гаврош, Р. Некоз, И. Кудин, Н. Качала, А. Цюрюпа, З. Сависько, Т. Ковтун, В. Юрченко, В. Железняк, О. Сытник, В. Самусь, преподаватели и школьники старших классов школ сс. Пустынка и Днепровское. В качестве чертежников все эти годы работали Н. К. Арбитман и Л. Б. Ющенко, фотографические работы осуществлял фотограф Полтавского музея В. П. Пойдем. Иллюстрации, включая рисунки реконструкций жилищ, сделаны архитектором О. Н. Нецмолодовой. Всем им автор приносит глубокую благодарность.

Глава I

ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ

На всей территории распространения восточнотшинецкой культуры поселения находятся в одинаковых топографических условиях. Основным требованием для их устройства, по-видимому, являлась непосредственная близость воды. Поэтому большая часть поселений расположена в поймах рек на песчаных, реже лессовых возвышенностях. Размеры последних довольно разнообразны: от больших, длиной 1 км, до совсем маленьких в несколько десятков метров. Однако большинство из них имеют размеры 300 × 100 м и 200 × 50 м. Средняя высота возвышенностей над поймой редко превышает 2—3 км. Обычно дюны задернованы, покрыты густым кустарником, иногда лесом. Расстояние между «островами»-возвышенностями различно; иногда они расположены как бы группами с промежутками 1—2 км, иногда их разделяют 3—5, а то и 10 км. Вокруг тянутся мокрые луга, болота и озера. Весной, когда пойма сплошь залита водой, над ней как настоящие острова поднимаются возвышенности с остатками древних поселений. Большинство из них имеет пойменное происхождение и сложено из намытого водой песка. Значительно реже встречаются возвышенности, представляющие собой останцы коренного берега, отрезанные от плато и сложенные из глинистых и суглинистых пород. Возвышенности второго типа обычно больших размеров. Внешне они отличаются тем, что, как правило, покрыты густым лиственным лесом.

Среди поселений восточнотшинецкой культуры, расположенных на песчаных, дюнных возвышенностях, можно назвать Соловье, Ивановку, Волинцево (уроч. Городок), Зазимье. Поселения Волинцево (уроч. Попова Левада), Боромка близ Сосницы, Бортнички и несколько других расположены на останцах коренного берега. На маленьких речках, не имеющих широких пойм, таких как Ирпень, Здвиг, Белоус, поселения занимают пониженные участки первой надпойменной террасы, или мыски, окруженные оврагами и протоками. В таких условиях находятся Здвижевка, Костянец и др.

Поселений, расположенных далеко от воды или на высоких участках плато, не встречено. По всей вероятности, их там и не было. Во всяком

случае, никаких следов жизни племен восточнотшинецкой культуры не обнаружено при исследовании поселений поздне трипольской культуры и культур шнуровой керамики, топография которых прочно связана с высокими мысами, а также ни на одном из милоградских городищ, расположенных всегда на плато. Подтверждением того, что топография поселений восточнотшинецкой культуры на Украине уловлена правильно, является тот факт, что в аналогичных условиях находятся поселения западнотшинецкой культуры в Польше, где тщательно обследована вся территория, занятая этой культурой, и где все известные (более 400) поселения расположены также в поймах рек¹.

Примером типичного пойменного поселения, расположенного на песчаной возвышенности, является Пустынка. Поселение находится на левом берегу Днепра, в окружении болот и озер, на песчаной возвышенности между руслом Днепра и озером. Остатки высохшего ручья, соединяющего озеро с Днепром, хорошо заметны еще и теперь. Они имеют вид неглубокого рва, в паводки заполненного водой и окружающего возвышенность с запада. С восточной стороны к ней вплотную подступает мокрый луг, постепенно переходящий в топкое болото. Таким образом, возвышенность, на которой расположено поселение, представляла, да и сейчас представляет довольно неприступный «остров», со всех сторон окруженный водой и болотами (рис. 2).

Дюна вытянута с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Она имеет удлинненную неправильно овальную форму, с расширенным западным и суженным восточным концами. Длина дюны 600 м; ширина в западном конце 200, в восточном — 10—15 м.

Более высокая, западная часть возвышенности, приподнятая над уровнем озера на 2,5—2 м, не заливается даже в самые большие паводки. В юго-восточном направлении она постепенно понижается таким образом, что в 300 м от западного конца возвышается над окружающим лугом не более чем на 0,7—0,5 м. В настоящее время эта часть весной заливается водой. В 120 м к югу от возвышенности проходит современное русло Днепра. Берег реки здесь невысокий, песчаный, покрытый кустарником. К северу от возвышенности, примерно еще на 3—3,5 км, тянется пойма Днепра, покрытая болотами, озерами и возвышенностями такого же типа. Вблизи поселения имеются еще две дюнных возвышенности; ближайшая из них, расположенная в 1 км к северо-западу, представляет собой высокую (до 3 м), сильно разрушенную ветром дюну. Размеры сохранившейся части 150 × 200 м. Здесь, по-видимому, был могильник поселения, о чем свидетельствуют многочисленные находки разбросанных кальцинированных костей и мелкие окатанные фрагменты керамики². В 1,5 км к северо-западу от поселения имеется еще одна песчаная возвышенность, носящая название уроч. Лозыця, представляющая собой невысокую дюну, почти полностью заливаемую водой в весенние половодья. Размеры возвышеннос-

¹ A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinięckiej w Polsce.— MS, t. V. Warszawa, 1959.

² В разделе о культовых сооружениях могильник будет описан более подробно.

ти, вытянутой также с востока на запад, 400×150 м. В северном конце возвышенности, наиболее приподнятом над окружающим болотом, шурфы обнаружили следы жилища земляночного типа глубиной 1,20 м. Судя по данным шурфовки, его примерные размеры 12×6 м, то есть такие же, как на Пустынке. На дне жилища были обнаружены печина, вальки из глины, камни и керамика. По-видимому, урочище не являлось местом постоянного обитания, а использовалось жителями Пустынки для посевов и выпаса скота.

Рис. 2. Вид на поселение с востока.

Других возвышений в окрестности, радиусом примерно 1,5—2 км, нет. Таким образом, можно предполагать, что во владении жителей поселения Пустынка находилась территория примерно в $800\text{—}1000$ га. Около $\frac{2}{3}$ этой площади было занято болотами, частью непригодными даже для выпаса скота; $\frac{1}{3}$ состояла из лугов и различных водоемов. В северо-восточном направлении, сравнительно близко к поселению, острым мысом подходит участок коренного берега Днепра. Сейчас, возможно, как и прежде, он покрыт густым лиственным лесом, служащим основным источником для получения древесного строительного материала.

Размеры Пустынковского поселения удалось определить довольно точно с помощью густорасположенных шурфов и траншей, точно фиксирующих площадь, на которой был распространен культурный слой. Территория, занятая поселением, охватывает около $30\,000\text{—}32\,000$ м². Занимало оно всегда такую площадь или в начале было меньшим, а затем разрослось, с уверенностью сказать нельзя. При этом есть все же некоторые основания предполагать, что поселение возникло сразу, одновременно или во всяком случае за сравнительно короткий срок. Прежде

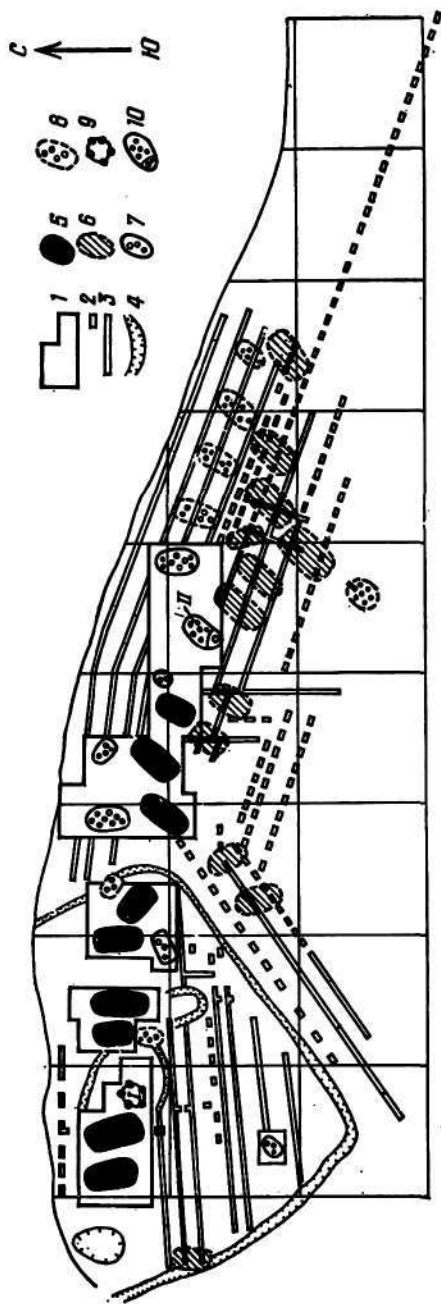

Рис. 3. План поселения Пустынка:

1 — раскопы; 2 — шурфы; 3 — траншеи; 4 — канава военного времени; 5 — раскопанные жилища; 6 — исследованные хозяйственные постройки; 7 — раскопанные хозяйственные постройки; 8 — исследованные хозяйственные постройки; 9 — культурная постройка I; 10 — культурная постройка II.

всего об этом свидетельствует планировка поселения, производящая впечатление чего-то единого и целостного. На поселении ни разу не удалось обнаружить случая, когда бы одно жилище перекрывало другое или было сооружено на месте существовавшего ранее и разрушенного. Общая конструкция жилищ, устройство печей, полов, стен — настолько близки и схожи, что не позволяют сомневаться в одновременности их постройки. Вещественный материал, главным образом керамика, также не дает оснований выделять среди жилищ различные по времени группы.

Если поселение возникло сразу, по единому заранее задуманному плану, то размеры его не менялись и были примерно одинаковыми на всем протяжении существования.

Реальность цифры, полученной для размеров Пустынского поселения, в какой-то степени подтверждается тем, что она не выходит за рамки размеров других поселений восточнотшинецкой культуры.

Почти во всех случаях, когда на поселениях производились хотя бы небольшие по объему раскопки или даже разведочные работы, состоящие в сборе подъемного материала и шурфовки, предпринималась попытка определить границы поселения. В настоящее время известны размеры следующих поселений: Соловье — 30 000 м²;

Здвижевка — 15 000 м²; Мошны — 11 000 м²; Зазимье — 7500 м²; Боромка — 20 000 м²; Волянцево (уроч. Попова Левада) — 45 000 м².

Одним из наиболее сложных вопросов, возникших при изучении Пустынки, являлось выяснение ее планировки. Несмотря на то, что площадь поселения была тщательно прошурфована и расчленена многочисленными траншеями, не все стороны его планировки достаточно ясны. Особенно сложной оказалась реконструкция центральной части, где имелись поздние нарушения, в результате которых характер сохранившихся остатков не всегда поддается объяснению (рис. 3).

Затруднения, связанные с пониманием планировки поселения, усугубляются отсутствием сколько-нибудь близких аналогий. Немногое, что известно о планировке других поселений среднего бронзового века в Северной Украине, сводится к тому, что все поселения вытянуты сравнительно узкой полосой, образованной, по-видимому, одним рядом жилищ вдоль берега водоема (например, Здвижевка, Зазимье, Волянцево)³. В какой-то степени по расположению очагов о таком же размещении жилищ можно говорить для Мошнянского поселения, исследованного В. А. Ильинской⁴.

Подавляющее большинство обнаруженных в Пустынке жилых и хозяйственных построек расположено по берегу озера вдоль северного края возвышенности. Они образуют два ряда; при этом в большинстве случаев хозяйственные постройки располагались ближе к берегу, а жилища, составляющие второй ряд, размещались за ними, выше по склону дюны. Явным нарушением этого правила являются хозяйственные постройки № 1—3, 14, 15, находящиеся к югу от жилищ и дальше от берега. К югу от жилища № 16 расположена также хозяйственная постройка № 13. Однако она, как и само жилище, с которым они составляют единый хозяйственный комплекс, расположена не на северном, а на южном склоне возвышенности. Таким образом, подобно другим, хозяйственная постройка находится ближе к воде, чем жилище (см. табл. XXV).

Кроме отмеченных еще четыре постройки расположены вне основного порядка жилищ. Одна из них (жилище № 1) * размещена на юго-западном склоне возвышенности, вторая (хозяйственная постройка № 1) — на южном склоне и две (хозяйственные постройки № 14, 15) — на юго-восточном склоне наиболее приподнятой части холма. В целом все постройки расположены так, что центральный участок возвышенности, представляющий собой довольно ровную площадку овальной формы, вытянутую с запада на восток на 80—85 м и с севера на юг на 20—25 м, оказался не застроенным. Заложенные в этой части поселения шурфы и траншеи показали, что культурный слой здесь почти полностью отсутствует. Встречено лишь довольно большое количество, бессистемно расположенных и нарушающих одна другую столбовых ям.

³ С. С. Березанская. Средний период бронзового века в Северной Украине. К., 1972, стр. 21—54.

⁴ В. А. Ильинская. Поселение комаровской культуры у с. Мошны—КСИА, № 12. К., 1959.

Жилище № 4 было почти совершенно разрушено поздней ямой.

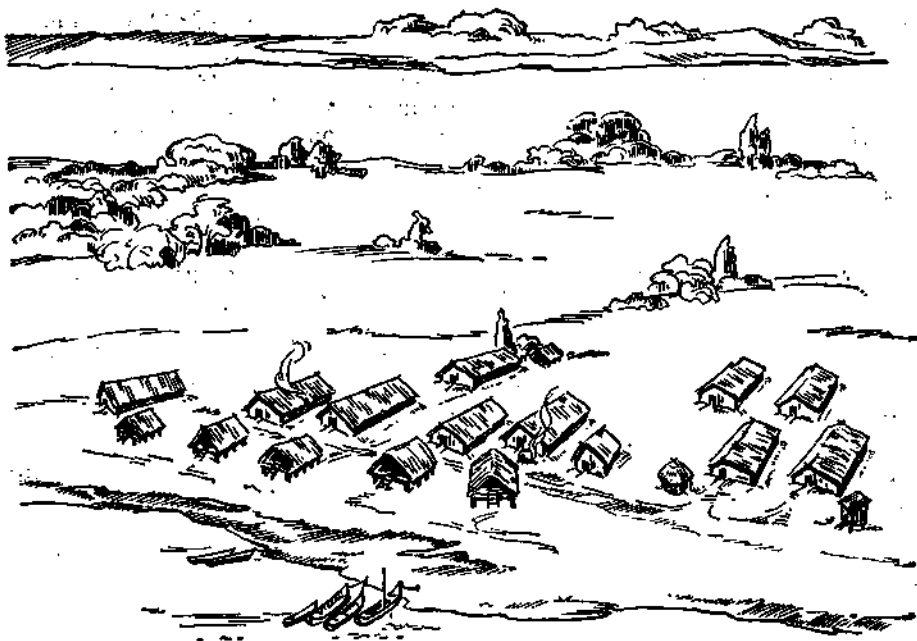

Рис. 4. Реконструкция поселения Пустынка.

Едва ли можно считать случайностью положение, при котором центральная, наиболее приподнятая и сухая часть возвышенности оставалась незастроенной, тогда как на значительно более влажных и неудобных участках по склонам дюны жилища сооружались почти вплотную друг к другу, где явно ощущается недостаток места. По-видимому, следует предполагать, что в центре холма находилась какая-то постройка, не оставившая заметных следов.

Как ни отрывочны и фрагментарны сведения о планировке других поселений эпохи бронзы на дюнах Полесья Украины, они содержат наблюдение, существенное для понимания планировки центральной части Пустынковского поселения. Следы жилищ, хозяйственные ямы и культурные остатки встречаются на них главным образом по склонам возвышенности (одному, двум — противоположным или нескольким) в зависимости от их конфигурации. В то же время центральная часть дюны, наиболее сухая, и казалось бы, удобная для устройства жилищ, часто не содержит следов жилищ, а иногда лишена даже культурных остатков. После раскопок в Пустынке это наблюдение получило подтверждение и, возможно, нашло свое объяснение. Весьма вероятно, что центральная часть возвышенности служила местом загона для скота. Очевидно, такой загон имел какую-то легкую, скорее всего плетневую ограду. Отдельные ямы, встреченные на данном участке поселения, являлись, возможно, следами от столбов, на которых крепилась ограда. Жилище и три хозяйственные постройки, расположенные непосредственно вокруг загона,

возможно,⁴ как-то были с ним связаны. Содержался в загоне скот только летом или же находился здесь и в зимнее время — не ясно. Поскольку большинство жилищ имеют два помещения, в одном из которых могло находиться несколько голов скота, то не исключено, что на зиму стадо разбирали по дворам. Об этом же свидетельствует и отсутствие на месте предполагаемого загона следов каких-либо долговременных зимних построек.

Как известно, тип поселений, имевших в центре кроали (загоны для скота), широко распространен в Западной и Восточной Европе начиная с эпохи неолита⁵.

В достаточной степени условно поселение можно разделить на две части (западную и восточную). Каждая из них имела свой центр, определяемый двумя культовыми постройками (I, II), вокруг которых сгруппированы жилища и хозяйственные постройки (см. табл. XXV).

Западная часть состояла из семи углубленных жилищ, трех наземных построек и расположенного в центре культового сооружения I. Все жилища здесь размещались по длинной оси строго перпендикулярно к берегу. Особенностью планировки этой части поселения является попарное расположение жилищ. В первую пару входят жилища № 2 и 3, во вторую — № 4 и 5, в третью — № 6 и 7. Расстояние между спаренными жилищами, не превышающее 5 м, значительно меньше, чем между

⁵ F. Schlette. Die Alttesten Haus — und Siedlungsformen des Menschen. Berlin, 1958.

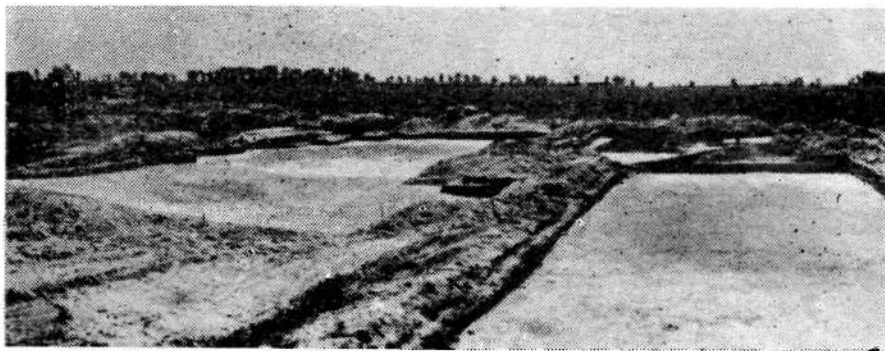

Рис. 5. Процесс раскопок жилищ.

двумя любыми парами, где оно равно 15—20 м. Возле второй пары жилищ обнаружена одна хозяйственная постройка, принадлежащая, возможно, одновременно обоим жилищам. Этот факт, а также очень небольшое расстояние, разделяющее между собой спаренные жилища, может быть, указывает на то, что их владельцы были связаны между собой какими-то родственными отношениями.

Хозяйственных построек, относящихся к первой, наиболее западной паре жилищ, во время раскопок не обнаружено. Создается впечатление, что они существовали, но были разрушены при сооружении траншей военного времени. Об этом свидетельствуют темные пятна с включением мелких угольков в стенках траншей и в выброшенной из них земле.

Все хозяйственные постройки западной части поселения расположены во втором ряду, то есть дальше от берега, за жилищами. Исключение составляет хозяйственная постройка № 4, принадлежащая жилищу № 7 и расположенная в первом ряду, ближе к берегу. Жилища не прижаты к берегу, а расположены на расстоянии 7—10 м от него, уже на высоко приподнятом склоне.

Обращает на себя внимание тот факт, что в западной части поселения жилищ значительно меньше, чем в восточной. Так, в западной части обнаружено 10 жилых и хозяйственных построек, а в восточной, занимающей чуть большую площадь, 21 или даже 23, если считать и две хозяйственные постройки, расположенные почти в центре (№ 14, 15).

Восточная часть поселения отделена от западной неглубоким оврагом, в котором лишь в весенние паводки на некоторое время задерживается вода. В планировке этой части наблюдается большая четкость, несмотря на то, что, как уже отмечалось, она была заселена более плотно. В центре размещена культовая постройка II. Девять жилищ (№ 8—10, 13—15, 17—19) расположены по северному склону и вытянуты в одну линию вдоль берега озера. Три жилища (№ 11, 12, 16) тяготеют к южному, слабо выраженному склону дюны. Почти возле каждого жилища имеется хозяйственная постройка. Они не обнаружены только воз-

зе жилищ № 11, 12. В восточной части поселения, в отличие от западной, почти все хозяйственные постройки расположены ниже по склону, почти на самом берегу озера (рис. 4).

На поселении обнаружены сооружения трех типов: 1) углубленные жилища; 2) наземные и слегка углубленные постройки, которые на основании ряда наблюдений рассматриваются в качестве хозяйственных; 3) культовые сооружения.

В одних случаях взаимное расположение жилищ и хозяйственных построек ясно показывает, что они принадлежали одному хозяйству. В других — это менее очевидно.

О существовании единых хозяйственных комплексов свидетельствует прежде всего тот факт, что жилище и хозяйственная постройка расположены в непосредственной близости друг от друга; обычно их разделяет не более 5 м. Кроме того, между ними прослеживается непрерывный довольно насыщенный культурный слой, нередко встречаются хозяйственные ямы и ямы от столбов.

В жилище № 6 и принадлежащей ему хозяйственной постройке № 3 были обнаружены фрагменты одного и того же сосуда. Раскопки жилищ № 5, 6 и 9 дали материал, в какой-то степени подтверждающий наличие на поселении жилищно-хозяйственных комплексов. В 2,5—3 м от названных жилищ был обнаружен ряд неглубоких ямок диаметром 0,1—0,15 м. Вдоль них прослеживалось скопление битой посуды, камней, обломков печины и другого хозяйственного мусора, образующего узкую полосу длиной 4—5 м. Такая полоса, вероятно всего, могла возникнуть вдоль ограды, окружающей площадь одного хозяйства, под которую долгое время сбрасывали различные бытовые отбросы. Прослеженные ямки могли принадлежать столбам для крепления ограды (скорее всего, плетня) (рис. 5).

Раскопками установлено, что большинство жилищ расположено перпендикулярно к берегу озера. Такую же ориентацию жилищ удалось проследить на поселениях Волицево, Ивановка, Боромка и Здвижевка. Вход в жилища был обнаружен не всюду, но в тех случаях, когда его удавалось проследить, дверной проем находился в короткой стене, обращенной внутрь поселка. Особенно хорошо это прослеживалось в жилищах, состоящих из двух помещений, одно из которых было глубже другого. Естественно, что в таких жилищах сначала входили в менее глубокое помещение, затем попадали уже в более глубокое.

Таким образом, на поселении существовало что-то вроде улицы, куда были обращены выходы из жилищ. Основная часть построек размещена по одну сторону улицы и лишь жилища № 11, 12 и 16 могут рассматриваться как часть второго противоположного ряда.

Глава II

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

ЖИЛИЩА

На поселении открыто 32 бытовых постройки, 15 раскопано полностью; среди них 9 жилищ и 6 хозяйственных построек¹ (см. табл. XXV).

Жилище № 2 (№ 4). Расположено в западном конце возвышенности. По длинной оси вытянуто с севера на юг, строго перпендикулярно к берегу озера. Длина его 14,8 м, ширина 7 м. Контуры определились на глубине 0,4 м. Жилище имело правильную прямоугольную форму с почти равными параллельными стенками, прямыми углами и состояло из двух помещений: северного, более глубокого, и южного, более мелкого. Оба помещения сооружены одновременно, так как у них совпадают продольные линии стен и линия столбовых ям, проходящая по центру (табл. I, 1).

Северное помещение правильной прямоугольной формы, длина его 10,7 м. Пол корытообразно понижался к центру. В центральной части глубина помещения 1,2 м, у стен — 0,75—0,8 м. Дно жилища покрыто слоем черного, углистого песка толщиной 3—5 см. Вблизи очага этот слой был особенно плотным. Прослежены некоторые детали устройства стен. По краям углубления в ряде мест сохранились остатки обуглившихся жердей, лежавших вдоль стен между двумя рядами столбов. Расстояние между рядами не превышало 20—25 см. Такой же толщины были, очевидно, жерди или плахи, положенные между столбами. Остатки деревянной облицовки жилищ особенно хорошо сохранились вдоль восточной и западной стен. Здесь на полу прослежены куски обуглившегося дерева; длина сохранившихся фрагментов 0,25—0,45 м при толщине 15—17 см. Сохранилась только сердцевина плахи, тогда как верх-

¹ Описание жилищ дано с запада на восток в порядке их расположения на поселении и на общем плане. В скобках поставлены помещенные в отчете номера, под которыми раскапывались жилища.

вне слои истлели. По ширине окрашенной полосы можно предполагать, что первоначальная ширина плах была 0,2—0,3 м. Об их длине судить трудно, так как сохранились лишь небольшие куски, на которые распались сгоревшие плахи. По-видимому, длина плах равняется расстоянию между столбовыми ямами, то есть около 1 м.

Фрагмент обуглившейся плахи обнаружен и у северной стены. В остальных местах вдоль стен прослеживались лишь широкие углистые полосы или отдельные темные пятна (табл. 1, 2).

По центральной оси жилища, несколько смещенной к западу, вдоль всего помещения расположено 5 ям (№ 1—5) от столбов, поддерживавших крышу. Их средний диаметр 0,3—0,4 м, глубина от уровня пола 0,3 м. Расстояние между ямами около 2 м. Все они имели конусовидную форму и были заполнены темно-серым песком.

Две столбовые ямы прослежены в северной части жилища. Одна из них (№ 9) диаметром 0,4 м, глубиной 0,3 м; другая (№ 10) — диаметром 0,45, глубиной 0,3 м. Обе — заполнены темно-серым песком. Не исключено, что в них были вкопаны столбы, на которых держалась перегородка, разделяющая северное помещение жилища еще на две части.

На площади северного помещения найдено две хозяйственные ямы (№ 6, 7). Яма № 6 расположена у западной стены жилища; диаметр ее устья около 1 м, глубина — 0,4 м. Дно корытообразное. Яма заполнена золыстым песком и мелкими угольками. В заполнении встречено также несколько обломков посуды. Яма № 7 расположена в юго-восточном углу помещения; диаметр ее верха и низа около 0,7 м, глубина — 0,2 м. В заполнении найдено много обломков посуды.

В средней части помещения прослеживалось углубление неправильной овальной формы площадью более 2 м², заполненное золотистым песком. В центре его — ямка диаметром 0,35 м, глубиной 0,10—0,15 м, заполненная светлой золой.

Следы очага обнаружены в северо-западном углу помещения. От него сохранилось большое зольное пятно овальной формы, вытянутое с севера на юг, диаметром 2 × 1,4 м. Толщина зольного слоя 10—12 см. Вокруг кострища и в золе встречены обломки посуды, кости животных и фрагменты глиняных вальков.

Южное помещение так же, как и северное, имело прямоугольную форму. Его размеры с севера на юг — 4,2 м, с запада на восток — 7 м. С южной стороны, где, по-видимому, находился вход, стена сильно разрушена и ее контуры прослеживались с трудом. Южное помещение мельче северного, его глубина 0,3 м. Пол неровный, в мелких выбоинах, покрытый плотным слоем углистого песка мощностью 10—15 см. Следов облицовки стен деревом не обнаружено.

Две столбовые ямы (№ 11, 12) продолжают линию ям, прослеженных в северном помещении жилища и вырытых, очевидно, для столбов, поддерживавших кровлю. Яма № 11, диаметром 0,3 м и глубиной 0,25 м, была заполнена серовато-бурым песком. Яма № 12, диаметром 0,4 м и глубиной около 0,3 м, имела аналогичное заполнение. Кроме того, в ней найдено несколько фрагментов керамики. Обе ямы имели кону-

совидную форму. Четыре ямы (№ 10, 12—14) размещались в юго-восточном углу помещения. Они имели, вероятно, хозяйственное назначение, о чем говорят форма, размеры и заполнение. Стенки у них отвесные, дно круглое; диаметр трех из них близок 1—1,1 м, глубина — 0,35—0,4 и 0,5 м, заполнение — серый песок и небольшое количество обломков посуды. Четвертая яма (№ 14) имела коническую форму (диаметр верха 0,25 м, глубина 0,4 м), плоское маленькое дно и заполнение из серого песка с угольками (рис. 6).

Рис. 6. Реконструкция жилища № 2.

На всей площади жилища № 2 обнаружено значительное количество археологического материала, концентрировавшегося в центре жилища и вокруг очага. Керамика найдена также в юго-восточном углу и в хозяйственных ямах южного помещения.

Общее количество фрагментов — 120, из них венчиков — 35, днищ — 8. Стенок орнаментированных — 20. Среди орнаментированных сосудов 17 украшены наколами, 5 — жемчужинами, 7 — прочерченными линиями, из них 2 обломка с характерным для сосницкой культуры орнаментом из чередующихся параллельных линий и косых насечек.

Фрагменты принадлежат примерно 25—30 различным сосудам. Основную часть керамического материала составляют обломки наиболее типичных для поселения тюльпановидных сосудов, украшенных прочерченным орнаментом.

Вторую группу составляют фрагменты тонкостенных сосудов, изготовленных из глины с примесью крупных зерен толченого гранита. Некоторые из них ангобированы. Эти сосуды имеют округлый выпуклый корпус, маленькое плоское днище и высокие прямые венчики. Часть

из них вовсе не орнаментирована, некоторые украшены ямками под венчиком (см. табл. XVI).

В третью группу могут быть выделены фрагменты сосудов, изготовленные из глины с примесью песка и каких-то растительных волокон. Это обломки толстостенных сосудов с выпуклым корпусом, орнаментированные в верхней части мелкими треугольными наколами.

Наряду с керамикой в жилище найдены кремневая стрелка со стерженьком, несколько обломков от зернотерок и пять терочных камней.

Жилище № 3 (№ 1) расположено в западной части возвышенности. По длинной оси вытянуто с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Состоит из одного помещения и имеет форму довольно правильного прямоугольника с немного закругленными углами. Длина жилища 14,5 м, ширина в центральной части около 7 м, по краям несколько меньше. Ширина северной стенки 6 м, южной — 5,2 м; глубина около 1 м. Пол жилища в целом ровный, корытообразный, углубленный в районе очагов и покрыт слоем углистого песка толщиной 5—7 см. Отдельные участки пола сохранили следы глиняной обмазки. Особенно хорошо она сохранилась в северо-восточном углу жилища и с двух сторон одного из очагов. Обмазка, вернее вымостка, имела следующее устройство: на ровную поверхность рыхлого песчаного пола укладывались впритык один к другому глиняные вальки шаровидной, яйцевидной и плоской форм, размерами 10—15 см в поперечнике. Зазоры между вальками заполнялись обломками и крошками таких же вальков. В одном случае сверху вымостка обмазана глиной, в двух других — поверхность присыпана слоем песка.

В жилище обнаружены остатки двух очагов, расположенных в его центральной части на расстоянии 2,5 м друг от друга, представляющие собой завалы печины, золы, глиняных вальков высотой 0,5 м и занимающие площадь около 2 м². Под очагов имел вид круглой площадки из обожженной глины диаметром 0,3—0,35 м. Вблизи обоих очагов, с западной стороны от них были расположены предочажные ямы конусовидной формы, диаметром 1,5 м, глубиной 1,1 и 0,6 м.

В очажных завалах встречены обломки и шлакированные куски глины с отпечатками прутьев и пальцев. Интересны фрагменты, на которых с наружной и с внутренней сторон сохранились отпечатки прутьев и шнура.

Под очагами, в небольших конических ямках обнаружены фрагменты миниатюрных сосудиков баночной формы. Подробнее о них ниже.

На дне жилища прослежены столбовые ямы: шесть — вдоль восточной стены, пять — вдоль западной, две — вдоль северной (табл. II). Диаметр ям от 0,25 до 0,3 м, глубина от 0,3 до 0,35 м; коническая форма всех столбовых ям примерно одинакова. Заполнение составляет темно-серый песок. Между ямами в ряде мест наблюдались углистые полосы шириной 10—15 см, под ними, уже в белом песке, прослежены следы от маленьких колеб, диаметром 1—1,5 см, расположенных в два ряда на расстоянии 2—3 см друг от друга в шахматном порядке. Здесь же под стенками встречены мелкие кусочки глины с отпечатками тонких прутьев.

Две столбовые ямы найдены в центральной части жилища. Одна из них расположена рядом с северным очагом, другая — в 3,5 м от южной стенки. По размерам и глубине они не отличались от остальных столбовых ям и, вероятно, предназначались для опорных столбов, на которых крепилась крыша.

В жилище обнаружено четыре хозяйственные ямы. Две из них расположены вблизи южного очага, третья — между очагами, четвертая — в 3,5 м от северной стены. Ямы близки между собой и по форме и по размерам. Их глубина 0,6—0,75; 0,8 м, диаметр — 0,7; 0,75; 0,8 м. Дно ровное, стенки вертикальные. Ямы заполнены углистым песком и обломками посуды.

В жилище выявлено большое количество керамики и других бытовых предметов. Фрагменты принадлежат более чем 50 сосудам. Обнаружены также обломок глиняной ложки, несколько миниатюрных сосудиков, пряслица, около 10 обломков от зернотерок, пять-шесть целых и разбитых растиральных камней, средняя часть проушиного топора, обломок серпа и два скребка, один из кремня, другой из кварцита (см. табл. XVII).

Жилище № 4 (№ 2) так же, как и предыдущие, расположено в западной части поселения. От жилища № 3 оно находится на расстоянии почти 10 м. Несколько южнее его размещено культовое сооружение I.

Жилище вытянуто по длинной оси с севера на юг с сильным отклонением к западу (табл. III). Длина 12,5 м, ширина в центральной части 8,6, ширина северной стенки 7,3, южной — 6,45 м. В целом жилище имело форму неправильного прямоугольника. Продольные стенки строго параллельны лишь в центральной части, к концам они постепенно сужаются, углы сильно закруглены. Глубина жилища в центре 1 м, у стен, где пол корытообразно поднимается, не превышает 0,8—0,9 м. Дно покрыто слоем плотного углистого песка толщиной 6—8 см, в котором в большом количестве встречены угольки, пережженные кости и мелкие обломки посуды. Как и в жилище № 3, здесь в нескольких местах на полу прослежены участки глинобитной вымостки. Лучшее всего она сохранилась у северной стенки и вблизи очага. Вымостка состояла из вальков, забутованных обломками и крошками таких же вальков, а сверху была обмазана глиной.

В жилище найдено два очага. Первый, расположенный в центральной части землянки, являлся главным отопительным очагом. Его завал занимал площадь около 3 м в диаметре. Высота завала — 0,3—0,35 м. При разборке удалось выделить три составные части очага. В самом низу находилось большое пятно золы, среди которой прослеживались твердые участки глинобитной площадки — пода. Рядом с ним, на том же уровне, размещалась предочажная яма, размерами 1 × 1,5 м, глубиной 0,5—0,55 м, неправильной конической формы, заполненная золой, кусками печины и вальками. Сверху все это перекрывала куча рухнувшего свода, состоявшая из обломков печины, глиняных вальков и цементированной золы.

Под очагом после удаления остатков пода в ямке были обнаруже-

ны миниатюрный сосудик баночной формы и кучка черепков от второго раздавленного миниатюрного сосуда.

Второй очаг, расположенный в северо-западном углу жилища, не был купольным. От него сохранилось расплывшееся пятно золы, мощностью около 15 см, и несколько глиняных вальков в основании.

В жилище обнаружено большое количество столбовых ям, расположенных без какого-либо порядка. Три ямы найдены вдоль северной стены, три — вдоль восточной, семь — вдоль западной. Две ямы от столбов проходили по центральной оси жилища, одна ближе к северной, другая — к южной стенам.

Размеры столбовых ям довольно разнообразны. Диаметр ям, расположенных вдоль западной стены, 0,2—0,25 м, остальных — 0,3—0,4 м. Глубина их 0,2—0,3 м. Во многих местах между ними прослежены углистые полосы — остатки деревянной облицовки стен. Темная полоса тянулась от северо-восточного угла к центру, длина ее 1,5 м, ширина 25 см. Возле центра полоса шире и фиксирует, очевидно, след сгоревшего и упавшего столба.

В жилище обнаружено шесть хозяйственных ям — три в северной и три в южной половинах. Пять из них были близких размеров и одинаковой формы. Они имели сравнительно ровное дно и прямые вертикальные стенки, их средний диаметр 0,6—0,8 м, глубина — 0,6—0,65 м. Заполнение состояло из темного углистого песка и небольшого количества обломков посуды. Шестая яма, расположенная в северо-восточном углу, имела корытообразную форму и небольшой подбой в восточной стене. Диаметр верхней части ямы 1,8 м, глубина в центре 1 м; заполнение не отличалось от остальных (рис. 7).

Описываемое жилище дало самую большую и богатую коллекцию керамики. Здесь найдены обломки более чем от 100 сосудов. Среди них многие уникальны и являются интересным дополнением к характеристике керамического комплекса всей восточнотшиницкой культуры (см. табл. XVIII).

Кроме посуды обнаружены три фрагмента миниатюрных сосудов, два пряслица, одно в форме усеченного конуса, второе плоское, и два обломка каких-то хорошо обожженных изделий, изготовленных из глины без примесей. Возможно, это фрагменты литейных форм.

Среди немногочисленных каменных изделий встречено несколько обломков зернотерок и растиральных камней.

Жилище № 5 (№ 3) расположено в западной части поселения в 3 м от жилища № 4, вместе с которым оно занимало наиболее приподнятую часть дюны. Жилище вытянуто по длинной оси с юга на север и расположено перпендикулярно к берегу озера. Его длина 16,8 м, ширина центральной части 6,65 м. Стены почти параллельны друг другу, лишь в южном конце конусообразно сближаются. Ширина южной стенки 4,2 м, северо-западный и юго-западный углы закруглены, северо- и юго-восточные — прямые, четко выражены (табл. IV, 1).

Жилище состоит из двух помещений: северного и южного. Нет уверенности, что южное помещение не было пристроено к северному в более поздний период. Оно отделено от северного порошком высотой

0,3 м. По-видимому, между помещениями существовала перегородка с дверью или дверным проемом, о чем свидетельствует тот факт, что участок пола в центральной части, там где предполагается проход, пологий и сбитый, тогда как возле стен порожек круче и значительно лучшей сохранности.

Северное помещение. Его длина 8,2 м, ширина 6,2, глубина в центральной части 1,45 м. Пол корытообразной формы с максимальным понижением в центре, без выбоин.

Рис. 7. Реконструкция жилища № 4.

Очаг был сооружен в центре в неглубокой (0,2—0,25 м) ямке. Сохранился развал из глины, золы и кусков печины, занимающий площадь $2 \times 2,3$ м, высотой 0,2 м. В золе найдено большое количество костей животных, среди них нижняя челюсть быка. Поверх развала, параллельно друг другу лежали три обуглившиеся жерди толщиной 0,5, 0,6, 0,7 см, длиной 12, 13, 15 см. Возможно на них подвешивали сосуды. С юго-восточной стороны от очага находился хорошо сохранившийся участок округлой глиняной вымостки, размерами $1,9 \times 2,1$ м, покрытой плотным слоем темно-серой глины. Толщина глиняной обмазки 10—12 см. Площадка была хорошо утрамбована, но не обожжена. У южного конца вымостки найдено два целых глиняных валька яйцевидной формы.

На площади северного помещения обнаружено четыре хозяйственные ямы. Одна из них (№ 1), расположенная в центре жилища, имела воронковидную форму. Диаметр устья около 0,6 м, глубина — 0,3 м. Яма была забита распавшимися на мелкие кусочки костями животных. Яма № 2, расположенная в 2 км к юго-востоку от первой, была круглой в плане, котловидной формы, диаметром 0,5 м, глубиной 0,45 м. В за-

полнении найдены маленький раздавленный сосудик баночной формы, придонная часть другого, более крупного сосуда и более 20 обломков глиняных вальков. Две другие ямы (№ 3 и 4), расположенные вдоль восточной стенки, имели одинаковую конусовидную форму и близкие размеры; диаметр устья соответственно 0,6 и 0,3 м, глубина — 0,45 и 0,25 м. Обе ямы заполнены темным углистым песком.

Вдоль стен северного помещения, почти на всем их протяжении, прослеживалась углистая полоса шириной 15—20 см от сгоревшей деревянной облицовки (табл. IV, 2). Особенно отчетливо она сохранилась вдоль восточной стенки.

Столбовых ям здесь почти не найдено. Возможно, это объясняется тем, что пол жилища был покрыт особенно толстым слоем углистого песка, в котором неглубокие ямы с темным заполнением не видны. Удалось обнаружить лишь три столбовые ямы. Одна выявлена между очагом и восточной стенкой; в плане она правильной прямоугольной формы, диаметром 25 см, глубиной 0,3 м. От нее в южном направлении тянулась темная углистая полоса длиной 1,7 м, шириной 20—25 см, представлявшая собой след от стоявшего в ней и сгоревшего столба. Две другие столбовые ямы имели круглую форму, диаметром 0,3 м, глубиной 0,25 и 0,3 м.

Южное помещение имело неправильную прямоугольную форму. Продольные стенки довольно сильно сужены к южному концу. Длина помещения 6,6 м, ширина северной стенки 5,8 м, южной — 4,10 м. Пол с массой мелких выбоин покрыт слоем (значительно более тонким, чем в северном помещении) темного углистого песка.

Вдоль восточной стенки обнаружено две ямы от столбов, близкие между собою по размерам. Они круглые в плане, диаметром 0,25 м и глубиной 0,25—0,2 м, заполненные бурым песком.

Хорошо прослежен вход в помещение, расположенный с южной стороны, где стена была сильно разрушена.

Очаг находился за пределами жилища. Устройством он отличается от других. От него сохранилось пятно (1,8 × 1,9 м) из плотно сцементированной золы, мощностью 0,2 м, перемешанной с пережженными костями, углями и большим количеством целых и поломанных глиняных вальков. Под зольным слоем в ямке глубиной 0,45 м находилась желто-зеленая глина.

На полу жилища найдено небольшое количество керамики и других бытовых остатков. Несколько раздавленных сосудов было найдено в центре северного помещения вблизи очага. Мелкие обломки керамики сосредоточивались преимущественно у западной и восточной стен. В основном находки располагались вдоль южной стенки, у входа и вокруг очага.

На основании подсчета венчиков, днщ и стенок сосудов с различным орнаментом можно прийти к выводу, что в жилище использовалось от 60 до 70 различных сосудов. Доминируют горшки и тюльпановидные сосуды. Найдено несколько обломков баночных сосудов, дуршлага и глиняной сковородки. Интересен фрагмент миски, украшенной по краям мелкими сквозными проколами, и два фрагмента со шнуровым

орнаментом; на одном из них оттиск тонкого шнура, на втором — узор, напоминающий орнамент на посуде среднеднепровской культуры из заштрихованных треугольников, соприкасающихся гранями (см табл. XIX).

Кроме обломков посуды и керамических изделий найдены два обломка пряслиц (плоской и биконической форм), украшенных заштрихованными треугольниками, почти целая глиняная ложка с ручкой и нижняя часть какой-то глиняной поделки в виде небольшой плоской лепешки, диаметром 3,5 см. Одна сторона у нее хорошо заглажена, на второй имеются следы от сбитого круглого стерженька.

Интересна находка глиняного валька яйцевидной формы с двумя глубокими, но не сквозными круглыми отверстиями, сделанными, по-видимому, для того, чтобы укрепить валец в неподвижном положении, насадив его на стерженьки.

Изделия из камня представлены одной, почти целой зернотеркой, четырьмя обломками от зернотерок, двумя терочными камнями и несколькими кремневыми отщепами.

Жилище № 6 (№ 5). Во время шурфовки жилище № 6 и хозяйственная постройка № 3 (5а) были приняты за одно помещение. Для них был разбит общий раскоп и только при подчистке площадки, на глубине 0,3 м, стало очевидным, что раскоп «перекрывает» жилище и принадлежащую ему хозяйственную постройку. Жилище № 6 было расположено в западной части поселения, в 3 м от жилища № 7. Оно ориентировано почти точно по сторонам света; по длинной оси с севера на юг, по короткой — с запада на восток. Продольные стенки параллельны друг другу, поперечные на концах сужены. Длина жилища 13,7 м, ширина 6,2 м (табл. V, 1).

Жилище состояло из двух помещений различной глубины — северного и южного. Северное помещение имело почти правильную прямоугольную форму (длина 10 м, ширина 6,2 м), углы чуть закруглены. В центре глубина достигала 1,25 м, у стен не превышала 1 м, пол, корытообразно понижающийся к центру, покрыт слоем углистого, плотно слежавшегося песка. Особенно мощным он был в районе очага. Завал последнего занимал площадь 1,5×1,8 м. В нем найдены мелкие пережженные кости животных, угольки, камни, фрагменты керамики, большое количество целых и поломанных вальков. Ниже печного завала были обнаружены целый сосудик баночной формы небольших размеров и фрагменты еще от двух раздавленных сосудов тюльпановидной формы.

Под завалом очага, в полу, найдены две ямки от столбов, диаметром 0,18 м и глубиной 0,15 м. Расстояние между ними около метра. По расположению и небольшому размеру ямок можно предполагать, что они имели отношение к устройству очага.

Следы второго очага выявлены в северо-восточном углу помещения; от него сохранилось скопление светлой мягкой золы, занимающей площадь 0,5 × 0,55 м. В золе и поверх кострища найдено около 20 целых и поломанных глиняных вальков.

В северном помещении четко прослежены контуры ям от столбов. Три ямы (№ 1—3) расположены по линии, проходящей примерно по

центральной продольной оси жилища, чуть смещенной к западу. Они имеют одинаковое устройство и близкие размеры. Верхняя часть ям правильной круглой формы, диаметром около 0,4 м, дно в плане имеет прямоугольную форму, длиной 18—20 см, шириной 10—15 см; глубина ямок 0,2, 0,25, 0,3 м.

Вдоль западной и восточной стены помещения обнаружено по четыре ямы от столбов. За исключением одной, расположенной в северо-западном углу помещения, все ямы имели одинаковую коническую форму и близкие размеры. Диаметр верха в плане правильно округлой формы — 0,25—0,3 м, глубина — около 0,25 м; заполнение составляет темный песок. Только в яме № 9 оказалось несколько обломков глиняных вальков. Яма № 4, расположенная в северо-западном углу жилища, имела в плане правильную круглую форму с одинаковым диаметром верхней и нижней частей, равным 0,45 м. Как и все остальные, она заполнена темно-бурым песком.

Южное помещение отделялось от северного невысоким (0,15—0,2 м) порожек, сохранившим четкие формы у стен и почти сглаженным в центре. Его ширина такая же, как у северного помещения; в направлении с севера на юг помещение вытянуто на 3 м. Южная стена и прилегающие к ней углы закруглены. Глубина жилища около 0,6 м. Пол сравнительно ровный с небольшим общим уклоном к северу. Так же, как и в северном помещении, он покрыт слоем (до 5—7 см) плотного углистого песка.

В северо-западном углу находился очаг. Печной завал занимал площадь около 2 м в диаметре, его высота около 0,4 м. В нем хорошо сохранились глиняные вальки, лежавшие в один, два и даже три ряда. У стенки завал был выше и плотнее, в глубь жилища вальки и обломки печи рассыпались веером. Это дает основание предполагать, что очаг был собран непосредственно у стены. Сохранились отдельные фрагменты пода, имевшего вид круглой площадки (размерами 40×30 см) из докрасна обожженной плотной глины (толщиной 3—4 см). Рядом с ним была обнаружена коническая яма неправильной овальной формы. Диаметр ее верхней части 1,3 м, нижней — 0,4 м. Яма заполнена мелкими костями и обломками керамики.

На площади южного помещения найдено пять ям от столбов. Две из них (№ 15, 16) расположены примерно по центру, чуть ближе к восточной стене. С ямами северного помещения они не составляют общей линии. Три других ямы (№ 12—14) размещены вдоль восточной стенки. Их форма и размеры аналогичны ямам № 15, 16, они круглые в плане, имеют коническую форму, диаметр верха — 0,3 м, глубина — 0,25—0,3 м. Заполнение всех ям из темного песка.

В 0,4 м к юго-востоку от очага находилась большая хозяйственная яма. В плане она имела правильную округлую форму с прямыми вертикальными стенками и плоским дном. Глубина ямы 0,3 м, диаметр верха — 1,6 м. В заполнении найдены несколько глиняных вальков, обломки керамики и пережженные кости животных (табл. V, 2).

Основная часть находок, обнаруженных в жилище № 6, была сконцентрирована вокруг очага в северном помещении. Сравнительно

большое количество фрагментов керамики выявлено у западной стенки северного помещения и у порожка. Следует отметить, что в северной половине северного помещения находок почти не встречено. Отсутствуют здесь и хозяйственные ямы. В южном помещении находки концентрировались вокруг очага и расположенной вблизи него хозяйственной ямы.

Судя по обломкам, общее количество использовавшихся сосудов колеблется между 25—30. Среди них большая часть принадлежит тюльпановидным сосудам. Интересна мисочка (почти единственная на поселении) полусферической формы, орнаментированная по краям сквозными проколами. Обнаружено 18 фрагментов керамики с многоваликовым орнаментом. Кроме посуды найдено более 20 обломков от зернотерок и растиральных камней (см. табл. XX).

Жилище № 7 (№ 6) является последним в западной части поселения. К западу от него, менее чем в 5 м, расположено жилище № 6. К востоку (через небольшой овраг) в 20 м — жилище № 8, а севернее — хозяйственная постройка № 6. От берега озера жилище расположено на расстоянии 24 м.

Ориентировано оно необычно. Его длинная ось проходит в направлении с северо-запада на юго-восток с отклонением на запад. Короткая — с севера на юг с отклонением к востоку. Жилище почти прямоугольно, его длина 12,8 м, ширина — 7,2 м. Стенки ровные, параллельны между собой. Оно состояло из двух помещений: более глубокого — северо-западного и более мелкого — юго-восточного (табл. VI, 1).

Северо-западное помещение от юго-восточного было отделено не только порожком, но и перегородкой. От нее сохранились ямы от столбов и темная полоса, проходящая почти поперек всего жилища. Размеры северо-западного помещения 7,2 × 6 м. Пол ровный, чуть покатый в сторону перегородки. В центре глубина помещения достигает 0,9 м, у стен — 0,8—0,7 м. Вдоль перегородки сохранились остатки какого-то сооружения из глины, которое, судя по размерам и конфигурации, могло быть лежанкой. Его общая длина 1,8 м, ширина 1,1 м. Оно представляло собой площадку из глиняных вальков, обмазанных сверху глиной, и возвышалось над полом на 0,2—0,25 м. Особенно хорошо сохранились участки по краям сооружения и несколько фрагментов глиняной обмазки между ними.

Ни очага, ни хозяйственных ям в западном помещении не было. Расположение ям от столбов указывает на одновременность сооружения обоих помещений, поэтому описание ям целесообразно дать в конце.

Юго-восточное помещение имело размеры 7,2 × 6,8 м. Порожек, отделяющий его от соседнего помещения, высотой до 30 см хорошо сохранился в центральной части и у южной стены; у северной стенки, очевидно на месте перехода из одного помещения в другое, он почти сбит.

Пол неровный, покрытый выбоинами и ямами. Наиболее углубленной была южная часть помещения, где размещался очаг. Развал очага занимал площадь около 2 м² и представлял собой кучу печины и сцементированной золы высотой до 0,3 м. Верхний слой завала толщиной

4—5 см был сложен из мелких комочков обожженной глины яркого розового и бурого цветов. После их удаления обозначилась площадка пода круглой формы диаметром чуть более 1 м. Он был сооружен из вальков, уложенных в два ряда, забутованных «крошками» от вальков, и обмазан сверху слоем глины. По краям пода в виде подковы прослеживался бортик из вальков. Только на небольшом участке с северной стороны бортика не было. Наличие бортика и сравнительно небольшое количество печины, лежавшей поверх пода, ставит под сомнение существование сводчатого перекрытия над этой печью.

Ниже пода, приблизительно в центре, были найдены обломки сосуда миниатюрных размеров баночной формы с подлощенной поверхностью.

Рядом с очагом, но ближе к входу размещалась предочажная яма, имеющая в плане круглую форму с коническими сужающимися ко дну стенками, заполненная кухонным мусором. В северо-западном углу ее обнаружены две маленькие (диаметром 0,18 и 0,2 м) ямки от столбов.

Рядом с очагом, в 1,5 м к северу от него, находилась глиняная вымостка. Так же, как и лежанка, обнаруженная в восточном помещении, она была сильно разрушена. Сохранился участок, имеющий неправильную овальную форму, размерами 1,4 × 0,6 м, сложенный из вальков, обмазанных толстым (в 5—6 см) слоем глины. Поверх вальков были положены крупные обломки керамики (более 120). Рядом с вымосткой, чуть севернее, находилась хозяйственная яма овальной формы, вытянутая с севера на юг. Размеры ямы 1,3 × 1 м. Дно неровное, покатое к северу. Наибольшая глубина — 0,8 м. Яма была заполнена темно-серым грунтом, обломками сосудов, камнями и обожженными костями животных.

Особый интерес представляет обнаруженная вблизи очага культовая ямка-погребение, расположенная в 1 м к северу от очага и внешне почти не отличающаяся от обычной столбовой ямки. В плане она имела правильную овальную форму, диаметром 0,25 × 0,15 м, глубиной 10—12 см. Форма ямки грушевидная с подбоями по всем сторонам и особенно глубоким в южной стенке. Стенки и дно хорошо заглажены, возможно, что они были обмазаны глиной и обожжены, отчего на них сохранилась тонкая, но плотная корочка, легко откалывающаяся при расчистке. На дне ямки лежала кучка светлой, почти белой золы, перемешанной с большим количеством мелких кальцинированных костей. Верхняя часть была засыпана черным блестящим, как бы жирным песком, в котором встречены (правда, в меньшем количестве) кальцинированные косточки и несколько очень мелких фрагментов керамики.

В жилище № 7 хорошо прослежен вход, расположенный в южном углу юго-восточного помещения. В этом месте границы жилой ямы плохо оконтуривались, а на небольшой, довольно узкой полосе наблюдалась особенно сильная затоптанность пола.

Ям от столбов на полу жилища было множество. Они отличались друг от друга не только размерами, но и формой. Одна из линий проходила по длинной оси жилища, чуть ближе к ее юго-восточной стенке.

Она состояла из четырех ям, расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Одна яма (№ 1) в плане прямоугольная, три (№ 6, 13, 19) — круглые; диаметр ям колеблется между 0,35—0,45 м, глубина — 0,2—0,25 м. По расположению ям и их размерам можно предположить, что они предназначались для столбов, поддерживающих кровлю.

Две круглые в плане ямы (№ 15, 20) расположены между северной и южной стенками. Возможно, в них стояли столбы, к которым крепились не только крыша, но и перегородка между помещениями. Диаметр ям 0,9 и 0,95 м, глубина 0,3—0,35 м. Вдоль предполагаемой перегородки, разделяющей жилище на два помещения, обнаружены еще две маленькие ямки (№ 8, 9) прямоугольной формы, диаметром $0,2 \times 0,2$ и $0,2 \times 0,25$ м, глубиной 0,35 м. Вдоль стен найдено 13 ям, особенно много вдоль западной и северной. Они различны по форме и размерам. Четыре ямы (три из которых расположены вдоль западной стены) имели прямоугольную форму со сторонами, равными 0,7—0,8 м, глубиной 0,2—0,3 м. Рядом с одной из них, почти вплотную к ней, была обнаружена круглая в плане яма близких размеров. В ней, очевидно, стоял столб, подменивший более старый или рухнувший. Остальные ямы имели значительно меньшие размеры; их диаметр не превышал 0,2 м, а глубина — 0,1—0,15 м (табл. VI, 2).

На небольшой площади, вскрытой за пределами жилища, выявлен очаг, расположенный в 2 м от северо-западной стенки, и остатки какой-то сильно разрушенной наземной постройки. От очага (размерами $1,7 \times 1,5$ м) сохранились куча золы овальной формы, куски пещины, вальки и обломки керамики. Между ним и северной стенкой жилища, на глубине 0,3 м от поверхности, прослеживалась темная полоса длиной около 4 м, шириной 20 см. Вдоль полосы найдены кусочки плохо обожженной пещины, многие фрагменты окатаны; на некоторых обломках видны отпечатки прутьев. По-видимому, это остатки небольшой, наземной постройки или плетня, обмазанного глиной (рис. 8).

Основное количество находок было обнаружено в юго-восточном помещении возле очага и в хозяйственных ямах. В северо-западном помещении бытовых остатков значительно меньше, и только в восточном углу, во время подчистки пола, найдено довольно много обломков посуды и развал почти целого крупного горшка. Здесь же найдена половина пряслица круглой формы, несколько кремневых отщепов и несколько обломков зернотерок.

В юго-восточном помещении, в восточном углу возле хозяйственной ямы, найден развал тюльпановидного сосуда (см. табл. XXI).

Небольшую группу керамики составляют фрагменты от толсто-стенных сосудов, изготовленных из глины с примесью песка. Среди них венчики с прямосрезанным краем, орнаментированные косыми насечками, принадлежащие сосудам либо среднеднепровской культуры, либо культуры многоваликовой керамики.

Кроме посуды из глиняных изделий в жилище найдено фрагмент ложки и обломки нескольких круглых пряслиц. Особо следует отметить глиняную «лепешку» (диаметром 12 см, толщиной 1,8 см) с пятью

углублениями: одним в центре, четыре — по краям. Из каменных изделий встречены рукоять какого-то кремневого орудия, скорее всего кинжала, обломок кремневого серпа и довольно большое число обломков от зернотерок и растиральных камней.

Жилище № 8 (№ 13) расположено в начале восточной части поселения, на возвышенном участке дюны. В 5 м к северу от него находят-

Рис. 8. Реконструкция жилища № 7.

ся хозяйственное помещение № 6, по-видимому, составляющее с ним единый комплекс. Как и большинство жилищ восточной половины поселения, жилище № 8 вытянуто по длинной оси с северо-востока на юго-запад (табл. VIII) в форме вытянутого прямоугольника с параллельными друг другу стенками и немного закругленными углами, его длина 12,8 м, ширина 6,8 м. Жилище состоит из двух помещений — северо-восточного и юго-западного.

Северо-восточное помещение имеет правильную прямоугольную форму (длина 10, ширина 6,8 м). Глубина его в центре 1,15—1,2 м, у стен на 5—10 см меньше. Пол сравнительно ровный, с общим понижением к центру, покрыт плотной углистой коркой, толщиной 7—8 см. Очаг размещен в юго-восточном углу. От него сохранился развал, занимающий площадь диаметром 0,7 × 0,8 м, мощностью в центре 15 см, по краям 7—8 см. В золе и вокруг встречены обломки печины и фрагменты керамики.

В 1 м южнее очага обнаружена культовая ямка, содержащая кальцинированные кости. Она представляла собой овальную в плане ямку грушевидной формы; размеры устья 0,4 × 0,2 м, глубина — 0,5 м. Дно и нижняя часть стенок покрыты плотной темной корочкой, возникшей в результате то ли обмазки, то ли сильного обжига. Верхняя часть

ямки заполнена углистым с жирным блеском песком, нижняя — золой с очень мелкими кальцинированными костями.

Расположение ям от столбов указывает на одновременное строительство обоих помещений, поэтому описание ям целесообразно дать в конце описания жилища.

Юго-западное помещение небольших размеров (6,8 × 3,8 м) было значительно мельче северо-восточного. Его глубина в центральной части 0,7 м, у стен — 0,5—0,6 м. Пол покрыт выбоинами, особенно глубокими в юго-западном углу, где, по-видимому, находился вход.

Юго-западное помещение отделялось от северо-восточного хорошо сохранившимся порогом высотой 0,3 м. Сохранность последнего свидетельствует о том, что на нем стояла перегородка. О ее существовании говорят и столбовые ямы, проходящие поперек жилища. В северо-восточном углу, в 1 м от перегородки, была обнаружена культовая ямка с остатками сожжения. Ямка грушевидной формы с наиболее глубоким подбоем в юго-западной стене, овальная в плане; размеры устья 0,35 × 0,3 м, глубина 0,4 м. Нижняя часть ямки была либо обмазана, либо обожжена, отчего на стенках образовалась тонкая, но плотная корочка темного цвета. Заполнение — блестящий сажистый песок, зола и кальцинированные косточки.

В жилище № 8 столбовых ям обнаружено сравнительно немного. Как обычно, одна линия проходила по центру помещения, чуть ближе к западной стене. Она состояла из четырех ям (№ 2, 10, 14, 15), круглых в плане (диаметром 0,3—0,4 м, глубиной 0,25—0,3 м), заполненных бурым песком. Десять столбовых ям найдены вдоль стен. При этом две из них (№ 5, 8) на некотором отдалении, остальные примыкали непосредственно к стенам. Две ямы (№ 1, 3) имели сравнительно большой диаметр (0,5—0,8 м при глубине 0,2—0,25 м), остальные почти аналогичны столбовым ямам, проходящим по центру жилища. Три столбовых ямы, две спаренных (№ 6, 7) и одна изолированная (№ 8), располагались по обе стороны очага. Диаметр спаренных ям 0,8 и 0,85 м, глубина 0,25 м. Диаметр ямы № 8—0,3 м, глубина 0,3 м (рис. 9).

За пределами жилища на площади, примыкающей к нему с южной и юго-восточной сторон, обнаружено пять ям хозяйственного назначения. Расположение их в южной части жилища в какой-то степени подтверждает, что вход находился именно с этой стороны. Размеры и форма ям различны: в плане круглые и овальные, глубокие (1,2—1,3 м) и мелкие (0,5—0,6 м). В большинстве из них, кроме темного углистого песка, ничего не было. Лишь в самой большой из ям, расположенной непосредственно у стены жилища, найдено довольно много обломков керамики.

На основании подсчета венчиков и днищ можно предположить, что в употреблении обитателей жилища находилось 30—35 сосудов. Значительная часть керамики найдена в юго-западном помещении, по-видимому, предназначенном в основном для хозяйственных целей. Здесь обнаружены: обломок бронзовой бляшки, керамика, кости животных, камни. В частности, выявлено два раздавленных тюльпановидных сосуда, часть миски, фрагмент миниатюрного сосуда, обломок дуршлага, фраг-

мент кремневого серпа, тесловидный топорик из гранита, растиральник, несколько кусков от зернотерок и т. д. У южной стены жилища, сразу же за его пределами, перед входом в неглубокой ямке (около 0,3 м) лежали

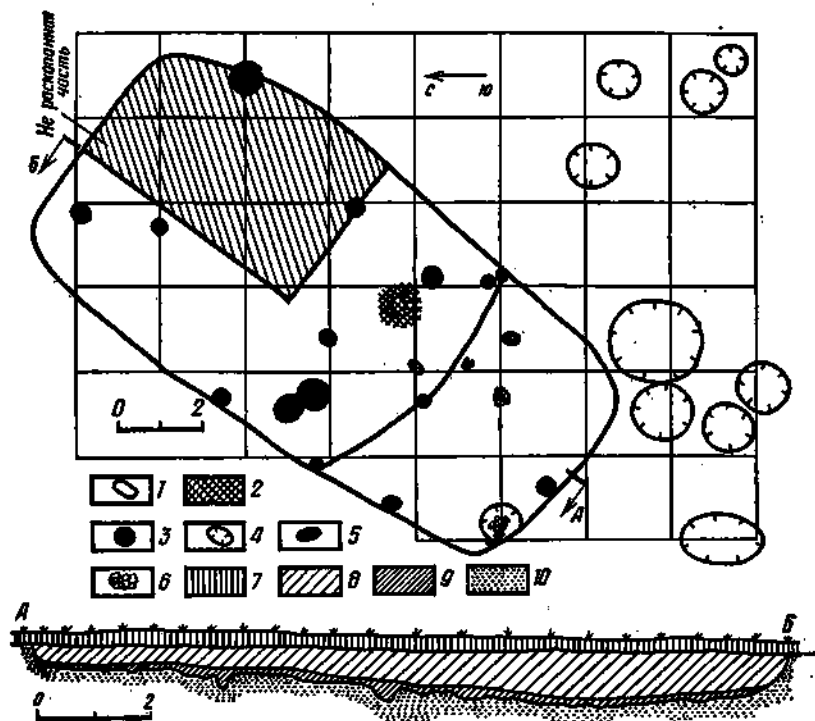

Рис. 9. План и разрез жилища № 8:

1 — контуры жилища; 2 — очаг; 3 — ямы от столбов; 4 — хозяйственные ямы; 5 — погребения с кальцинированными костями; 6 — развалы сосудов; 7 — гумус; 8 — темный песок; 9 — темный песок; 10 — светлый материковый песок.

сложенные одна на другую пять глиняных «лепешок», две целых, три — фрагментированных (см. табл. XXII и рис. 32).

Жилище № 9 (№ 8) расположено в восточной части поселения. В 5 м к западу от него находится жилище № 8, в 10 м к востоку — жилище № 10, в 6 м к северу — хозяйственная постройка № 6. Расположение и устройство этого жилища очень своеобразны и значительно отличаются от устройства других жилищ (рис. 10, 1).

Жилище имеет правильную прямоугольную форму, вытянуто по длине оси с северо-востока на юго-запад. Его длина 13 м, ширина — 7 м; продольные стенки в целом параллельны друг другу, чуть выпуклы в средней части. Состоит из двух помещений: северо-восточного и юго-западного. Северо-восточное помещение имеет размеры: 7×7,2 м, глубина 1—1,1 м. Пол в общем довольно ровный. Вся центральную часть занимал разрушенный очаг, огромный развал которого, высотой

более 0,5 м, занимал площадь около 4 м². Среди обломков печины в огромном количестве найдены кости животных, керамика, несколько фрагментов зернотерок. Разбор очага позволил составить наиболее отчетливое представление об устройстве очагов на поселении в целом.

После того, как были убраны разлетевшиеся особенно далеко отдельные куски печины, размеры завала заметно уменьшились. Верхний слой состоял из кусков печины, по-видимому, обвалившихся со свода. Они были крупных размеров, толстые, бесформенные, с острыми углами и рваными краями. Глиняных вальков здесь почти не найдено. После удаления верхнего слоя, образовавшегося развалившимся сводом, оконтурился под, представляющий собой ровную площадку овальной формы (размерами 2 × 1,8 м), выложенную из вальков, обмазанных сверху глиной. Под был сооружен не непосредственно на полу, а на вымостке из зеленоватой глины толщиной в средней части 0,3 м. Толщина ярко-желтого обожженного пода в центре доходила до 15 см, по краям — 4—5 см. Ниже под очагом были обнаружены обломки двух миниатюрных сосудиков — половина красивой чернолощенной мисочки с орнаментом и часть баночного сосуда. Здесь же лежал череп собаки, лопатки быка и зернотерка (рис. 10, 2).

Вокруг очага встречено большое количество керамики и костей животных, особенно челюстей, лопаток, конечностей и черепов. Хорошая сохранность костей в этом месте объясняется, по-видимому, тем, что очаг был сооружен на глиняной «подстилке».

Юго-западное помещение по величине почти равно северо-западному (7 × 5,8 м), но значительно мельче. В центральной части оно углублено на 0,6 м, у стен, где пол слегка корытообразно поднимался на 0,5 м. Помещение имело правильную прямоугольную форму, вход находился в западном углу. Пол неровный, сплошь покрытый выбоинами и ямами. От северо-восточного помещения юго-западное отделялось четко выраженным порожек высотой 0,3 м, хорошая сохранность которого дает основание думать о существовании перегородки. Такое предположение подтверждается линией столбовых ям, проходящих поперек жилища на месте расположения порожка.

В центре помещения обнаружен небольшой очаг, от него сохранилась кучка золы овальной формы, размерами 0,5 × 0,4 м, высотой 10—12 см. В золе найдено несколько кусков печины и фрагменты керамики.

К западу от очага расположена большая хозяйственная яма, в плане правильной округлой формы (размерами 1,3 × 1,2 м, глубиной 0,7 м) с конусообразно сужающимися к низу стенками. Яма заполнена темно-серым песком, где в небольшом количестве встречались обломки посуды, камни и кости животных. В северо-западном углу площади, размерами 4 × 2 м, было размещено семь ям. В плане ямы круглые, примерно одинакового диаметра (0,5—0,7 м) и близкой глубины (0,25—0,3 м). Скуденность столбовых ям на такой незначительной площади наводит на мысль, что они являлись основой (сваями) какого-нибудь небольшого деревянного настила, например нар.

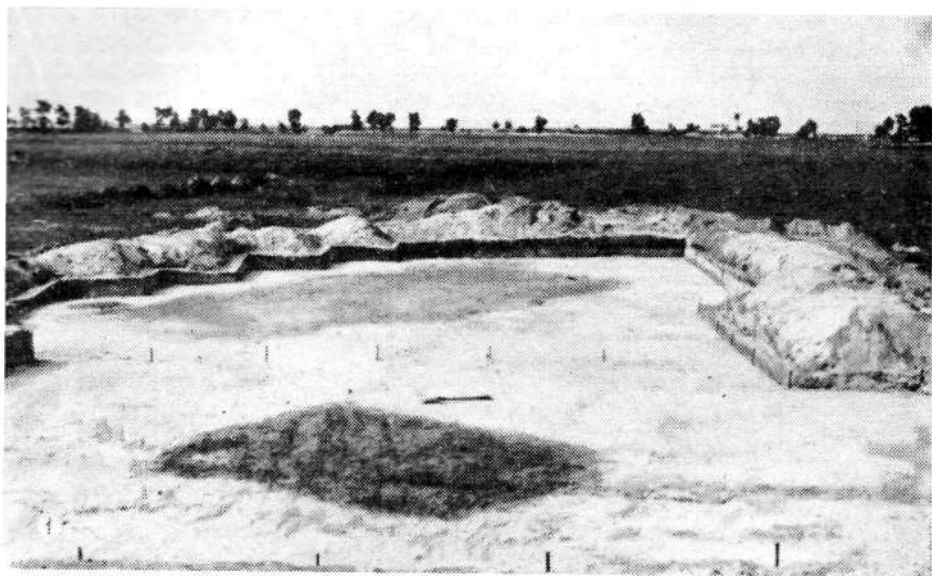

Рис. 10. Жилище № 9:

1 — пятна жилища и хозяйственной постройки № 6; 2 — разборка жилища.

После окончательной подчистки пола и удаления покрывавшей его корки из углистого песка, перемешанного с кухонными отбросами, резко оконтурились ямы от столбов (табл. VII). Одна линия ям проходит по центру северного и южного помещений и, как обычно, несколько смещена к западу. В нее входят пять ям, одинаковых по форме и размерам. Это круглые в плане аккуратные ямы диаметром 0,4—0,45 м, глубиной от 0,15 до 0,20 м.

Две другие линии столбовых ям соответствуют продольным стенам жилища. Вдоль северо-западной стены прослежено три ямы (диамет-

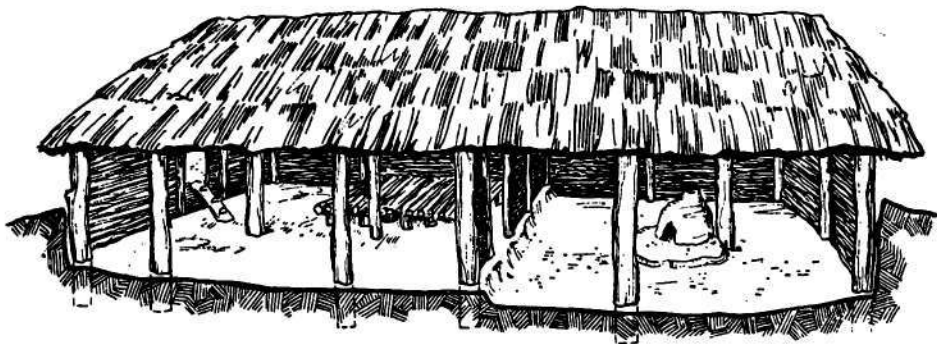

Рис. 11. Реконструкция жилища № 9.

ром 0,6—0,64 м, глубиной 0,15—0,25 м), круглой в плане формы. Вдоль юго-восточной стены обнаружено шесть столбовых ям таких же форм и размеров. Наконец, три ямы проходили по линии существовавшей между помещениями перегородки, разделявшей помещение на две части. Они небольшого диаметра — 0,4—0,45 м, но глубокие (0,4—0,5 м). В южной части юго-восточного помещения выявлены еще две столбовые ямы, назначение которых не ясно. Одна из них, расположенная ближе к южной стене, имела правильную круглую в плане форму, диаметр 0,8 м, глубина 0,3 м, вторая яма находилась возле перегородки (диаметр 0,5 м, глубина 0,2 м) (рис. 11).

На площади жилища обнаружено большое количество керамики. Подсчет венчиков и донышек позволяет говорить о том, что в использовании находилось 30—35 сосудов. Особенно много керамики, в том числе пять почти целых сосудов, найдено вблизи очага, здесь же выявлена почти целая зернотерка. Половинка еще одной зернотерки была обнаружена в восточном углу жилища. В различных местах этого помещения встречены более мелкие куски зернотерок, половина прясла уплощенной формы с маленькими круглыми отверстиями, часть глиняной лепешки из тонкоотмученной глины без примесей. На обеих сторонах последней имеются два небольших углубления линзовидной формы, диаметром 1 см, глубиной 0,5 см. По-видимому, это часть таких же изделий, какие были найдены в жилищах № 7 и 8 (см. табл. XXIII).

Каменных изделий в жилище обнаружено мало — обломки зернотерок, кремневые скребки и какое-то орудие типа проколки.

Жилище № 10 (№ 12) расположено в центре восточной части поселения на одном из наиболее возвышенных участков дюны. В 10 м к западу от него находится жилище № 9; к югу почти вплотную примыкает угол жилища № 11; в 3 м на северо-восток размещена хозяйственная постройка жилища № 7.

Жилище имеет правильную удлиненно-прямоугольную форму. По длинной оси ориентировано с севера на юг, с небольшим отклонением на восток. Длина жилища 10,6 м, ширина 6,3 м. Продольные стенки параллельны между собой, южная — расположена под прямым углом к восточной и западной, северная — дугообразно изогнута. Жилище состоит из двух помещений: северного — более глубокого и южного — более мелкого (табл. IX, 1).

Северное помещение размерами 6,3 × 4,8 м, глубиной в центральной части 0,9 м, у стен несколько меньше. Пол корытообразной формы. В центре его расположены остатки очага, развал которого занимает площадь около 2 м². Мощность развала в центральной части около 0,3 м, по краям — 0,15—0,1 м. Среди многочисленных кусков печины, вальков и обожженных костей животных найдены два раздавленных сосуда, один тюльпановидной формы, другой в форме чаши. Еще один раздавленный сосуд был обнаружен в 5 м к северо-востоку у основания развала печины, занимавшего весь северо-восточный угол помещения. Остатками какого сооружения является эта рассыпавшаяся печина, установить не удалось. Толщина глиняного развала у стены 0,10—0,15 м, ближе к центру значительно мощнее и достигает 0,25—0,3 м. Развал состоит в основном из бесформенных мелких кусочков печины светло-розового цвета. У всех фрагментов одна из поверхностей ровная и хорошо заглаженная. Скорее всего, развал печины является остатками глиняной вымостки, служившей лежанкой.

Участок еще одной небольшой глиняной вымостки был у западной стенки северного помещения. Длина сохранившейся части 1,8 м, ширина около 1, толщина вымостки — 0,2—0,25 м.

В юго-восточном углу обнаружена хозяйственная яма, примыкающая непосредственно к стене, в которой, вероятно, был сделан небольшой подбой. В плане яма округлая (диаметр 1 × 1,4 м, глубина — 0,6 м). Стенки конусовидно сужаются ко дну, в заполнении — зола, обломки печины, камни и фрагменты керамики.

Под полом обнаружены культовые ямки с остатками сожжения. Одна из них, расположенная в 0,4 м к северу от очага, представляла собой углубление грушевидной формы, овальное в плане: размеры устья 0,25 × 0,20 м, глубина 0,8 м, в заполнении — черный сажистый песок, зола и кальцинированные кости. Вторая ямка находилась в 0,5 м с южной стороны очага. Она была овальная в плане, размерами 0,45 × 0,3 м, имела такую же, как первая яма, грушевидную форму с глубоким подбоем в южной стене. Глубина ее 0,45 м. Заполнение в верхней части состояло из черного углистого песка, в нижней — из золы светлого цвета и мелких кальцинированных костей.

Южное помещение от северного отделено пологим порошком высотой 0,25—0,3 м. Его хорошая сохранность и три столбовые ямы, расположенные поперек жилища, вдоль порошка, свидетельствуют о существовании здесь деревянной перегородки.

Вдоль восточной половины предполагаемой перегородки тянулся глиняный завал длиной 4,2 м, шириной от 0,6 до 1 см, высотой 0,3—0,4 м. Вальмов в ее основании не обнаружено, вместо них выявлена глина, перемешанная с песком. Не исключено, что глиняный завал является остатками основания стены, разделяющей северное и южное помещения (табл. IX, 2).

В северо-западном углу помещения находился очаг. Завал, имеющий округлую форму (размерами 1,2 × 1,4 м), представляющий собой кучу мелких и крупных обломков печины, золы, угля, керамики и кальцинированных костей животных. Вокруг него обнаружено три раздавленных сосуда. В 5 м южнее, у западной стены, находилась округлая в плане хозяйственная яма, размерами 1,1 × 1,6 м, глубиной 0,35 м, с небольшим подбоем в западной стенке. Здесь найдено довольно большое количество керамики, камней и обожженных костей животных. Приблизительно в центре южного помещения выявлена еще одна культовая ямка с сожжением. Овальная в плане (размерами 0,4 × 0,3 м, глубиной 0,45 м) ямка имела грушевидную форму с наиболее глубоким подбоем в северо-восточной стене. Заполнение — сажистая земля, зола и мелкие кальцинированные кости.

На площади жилища обнаружено 18 ям от столбов. Линия их, как почти во всех жилищах, проходит не по центру, а несколько ближе к восточной стене. В нее входили четыре ямы (№ 3, 7, 14, 19), имеющие правильную в плане круглую форму (диаметр 0,4—0,5 м, глубина 0,3—0,4 м), заполненные темным песком с небольшим количеством кусочков печины и фрагментов керамики. Остальные ямы располагались главным образом вдоль стен на одинаковом (2—2,5 м) расстоянии друг от друга. Размеры и заполнения их такие же, как и у ям, проходящих по центру жилища. Еще три столбовые ямы (№ 10, 14, 15), аналогичные вышеописанным по форме и заполнению, расположены без какого-либо порядка в центре помещения.

В этом жилище найдено значительно больше керамики, чем в других. Общее количество сосудов, находившихся в употреблении, колеблется между 35 и 40. Под очагом обнаружено два целых миниатюрных сосуда, обломок глиняной ложки и три пряслица. Одно из них по форме напоминает катушку, два других — круглые.

Среди каменных изделий — обломки зернотерок, растиральники, кремневая стрелка и точильный камень, изготовленный из гальки овальной формы (см. табл. XXIV).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

На поселении кроме жилищ было обнаружено 14 сооружений, служивших в качестве хозяйственных построек. Шесть из них раскопаны полностью, остальные — частично, настолько, чтобы установить их местоположение, размеры и форму.

Хозяйственная постройка № 1 (№ 11). Расположена изолированно от жилищ и других хозяйственных построек на юго-западной окраине поселения. Шурфовка окружающего пространства показала, что других жилищ или построек здесь не было. Ближайшее строение (жилище № 1) расположено в 50 м к западу.

Постройка была чуть углубленной, вследствие чего ее размеры и конфигурация прослеживались не четко. Контуры постройки удалось установить только на глубине 0,4 м от современной поверхности. Здесь она имела форму неправильного пятиугольника, вытянутого с запада на восток на 6,3 м, в противоположном направлении — на 5,2 м (табл. X, 1). Длина южной стенки 4,2 м, юго-западной — 3,8, северо-восточной — 4,4, восточной — 1,8 м. Пол корытообразно понижался к центру, где глубина постройки от современной поверхности достигала 0,65 м, по краям — 0,55 см. Плотная углистая корка толщиной 3—5 см покрывала пол. Возле западной стенки находился сильно разрушенный очаг, от которого сохранилась куча пещины, перемешанной с золой и угольками. Мощность печного завала была небольшой, в центре она достигала 15 см, по краям 5—6 см. После подчистки пола резко оконтурились шесть ям от столбов.

Яма № 1, расположенная вдоль юго-западной стенки, имела в плане круглую форму диаметром 0,8 м, глубиной 0,2 м; яма № 2 расположенная вдоль северо-западной стенки, также круглая в плане, диаметром 0,6 м, глубиной 0,15 см; яма № 3, находившаяся в центре жилища, в плане круглая, диаметром 0,8, глубиной 0,3 м. В ее заполнении встречены несколько фрагментов керамики; яма № 4, размещенная в восточном углу постройки, в плане круглая, диаметром 0,75 м, глубиной 0,2 м; яма № 5, расположенная между ямами № 3 и 4, имела правильную четырехугольную форму размерами 0,2×0,2 м, глубиной 0,15 м; яма № 6 находилась в центре южной стены, диаметром 0,5 м, глубиной 0,2 м. В постройке почти не найдено керамики. Возле кострища найдено несколько костей животных (табл. X, 2). Весьма вероятно, что постройка связана с находившимся неподалеку в центре возвышенности загонном для скота.

Хозяйственная постройка № 3 (№ 5а) была расположена в 5 м к югу от жилища № 6 и составляла с ним единый хозяйственный комплекс. Темное пятно наземной постройки оконтурилось на глубине 0,3 м от современной поверхности, границы его прослеживались не четко (табл. XI, 1). Установить их помогли столбовые ямы, расположенные вдоль четырех стен. Определение границ постройки контролировалось распространением культурных остатков в слое более темного песка. Постройка вытянута параллельно берегу, то есть с запада на восток,

с некоторым отклонением к северу. Длина постройки 9,7 м, ширина — 5,2 м. Форма довольно правильная — прямоугольная, продольные стены почти параллельны друг другу, лишь в центральной части слегка раздуты, в результате чего ширина постройки в этом месте на 0,5—0,6 м больше, чем по краям. Часть северной стенки оказалась разрушенной поздней ямой. В юго-восточном углу постройки обнаружены следы небольшого открытого очага; сохранилось пятно золы, перемешанное с мелкими угольками. В 1,5 м к северо-востоку от него была небольшая хозяйственная яма, неправильной округлой формы, глубиной около 0,3 м. В ее заполнении обнаружено немного обломков посуды и несколько глиняных вальков.

На площади помещения обнаружено девять ям от столбов, образующих три линии, параллельных длинной оси жилища. Две из них проходят вдоль северной и южной стен, третья — по центру. Вдоль северной стены прослежено четыре ямы. Три сохранились полностью, четвертая — частично испорчена окопом военного времени. Две ямы размещались по углам, две — в центральной части. Расстояние между ними приблизительно одинаково — 2—2,2 м. Вдоль южной стены прослежено три ямы; одна в центре, две другие по углам. Следующие две ямы проходят по центральной оси жилища; одна из них находится почти посредине, другая — ближе к восточной стене.

Размеры и форма всех описанных ям примерно одинаковы. Глубина их 0,35—0,4 м, диаметр верха 0,7—0,8 м, диаметр дна — 0,2—0,3 м. Возле ям, расположенных в северо-восточном и юго-западном углах постройки, прослежены темные полосы (длиной 0,3 и 0,35 м, шириной около 0,4), вероятно, являющиеся следами упавших и истлевших столбов, стоявших в ямах. Размеры полос указывают, что столбы были низкими и толстыми (табл. XI, 2).

По сравнению с другими хозяйственными постройками здесь найдено довольно большое количество археологического материала, в первую очередь керамики. Отличается данная хозяйственная постройка от жилищ характером размещения находок. Если в жилищах керамика обычно встречается в виде отдельных фрагментов разбросанных на полу, сконцентрированных у очага или отодвинутых под стенку, то в хозяйственной постройке № 3 она обнаружена в виде нескольких скоплений, образованных развалами одного или нескольких сосудов. Наибольшее количество посуды найдено вдоль северной стенки, где, возможно, они и стояли.

Каменные изделия представлены несколькими обломками зернотерок и растиральниками.

Хозяйственная постройка № 5 (№ 13а) размещена возле берега, на расстоянии 5 м от жилища № 8.

По длинной оси постройка вытянута с севера на юг, ее длина 12,2 м, ширина 7,2 м. На глубине 0,35 м четко обозначилось темное пятно правильной прямоугольной формы. Столбовые ямы, оконтуривающие жилище, подчеркивали форму постройки. Они образовывали четыре линии: две из них проходили вдоль западной и восточной стенки, две — по центру (табл. XII, 1).

Вдоль западной стены прослежено пять ям, расположенных примерно на одинаковом (2—3 м) расстоянии друг от друга. Диаметр ям 0,7—0,8 м, глубина 0,4—0,5 м. Только яма в северо-восточном углу постройки имела несколько большие размеры. Вдоль восточной стены выявлено еще пять ям, близких по форме и размерам к вышеописанным. Две линии столбовых ям проходят по центру постройки; одна пересекает ее почти посредине, другая — чуть ближе к восточной стене. В первую линию входят пять ям, прямоугольных в плане, размерами 0,3 × 0,4 и 0,35 × 0,3 м, глубиной 0,4—0,5 м, заполненных углистым песком. Не исключено, что ставившиеся в этих ямах столбы предварительно обжигались.

Вторая линия, проходящая по центру, также состояла из пяти ям. Однако здесь они не составляли прямой линии и различались между собой формой и величиной. Четыре ямы, размещенные попарно с двух сторон, были круглыми в плане, имели диаметр 0,7 и 0,8 м при глубине 0,6 м. Между ними находилась яма диаметром 0,6 м, глубиной 0,4 м.

Большой диаметр и сравнительно небольшая глубина описанных столбовых ям дают основание предполагать, что столбы были толстыми, но невысокими. Между некоторыми ямами отчетливо прослеживались темные полосы от истлевших деревянных плах, по-видимому, скреплявших между собой столбы. Одна из таких наиболее ясно видимых полос проходила по центру, между средними линиями столбовых ям. Ее длина 5 м, ширина 0,3—0,4 м. Другая такая же полоса прослеживалась от столбовой ямы, расположенной в центре южной стены, в направлении западной стенки. Ее длина также около 5 м, ширина 0,25 см. Остатки углистых полос наблюдались и между ямами, расположенными вдоль западной стены (табл. XII, 2).

Система расположения столбов, их скученность и большой диаметр, а также наличие плах, скрепляющих между собой столбы, свидетельствуют о том, что на них был сооружен своеобразный деревянный настил, приподнятый над землей на высоту столбов. Отсутствие в помещении очага хозяйственных ям и культурных остатков дает основание думать, что описанное помещение является хозяйственной постройкой, предназначенной для хранения сена, соломы, зерна или каких-нибудь иных продуктов боящихся сырости.

Хозяйственная постройка № 6 (8а). В начале раскопок жилище № 9 и хозяйственная постройка № 6 воспринимались как одно большое помещение. В дальнейшем, во время подчистки раскопа (на глубине 0,3 м от поверхности), резко оконтурилось два темных пятна. Первое из них оказалось углубленным жилищем, второе — наземной хозяйственной постройкой, составляющей с жилищем № 9 единый хозяйственный комплекс (табл. XIII, 1).

Постройка размещалась в 6 м к северу от жилища и в 9 м от берега озера. Она имела прямоугольную форму с параллельными между собой стенками и тремя прямыми углами. Северный угол четко проследить не удалось. По длинной оси постройка ориентирована с северо-запада на юго-восток, ее длина 5 м, ширина 4 м. От наземной постройки сохранилось темное пятно, выявленное на глубине 0,3 м от

современной поверхности, прослеживаемое до глубины 0,4—0,45 м и включающее угольки от очага, кальцинированные косточки, небольшое количество керамики и ямы от столбов.

По контуру постройки, несколько отступая от ее краев, обнаружены пять столбовых ям. Две из них проходили вдоль северо-западной стены,

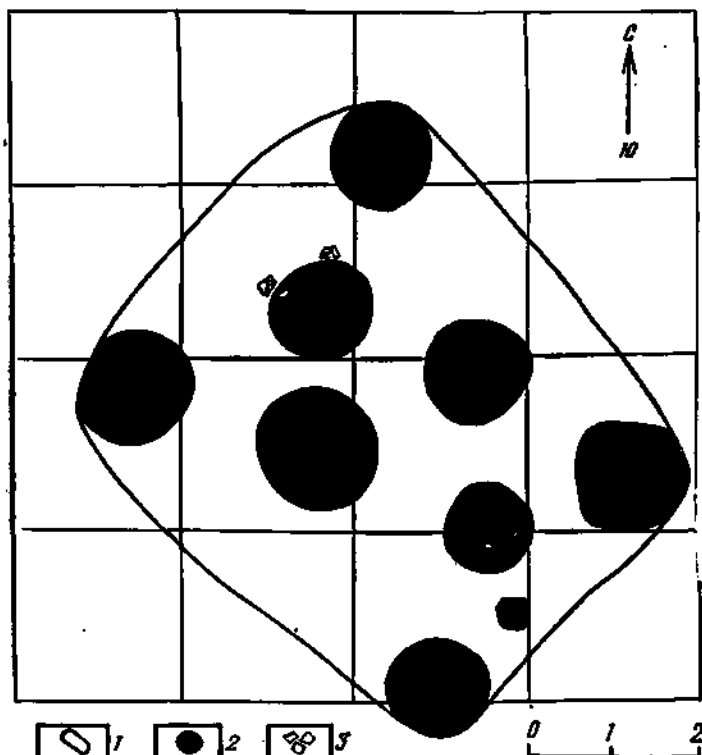

Рис. 12. План хозяйственной постройки № 7:

1 — контуры постройки; 2 — ямы от столбов; 3 — фрагменты керамики.

две — вдоль северо-восточной и одна — вдоль юго-восточной. Размеры и формы ям приблизительно одинаковы. Они круглые в плане, диаметр их 0,4—0,6 м, глубина — 0,35—0,40 м (табл. XIII, 2).

В помещении кроме нескольких фрагментов керамики и более десятка обломков зернотерок ничего не найдено.

Хозяйственная постройка № 7 (№ 12а) расположена в 4 м к северо-востоку от жилища № 10 и составляет с ним, очевидно, единый хозяйственный комплекс. Это — маленькое помещение, углубленное в землю на 0,3—0,4 м. Постройка имеет правильную четырехугольную форму с параллельными друг другу противоположными стенками. Длина западной и восточной стен 3 м, северной и южной — 3,8 м. По четырем углам сохранились большие круглые в плане ямы от столбов, диамет-

ром от 1 до 1,3 м, глубиной от 0,35 до 0,43 м, заполненные углистой землей, в которой встречены куски обожженной глины, кости животных, несколько фрагментов керамики. В одной из ям найдено пряслице. Еще четыре столбовые ямы размещались в центральной части постройки. Расположением они образовывали ромб, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Ямы находились по углам ромба и темными пятнами неправильной округлой формы резко выделялись на поверхности пола: диаметр самой большой ямы 1,2 м, глубина 0,5, диаметр остальных — 0,8—1, глубина — 0,4—0,5 м (рис. 12).

Возле юго-западной стенки, чуть отступя от нее, обнаружена еще одна маленькая ямка прямоугольной формы, диаметром 0,25 м, глубиной 0,3 м. Все описанные ямы заполнены темным, в центре буроватым песком с небольшим количеством мелких фрагментов керамики. Не исключено, что в строительстве хозяйственной постройки № 8 было два периода; вначале это было маленькое слегка углубленное помещение, переоборудованное затем в наземную постройку с приподнятым полом, для чего и были вырыты дополнительные столбовые ямы (рис. 13).

Хозяйственная постройка № 8 (№ 10) была расположена в восточной половине поселения, в 10 м от берега озера. В 8 м к юго-западу от нее находилось жилище № 13, а в 10 м к востоку — хозяйственная постройка № 10.

Ориентирована постройка перпендикулярно к берегу и по длинной оси вытянута с северо-востока на юго-запад. Ее длина 12,8 м, ширина — 6,8 м. Постройка была наземной, толщина темного слоя, образовавшегося на ее месте, не превышала 0,3 м. На глубине 0,5—0,55 м от современной поверхности интенсивно окрашенный культурный слой резко обрывался и черными пятнами выделялись только столбовые ямы (табл. XIV, 1).

В ряде мест между столбами прослеживались темные полосы, шириной от 20 до 40 см, от истлевших или сгоревших перекладин, соединяющих столбы и образующих приподнятый пол-настил. Такая полоса проходила в южном конце жилища между столбами № 11—13, а также в северном конце жилища между столбами № 1, 5, 7.

Столбовых ям выявлено 21. Система в их расположении улавливается с большим трудом и, возможно, была несколько иной, чем представлялась во время раскопок. Лишь некоторые факты в расположении столбов кажутся бесспорными. Так, вдоль постройки, почти по центру, несколько ближе к восточной стене проходит линия из пяти ям. Шестая яма, находящаяся в одном ряду с вышеназванными, расположена уже за пределами постройки. Параллельно описанной линии, ближе к западной стенке прослеживается еще одна линия столбовых ям. В нее входят три большие и две расположенные между ними маленькие ямы. Размеры и форма больших ям примерно одинаковы: диаметр — 0,8—0,85 м, глубина 0,5—0,4 м; диаметр маленьких ям 0,3—0,35 м, глубина 0,25—0,3 м. Третья, довольно четко прослеживаемая линия столбовых ям тянется поперек южной половины постройки. Она состоит из трех больших ям диаметром 0,8—0,85 м, глубиной 0,4—0,45 м. Остальные ямы, обнаруженные на площади постройки, не укладываются

в какую-либо определенную систему. Три маленькие ямки диаметром 0,25—0,2 м, глубиной 0,25 м размещены в южном углу постройки на площади около 4 м². Три такие же ямки, близкие по размерам и форме, занимали северный угол помещения. Все столбовые ямы были заполнены темно-бурым песком, золой и мелкими обломками керамики. Коли-

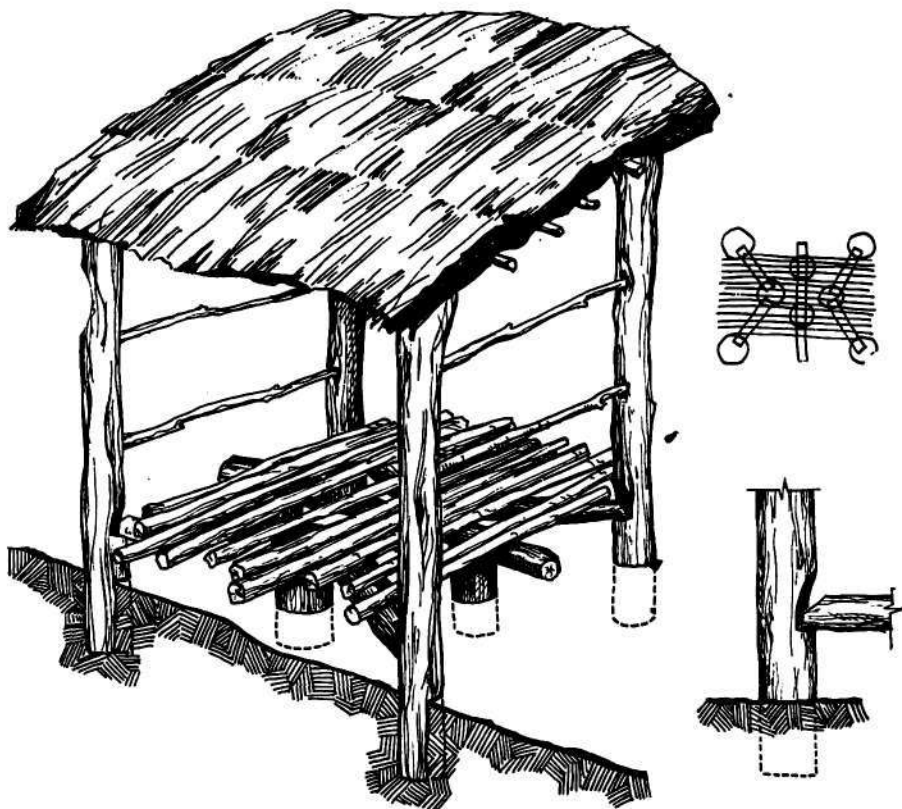

Рис. 13. Реконструкция хозяйственной постройки № 7.

чество ям и их размеры дают основание сделать вывод, что это были ямы от низких, сравнительно толстых столбов, на которых сооружался деревянный настил, служивший полом хозяйственного помещения.

В ряде мест между столбами прослеживались темные полосы от истлевших или сгоревших перекладин, соединяющих столбы. Одна из таких полос проходила вдоль южной стены помещения, вторая — вдоль северной. Длина полос не превышала расстояний между столбами, ширина колебалась от 0,2 до 0,4 м (табл. XIV, 2).

Отсутствие очага и небольшое количество керамики подтверждает предположение о хозяйственном, а не жилом назначении этой постройки.

Судя по тому, что ближайшим является жилище № 13, можно думать, что именно ему и принадлежала описанная постройка.

Небольшое количество керамики концентрировалось в основном в одном месте — у входа. Кроме обломков посуды здесь найдены три пряслица: одно целое круглой формы и два поломанные — конической.

Детальное описание всех раскопанных жилищ и хозяйственных построек дает основание для более обобщенной характеристики домостроительства на Пустынковском поселении и для некоторых выводов, касающихся внутренней планировки жилищ, возникших на основании сопоставления отдельных деталей.

Все жилища, обнаруженные на поселении, принадлежат одному типу — полуземлянкам, углубленным в грунт на 1—1,4 м, близким между собой по форме и размерам (рис. 14).

Большинство жилищ построено перпендикулярно к берегу озера; в соответствии с его изгибом находится и ориентация жилищ, направленных длинными сторонами то с севера на юг, то с северо-запада на юго-восток.

Средние размеры жилищ колеблются в пределах 14×7 , 12×6 м. Все они имеют форму вытянутого прямоугольника с несколько закругленными углами. Возможно, что во время строительства углы жилищ были прямыми и деформировались позже, в процессе разрушения.

В тех случаях, когда удавалось проследить вход в жилище, он находился в короткой стене, обращенной в сторону, противоположную от берега. Среди девяти раскопанных жилищ — семь состояли из двух помещений и только два — из одного (№ 3 и 4). При этом жилище № 3, возможно, также имело два помещения, проследить которые не удалось в связи с незначительной разницей их глубины и отсутствием следов перегородки.

В жилищах, разделенных на два помещения, одно всегда глубже второго на 0,3—0,4 м. Помещения разделены между собой порошками, сохранившимися в лучшем или худшем состоянии почти во всех жилищах. Следует отметить, что сохранность порога неодинакова на всех его участках. Так, например, в жилище № 5, порог сбит в центре, зато хорошо сохранился у стен. Такая же картина наблюдалась в жилищах № 6 и 8. Напротив, в жилище № 7 порожек (высотой 0,3 м) прекрасно сохранился в центральной части, тогда как у одной из стен был настолько сбит, что почти не прослеживался. Приведенные факты свидетельствуют о наличии между помещениями перегородки и дверного проема, от размещения которого и зависела сохранность той или другой части порога. Существование деревянной или плетневой перегородки, разделяющей помещения, подтверждают обнаруженные во многих жилищах столбовые ямы, образующие линию поперек жилища. Такие ямы прослежены в жилищах № 7, 8, 10 и др.

Разделение жилищ на два помещения соответствовало различному назначению каждого из них. Первое от входа помещение, обычно более мелкое, было кухонным. Пол в нем, как правило, неровный, покрытый ямами и мелкими выбоинами. В кухонном помещении всегда находился

главный отопительный очаг, размещенный либо в центре, либо в одном из углов. Особенно хорошо расположение очага удалось проследить в жилище № 6, где в нетронутом виде сохранились его основание и нижняя часть, вплотную примыкающие к северо-западному углу. Перед очагами, обычно ближе к выходу, находились предочажные ямы, облегчающие топку низкого очага. В кухонном помещении, обычно, сооружа-

Рис. 14. Обобщенная реконструкция внешнего вида жилища.

лось большинство хозяйственных ям, количество которых в различных жилищах колеблется от трех до шести. Большая часть керамики происходит также из хозяйственных помещений, из чего следует вывод, что здесь находилось основное количество посуды и другой хозяйственной утвари.

Более глубокое помещение, в смысле внутренней планировки, оставило меньше следов. Как правило, пол в нем более ровный и содержит меньше включений костей, черепков, камней и других кухонных отходов. В одном из углов помещения (обычно северном) или посредине нередко встречаются следы одного или нескольких маленьких очагов. Они заметно отличаются от очагов, встреченных в кухонных помещениях, не содержат ни завалов печины, ни вальков, ни большого количества обломков посуды и костей животных — это небольшие кучки золы, светлого цвета, помещенные иногда в неглубокой ямке, иногда между несколькими камнями. Вероятнее всего, они предназначались для освещения жилищ и отопления их в зимнее время.

Полнее всего о планировке более углубленных помещений можно судить на основании раскопок жилищ № 7 и 10. В жилище № 7

вдоль перегородки, разделяющей его на два помещения, обнаружена довольно хорошо сохранившаяся глинобитная лежанка. Такая же лежанка выявлена в жилище № 10, только здесь она располагалась вдоль северной наружной стены. Следы глинобитных вымоستков, возможно являющихся остатками таких же лежанок, встречены в нескольких других жилищах. По-видимому, они имелись в каждом помещении, но не всюду сохранились.

Представляет интерес размещение в более глубоких помещениях культурных остатков. Участок, примыкающий к северной стене, обращенной к берегу, почти не дает находок. Вдоль длинных стен иногда встречаются развалы сосудов, а иногда и хозяйственные ямы с подбоями, выходящими за пределы жилищ (№ 4 и 10). В них, по-видимому, хранились пищевые запасы.

В целом, планировка и размещение инвентаря в жилищах дают основание предполагать, что каждое из помещений имело свое особое функциональное назначение; одно из них главным образом предназначалось для сна, второе — для хозяйственных нужд, прежде всего связанных с приготовлением пищи. Не исключено также, что в зимнее время в кухонном помещении содержались домашний скот и птица. В какой-то степени об этом могут свидетельствовать мелкие, но многочисленные выбоины, покрывающие либо весь пол кухонного помещения, либо его часть, возможно специально отгороженную для этой цели.

Из 14 обнаруженных хозяйственных построек полностью раскопано шесть. Почти все они оказались наземными. Поэтому их сохранность значительно хуже жилищ и реконструируются они тяжелее. Среди исследованных построек можно выделить два типа, различающихся между собой размерами, устройством и, очевидно, назначением. К первой группе относятся постройки № 1, 7, 8, а также, вероятно, № 2, 4, от которых (в результате позднейших нарушений) сохранилась небольшая часть.

В отличие от строго выдержанной ориентировки жилищ, эта группа построек расположена без какого-либо определенного порядка. Создается впечатление, что при их строительстве преследовалась единственная цель — размещение хозяйственных построек как можно ближе к жилищам. Все они наземные или слегка (не более чем на 20—30 см) углубленные в грунт; иногда совсем небольших размеров (3 × 3,8; 4 × 5 м) и самых различных форм: округлые (постройка № 1), квадратные (постройка № 8), прямоугольные (постройки № 2, 7). Вокруг постройки обычно проходит линия столбовых ям, предназначенных для крепления стен и крыши. Стены хозяйственных построек могли быть либо деревянными, либо плетевыми. Не исключено, что некоторые из них вовсе не имели стен и представляли собой открытые навесы. Опорой невысоким двускатным или коническим крышам могла служить земля по краям постройки.

В двух хозяйственных постройках (№ 1, 8) обнаружены следы небольших очагов. Возле постройки № 8, но уже за ее пределами, встречено множество хозяйственных ям. Такие постройки могли служить кладовыми, летними кухнями; возможно, в них содержался скот (рис. 15).

Вторая группа хозяйственных построек устройством и планировкой значительно отличалась от вышеописанной. К ним относятся постройки № 3, 6, 9. Кроме того, судя по данным разведочных раскопок, к этой же группе принадлежат постройки (№ 10—16), а также, вероятно, южное помещение жилища № 9.

В отличие от хозяйственных сооружений первой группы, каждая из которых была своеобразной, они аналогичны размерами, формой и уст-

Рис. 15. Обобщенная реконструкция внешнего вида хозяйственной наземной постройки.

ройством. При этом следует отметить, что все они, за исключением постройки № 3, сгруппированы в восточной части поселения.

Границы таких построек определялись с трудом в связи с тем, что линза темного грунта, образовавшаяся на месте постройки, была очень тонкой и не имела интенсивно темной окраски, какой отличались пятна углубленных жилищ или даже построек первой группы. Размеры и контуры построек контролировались столбовыми ямами, расположенными вдоль стен. Исходя из этих данных, можно заключить, что все постройки имели правильную прямоугольную форму и большие размеры, приближающиеся к размерам жилищ. Лишь постройка № 3 имела несколько меньшие размеры. Особенностью построек этой группы является огромное количество хорошо сохранившихся столбовых ям. В одних постройках (№ 3, 6) они образуют правильные параллельные друг другу ряды, в каждый из которых входит от четырех до шести ям. В других постройках столбовые ямы расположены близко друг к другу без определенного порядка. Практически такие ямы занимали почти все пространство, и если бы в них стояли столбы, то в постройке обычного устройства, на земляном полу, почти не оставалось бы свободного ме-

ста. Кроме того, столбовые ямы в этих постройках заметно отличаются от ям, встреченных в жилищах и других хозяйственных постройках (табл. XV). Во-первых, они имеют значительно больший диаметр, колеблющийся в пределах 0,6—1 м, при малой глубине, редко превышающей 0,25—0,30 м, это можно объяснить только тем, что столбы были очень низкими. Последнее подтверждается темными полосами от истлевших или сгоревших и упавших столбов, наблюдаемые в ряде

Рис. 16. Обобщенная реконструкция внешнего вида хозяйственной постройки на сваях.

случаев; например, в постройке № 3, где длина упавшего столба была не более 0,5 м. Сказанное дает основание предполагать, что такие столбы являлись основанием для укрепления деревянного настила, служившего в хозяйственных постройках полом, приподнятым над уровнем земли (рис. 16).

Такое толкование сохранившихся остатков находит ряд дополнительных подтверждений. Прежде всего, в ряде построек удалось проследить остатки балок или плах, предназначенных для скрепления между собой столбов и придания им большей жесткости. Обращает на себя внимание и тот факт, что между столбами, оконтуривающими постройку, ни разу не было встречено каких бы то ни было следов облицовки стен, почти всегда имеющих в жилых постройках.

Отсутствие очагов, хозяйственных ям и небольшое количество кухонной посуды дает основание видеть в них хозяйственные постройки специального назначения, скорее всего предназначенные для хранения сена, соломы, возможно, зерна. Не случайно один из немногих обломков кремневых серпов был обнаружен именно в такой постройке. В этом плане большой интерес представляют находки каких-то пережженных зерен, обнаруженных в одной из ям постройки № 9.

В целом следует заметить, что в условиях болотистой местности необходимость построек с приподнятым над землей полом, предохраняющим продукты питания, сено и зерно от сырости и гниения, вполне обоснована и понятна.

Несмотря на то, что Пустынка пока является первым на Украине поселением, где были раскопаны наземные постройки свайного типа, можно предполагать, что оно не было единственным. В Полесских районах Украины и Белоруссии, где мягкий теплый климат сочетался с большой влажностью и болотистыми почвами, свайный тип построек должен был быть распространен достаточно широко. В какой-то степени об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что хозяйственные постройки на столбах или сваях с поднятым полом до сих пор распространены в полесских деревнях, где используются для хранения сена, хлеба, топлива и т. д.

Во время разведок, проводимых по Волынскому и Черниговскому Полесью, от музейных работников и местного населения автору постоянно приходилось слышать о том, что в торфяниках находят каменные топоры, рога оленей, сосуды и другие предметы. В срезах торфяников часто можно было наблюдать фрагменты керамики, обломки истлевшего дерева, кости животных. Интересны сведения о болотных, торфяниковых стоянках, приведенные в отчете Ю. С. Виноградского, обследовавшего в 30-е годы окрестности г. Сосницы²⁻³. Коротко приведем их. На берегу р. Десны, в 3—4 км от г. Сосницы, имеется Вьонский торфяник. Во время торфоразработок рабочие натолкнулись здесь на стоянку. На глубине 1,5—1 м встречено большое количество костей птиц и животных.

В с. Оболонье, в уроч. Лиман Десна, подмыв берег вместе с торфом, выбросила кости животных, керамику, костяные изделия. У с. Яклочи в уроч. Кордикова яма в старом торфянике встречены куски торфа с вкраплениями глиняной обмазки, углей, керамики, костей рыб и животных. Близ х. Синютин, в уроч. Кривое при разработке торфа рабочие вынимали кости животных и керамику. На р. Волинке, в уроч. Майдан, расположенном на берегу Воробьевого болота, при разработке торфа были найдены керамика и кости животных.

Часть керамики и предметов из кости, обнаруженных в торфяниковых поселениях (хранится в сосницком музее), позволяет отнести их ко времени неолита и бронзы. Некоторые из стоянок, судя по керамике, близки Пустынке и датируются средним и поздним периодами бронзового века.

О том, что болотные поселения, вероятно со свайными постройками, существовали и на территории правобережного Волынского Полесья, свидетельствуют раскопки в Мостве и в Майдане Моквинском. В Мостве на многослойной стоянке, обнаруженной И. Ф. Левицким во время

²⁻³ Ю. С. Виноградський. Археологічні дослідження в Сосницькому й Корпуському районах на Чернігівщині в 1935 р. (Архів Інституту Археології АН УРСР, ф. 12, № 13); его же. Торфовищні знаходища пам'яток матеріальної культури на Сосниччині. (Архів Інституту Археології АН УРСР, ф. 12, № 227).

торфоразработок, в основании слоя торфа, на глубине 1—1,7 м расплано два скопления культурных остатков, возможно представляющих собой остатки жилищ⁴.

В качестве близкой аналогии пустынковским свайным постройкам особенный интерес представляет поселение культуры шнуровой керамики в Костопольском районе Ровенской области. Здесь были открыты следы жилища в виде неглубокой (до 20 см) линзы, в основании которой размещалось семь больших ям⁵. Размеры, форма и заполнение постройки, так же как расположение, форма и глубина столбовых ям, близко напоминают хозяйственные постройки Пустынки.

О болотных стоянках с остатками каких-то, очевидно свайных, построек пишут исследователи Белорусского Полесья. Так, А. Н. Ляуданский и К. М. Поликарпович отмечают, что возле озера Староселье, неподалеку от деревни Тульговичи Хвойникского района, в торфе на глубине 1 м были обнаружены кострища и обломки позднеолитической керамики⁶. Остатки свайной постройки на торфянике возле с. Михедовичи Грабовского сельсовета недавно обнаружил В. Ф. Исаенко⁷. В 1966 г. в Бешковичском районе Витебской области, на р. Кривинка во время гидромелиоративных работ, в торфе были найдены следы позднеолитического поселения⁸. В. Ф. Исаенко сообщил, что следы торфяниковых поселений есть также у сел Орешково Малоритского района, Снитово Иванковского района, Шорск Калининского района; сведения о сваях на торфяниках имеются из сел Городец и Кобринское.

В восточных областях Советского Союза свайные постройки почти не раскапывались. Исключение составляют работы А. Я. Брюсова в Модлоне⁹⁻¹⁰ и раскопки на Горбуновском¹¹ и Шигирском¹² торфяниках. Однако эти поселения и климатическими условиями и культурно-хронологической принадлежностью очень далеки от Пустынки. Значительно ближе к ней широко известные свайные постройки центральной Европы. В настоящее время установлено, что среди свайных построек лишь немногие соорудались на воде. Большинство из них располага-

⁴ I. Ф. Левицкий. Дослідження стоянки на торфовищі Мостви в 1948 р.— АП, т. IV, К., 1952, стр. 70—77.

⁵ B. Ginter, R. Rogozińska-Goszczyńska. Przyczynki do poznania wschodnich grup kultury ceramicznej sznurowej (na podstawie stanowiska w Majdanie Mokwiskim pow. Kostopol, U. S. R. R.).— Materiały archeologiczne, VI, 1965, стр. 33—66.

⁶ А. Н. Ляуданський. Археологічні дослідження в БССР у 1933—1934 гг.; К. М. Поликарпович. Записки БАН, кн. 5. Минск, 1937, стр. 219.

⁷ В. Ф. Исаенко. Неолитические памятники типа Литви на нижней Припяти.— Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 49.

⁸ М. М. Чернявский. Новое неолитическое поселение на Кривинском торфянике.— Доклады XI Конференции молодых ученых Белоруссии. Минск, 1967, стр. 371.

⁹⁻¹⁰ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне.— МИА, № 20. М., 1951.

¹¹ Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник.— Материалы по изучению Тагильского округа, вып. 3. Тагил, 1929.

¹² П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала.— МИА, № 21, 1951, стр. 28—40.

лись по берегам рек и озер на низких заболоченных участках. Под водой, в болотах или торфе они оказались уже позже, в связи с увлажнением климата.

Сохранившиеся от свайных построек следы выглядят далеко не одинаково. Это объясняется тем, что и устройство, и назначение их было различными. Несколько схематизируя, можно выделить три главных типа свайных построек. Первый — предназначался исключительно для жилья. В таких случаях их конструкция должна была быть особенно прочной (столбов было больше, и они закапывались глубоко). Кроме того, особое внимание уделялось полу. Поверх деревянного настила укладывались глиняные вальки, камни, насыпалась земля, часто пол еще раз обмазывался глиной. Все это делалось для сооружения на полу очага. Сохранившиеся остатки таких свайных построек состоят из обожженной глины, очажных выбросов и большого количества различных кухонных отходов. После удаления культурного слоя обнаруживается много беспорядочно расположенных столбовых ям.

Второй тип свайных построек соединяет в себе жилище и помещение для скота. На деревянном помосте сооружалась постройка, предназначенная для жилья. Внизу, в яме содержался скот, чаще всего свиньи; туда же сбрасывался различный мусор и пищевые отбросы. В этих постройках свай располагались только по краям. Третий тип составляют постройки, предназначенные, очевидно, исключительно для хранения продуктов, зерна, возможно сена. Они расположены всегда возле жилищ. От них сохраняется только большое количество ям и неглубокая линза темного грунта, образовавшаяся от сгоревшей или исплевшей наземной части. При раскопках здесь обычно не встречаются ни очагов, ни культурных остатков. Таковы многие свайные постройки линейно-ленточной культуры¹³. В последние годы постройки такого типа раскапывались в Чехословакии¹⁴ и Польше на поселениях ленточной¹⁵, среднедунайской и даже лужицкой культур¹⁶.

Свайные постройки, обнаруженные в Пустынке, устройством, точнее сохранившимися остатками, и, очевидно, назначением, наиболее близки именно последнему третьему типу. Среди многолетних споров по поводу назначения таких построек наиболее правдоподобно, с точки зрения наблюдений над Пустынковскими постройками, представляется мнение Г. Кларка, который пишет, что, поскольку в этих помещениях отсутствуют какие-либо признаки жизни, остается предполагать, что они предназначались для хранения урожая¹⁷.

¹³ W. Buttler, W. Haberlyn. Die bandkeramische Ansiedlung bei Köln — Lindenthal. Berlin — Leipzig, 1936.

¹⁴ I. M. Godłowska. Chata kultury lądzielskiej w Nowej Hucie. — *Materiały Archeologiczne*, IX. Kraków, 1968, стр. 137—148.

¹⁵ J. Řihovský. K poznání sídlištních forem v kultuře středodunajských popelnicových polí. — *Casopis Moravského musea*, LI. Brno, 1966, стр. 61—95.

¹⁶ A. Niesiolowska-Hoffmann. Ze studiów nad budownictwem plemion kultury lużyckiej. — *Slavia Antiqua*, IX. Warszawa — Poznań, 1963, стр. 25—130.

¹⁷ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 147, 148.

Строительные материалы. Основными строительными материалами для сооружения жилищ и хозяйственных построек на Пустынковском поселении были дерево и глина. Остатки дерева сохранились исключительно в обугленном виде, так как обычно в песчаном и влажном грунте оно истлевет почти без остатка. По-видимому, именно по этой причине жители поселка предварительно обжигали концы столбов, о чем свидетельствует углистая окраска многих ям.

Поскольку часть жилищ погибла от пожара, сохранилось довольно большое количество фрагментов обуглившихся балок от стен и перекрытий. Они позволяют сделать вывод, что в основе жилищ лежала деревянная столбовая конструкция, на которой крепились крыша и стены. Наземная часть стен также была изготовлена либо из брусев, либо из плетня. Во многих случаях деревом облицовывалась и нижняя углубленная часть стен. Деревянными были и стропила крыши. Наконец, из дерева плелся каркас печей, возможно деревом обкладывались глинобитные нары.

Анализ угля показал, что для строительства применяли дуб, сосну, березу и ольху. В пойме эти породы, за исключением березы, не растут. Ближайшим местом, откуда мог доставляться необходимый строительный материал, являлся участок коренного берега, подступающий к поселению с северо-восточной стороны на расстоянии 2—2,5 км.

Несомненно, что для доставки длинных и толстых столбов нельзя было обойтись без помощи тягловой силы животных.

В жилищах встречены следы и остатки круглых бревен различного диаметра. В нескольких жилищах обнаружены аккуратные столбовые ямы прямоугольной формы (размерами 0,25 × 0,25 м). В какой-то мере наличие столбовых ям четырехугольной формы дает основание предполагать, что в них стояли такие же столбы.

В жилище № 2 найдены обгорелые плахи длиной 2 м, толщиной 15—20 см, то есть толстые доски. Остатки таких же плах или досок обнаружены в жилище № 5.

Во многих жилищах были выявлены остатки совсем тонких, круглых в сечении жердей. В целом остатки дерева в виде круглых и четырехугольных бревен, плоских плах, досок и тонких жердей свидетельствуют о том, что жителям поселка были известны различные и достаточно сложные способы и приемы обработки древесины. Это подтверждается и тем, что для времени существования Пустынковского поселения известно большое количество таких дифференцированных орудий для обработки дерева, как топоры, кельты, тесла, долота и т. п.

Другим материалом, также широко используемым при строительстве, являлась глина. Ею обмазывались стены и полы, из глины сооружались печи, лежанки, а также различные вымостки, встреченные на полу во многих жилищах.

Следует отметить, что глина применялась не только в сыром, но и в обожженном виде. Почти в каждом жилище в большем или меньшем количестве обнаружены глиняные вальки — своеобразные древние кирпичи. Вальки имеют разнообразную форму: шаровидную, уплощен-

ную, яйцевидную. Наиболее часто встречается последняя. Размеры вальков также различны, но колеблются в пределах 8—10 см в длину при ширине 5—6 см. Вальки изготовлены из глины с примесью песка. Они равномерно обожжены и никогда не имеют темной непрокалившейся сердцевины.

Рис. 17. Глиняные вальки.

Большое количество таких изделий, их довольно стандартные форма и размер, а также одинаковый обжиг наводят на мысль, что на поселении несомненно существовала специальная печь для обжига, в которой изготавливались вальки для нужд всего поселения (рис. 17).

Вальки применялись для самых различных надобностей. Во-первых, ими выкладывались полы. Лучше всего они сохранились на одном из участков пола в жилище № 3, где на небольшо-

й площади было обнаружено около 50 целых и поломанных вальков. Из вальков, уложенных в несколько рядов, сооружались лежанки. Возможно, иногда вальками обкладывалась изнутри нижняя часть стен в жилищах. Такое объяснение, например, могут найти вальки, встреченные вдоль стены в жилище № 10. Наконец, из вальков сооружались печи. Удалось установить, что вальками выкладывались основание и под печи, не исключено, что их использовали и для облицовки свода. В связи с этим интересны найденные в печных завалах экземпляры, у которых имеются различные приспособления для крепления: круглые, сквозные и несквозные отверстия, желобки, отпечатки толстого шнура и т. п. (рис. 18).

Кроме дерева и глины при строительстве жилищ, вероятно, применялся камыш. Возможно, что им покрывались крыши жилищ и хозяйственных построек, однако никаких остатков или следов камыша во время раскопок обнаружено не было.

Устройство жилищ. К моменту раскопок от жилищ сохранились только части, углубленные в грунт и имеющие вид прямоугольных или округлых в плане ям. Стены ям более или менее отвесны, что при учете слабого песчаного грунта само по себе уже свидетельствует о существовании деревянной облицовки. Углубленная часть жилищ была заполнена темным гумусированным песком, содержащим в верхней части очень небольшое количество культурных остатков.

Значительно большое количество обломков глиняной посуды, мелких кусочков угля, обломков печины, камней и других бытовых отбросов найдено на уровне пола. В ряде мест в заполнении жилища и на

полу заметны следы сгоревших бревен или плах в виде сажистых полос или скопления угольков, не потерявших своей структуры.

Стены и крыша. Вероятно, наиболее трудоемкой частью при строительстве жилищ являлось сооружение котлована. Учитывая, что у жи-

Рис. 18. Глиняная вымостка на полу жилища.

телей поселка не было даже металлических лопат, легко представить, какого труда стоило им выбросить на полтораметровую высоту более 1500 м³ земли.

Внутри жилого котлована сооружался деревянный каркас, служивший основой для стен и крыши. Столбовая система прослеживается довольно отчетливо. То, что столбы для крепления стен вкапывались не за пределами жилища, подтверждается расположением ям, всегда находящихся внутри него. Естественно, что метровая или чуть большая глубина котлована не могла удовлетворять потребностям жилища и что оно должно было возвышаться над уровнем земли и иметь хотя бы невысокие наземные стены. Почти вплотную к стенам ямы вкапывались деревянные столбы. Исходя из глубины столбовых ям и длины темных полос, сохранившихся от сгоревших и упавших столбов, можно предположить, что высота последних была примерно 2—2,5 м. Таким образом, наземная часть жилищ была чуть больше метра. Среднее расстояние между столбами, составляющими каркас жилища, — около 2 м, диаметр большинства из них — 0,25—0,3 м.

Судя по данным раскопок, стены облицовывались либо плетнем, либо расаными бревнами. Бревенчатая облицовка хорошо прослеживалась в жилище № 2, где между столбовыми ямами во многих местах были обнаружены остатки горизонтально лежавших вдоль стены плах. При этом можно было заметить, что они лежали между двумя рядами

тонких столбиков, вкопанных на расстоянии 20—25 см друг от друга. Примерно такой толщины и были, следовательно, плахи, облицовывающие стену.

В жилище № 3 облицовка стен носила иной характер. Здесь между столбами, расположенными на расстоянии 2 м друг от друга, четко прослеживались темные полосы, шириной в 5—10 см. Под ними сохранились следы от маленьких колышков, диаметром 1—1,5 см, расположенных в шахматном порядке на расстоянии 2—3 см друг от друга. Размеры колышков и их расположение дают основание предполагать, что стены в этом жилище были облицованы плетнем вертикального плетения (рис. 19).

Рис. 19. Следы от колыев плетня.

В ряде случаев деревянная облицовка обмазывалась глиной. Остатки такой обмазки в виде довольно крупных фрагментов обожженной глины с отпечатками досок или маленьких кусочков с отпечатками тонких прутьев от плетня встречены во многих жилищах.

Трудно сказать, обмазывались ли стены глиной целиком, на всю высоту, или только по линии пазов; не ясным остается также, обмазывались ли стены только изнутри или обмазка существовала и снаружи. Более вероятно, что для сохранения тепла, и для предохранения от попадания влаги с наружной стороны стены на значительную, а может быть и на всю высоту присыпались землей, выброшенной из котлована.

Большие размеры жилищ, а также ряды столбовых ям, проходящих по их центру, убеждают в том, что крыши строились двускатными. Основной опорой крыши были четыре или пять столбов-сох, на которые клался перекид, служивший коньком крыши. Следы от таких перекидов, упавших на пол, отмечены в нескольких жилищах. Так, например, в жилище № 4 темная углистая полоса шириной 0,25—0,3 м тянулась на протяжении 1,5 м от углового столба к центру. Такая же полоса с несколькими перерывами прослеживалась между столбами по центральной линии в других жилищах.

Следует напомнить, что почти во всех жилищах линия центральных столбов, предназначенных для крепления крыши, проходила не строго по середине, а на 1—1,5 м ближе к одной из стен, чаще к восточной. Причины, по которым это делалось, остались неясными. В качестве предположения можно высказать мысль, что такая конструкция крыши была как-то связана с сооружением очага и вообще с внутренней планировкой жилищ. Низ кровли, вероятно, несколько выступал за пределы стен. Это укрытое пространство использовалось обитателями жилища для сооружения различных хозяйственных ям, большое количе-

ство которых обнаружено вдоль стен. Покрывались крыши скорее всего камышом, имевшимся вокруг в неограниченном количестве. Крыши сверху, по-видимому, не присыпались землей. Во всяком случае, во время раскопок в заполнении землянок ни разу не были прослежены соответствующие им земляные прослойки.

Рис. 20. Остатки очага в жилище № 9.

Очаги. В жилищах и за их пределами обнаружено большое количество различных очагов. Условно их можно разделить на три типа: 1) кострища; 2) открытые очаги; 3) купольные печи. Следы от кострищ в виде небольших скоплений золы встречены во многих жилищах, главным образом в спальнях или «чистых» помещениях. Попадались они и за пределами жилищ, в непосредственной близости от них, где в летнее время проходила вся хозяйственная жизнь обитателей поселка.

В нескольких жилищах были исследованы открытые очаги, представляющие собой глинобитную площадку круглой формы, выложенную из валков и обмазанную толстым слоем глины, диаметром 0,35—0,4 м, с невысокими, почти вертикальными бортиками.

Наиболее часто встречались остатки очагов, которые можно рассматривать как купольные печи. При описании жилищ не раз отмечалась их плохая сохранность. Практически от них сохранились огромные развалы печины, перемешанной с золой, фрагментами посуды и костями животных. Лишь сопоставление отдельных деталей, уцелевших в различных очагах, дает возможность составить более или менее пол-

ное представление об их устройстве. Печи сооружались либо непосредственно на полу, либо на небольшом возвышении из глины и песка. Такую подсыпку удалось наблюдать в жилищах № 5 и 8. Устройство пода печи, сохранившегося лучше других деталей, достаточно ясно. Оно близко к устройству открытых очагов и состоит в том, что глиняные вальки в несколько рядов укладываются друг на друга, затем забиваются «крошками» от таких же вальков и сверху обмазываются глиной. Каркас купольной части печи был, очевидно, деревянным, ско-

Рис. 21. Под очага в жилище № 3.

рее всего он выплетался из лозы наподобие корзины, а затем с обеих сторон обмазывался глиной. Следы такой обмазки являются бесформенные фрагменты печины с отпечатками прутьев. О применении дерева при сооружении купольных очагов свидетельствуют обнаруженные в ряде жилищ небольшие ямки от столбов, расположенные вокруг печи (рис. 20; 21).

Неизменной составной частью купольных очагов являются предочажные ямы, находящиеся непосредственно перед печью, обычно ближе к выходу из жилища. Расположение их является хорошим ориентиром для определения топки в очагах. Предочажные ямы служили, очевидно, в основном для создания более нормальных условий для работы человека, стоящего перед низкой печью, сооруженной на уровне пола. Чаще всего они имели несколько вытянутую овальную форму и конически сужающиеся к небольшому дну стенки. Глубина предочажных ям редко превышала 0,5—0,6 м.

В заключение характеристики очагов необходимо напомнить о деталях, относящейся больше к идеологическим представлениям обитателей жилища, чем к устройству очагов. Под многими очагами (в жилищах № 3 — 5, 7, 8) были обнаружены закопанные в землю по одному

или по несколько миниатюрные сосуды. На этом своеобразном и интересном обычае мы остановимся подробнее в соответствующем разделе, посвященном описанию и характеристике культовых сооружений.

Полы и хозяйственные ямы. Земляные полы в жилищах были более или менее ровными, хотя обычно имели небольшой наклон к центру, особенно в тех случаях, когда в нем размещался очаг. Почти на всем пространстве полы были покрыты плотной коркой чернуглистого цвета, образовавшейся в результате долголетнего втаптывания в песок золы, угольков, мелких косточек и обломков керамики. В центре жилища и у очагов толщина корки достигала 10—12 см, у стен она была тоньше и не столь интенсивно окрашена.

Во многих жилищах отдельные участки пола вымощены вальками и обмазаны глиной. Трудно сказать, какая часть таких вымосток сохранилась, вернее какая часть полов покрывалась ими. Удалось выявить лишь небольшие бесформенные участки, длиной 1—2 м, расположенные в различных местах жилищ; чаще всего вблизи очагов. В жилище № 3, где сохранилось три довольно больших участка, покрытых вымосткой, удалось хорошо проследить ее устройство. На рыхлый песок, впритык друг к другу, клались глиняные вальки различной формы. Зазоры между ними забутовывались фрагментами и крошками от вальков; сверху вымостка либо обмазывалась глиной, либо засыпалась слоем песка и утрамбовывалась. Иное устройство имела вымостка, обнаруженная в жилище № 10. Она занимала довольно большое пространство длиной 4,2 м, шириной 1,6 м и состояла из залегающего внизу слоя песка, перемешанного с глиной, и слоя чистой хорошо обожженной глины. В каждом жилище были встречены хозяйственные ямы, количество которых колеблется от трех до семи. Их основная часть расположена в кухонном помещении, где они группируются вокруг очага. Реже хозяйственные ямы встречались в чистых помещениях, чаще — вдоль стен, с подбоями, выходящими за границы жилищ. Размеры и форма хозяйственных ям довольно разнообразны и с некоторой условностью могут быть разделены на три группы: 1) с подбоями; 2) с вертикальными и 3) с коническими стенками. Глубина ям редко превышала 0,7—0,8 м от уровня пола. В их заполнении почти ничего не найдено; только в некоторых лежали комья глины и вальки, вероятно для починки пола или очага, иногда фрагменты раздавленных сосудов.

Раскопки в Пустынке, где обнаружены все или во всяком случае почти все жилища, позволяют произвести примерный подсчет жителей, обитавших на одном поселении. Средние размеры жилищ: 6×10 и 7×12 м, следовательно, их общая площадь равна 60—70 м². Площадь жилого помещения, в котором встречаются нары, колеблется в пределах 35—40 м². В нем могли разместиться не более 10—12 человек. Число обитателей пустыньковского поселения, состоящего из 17—20 жилищ, составляло, следовательно, 200—250 человек.

Желание установить, насколько Пустыньковское поселение типично для своего времени и для той культуры, которую оно представляет, наталкивается на скудность источников, используемых в качестве сравни-

тельного материала. В настоящее время среди нескольких десятков сосницких поселений на Украине, зафиксированных на основании подъемного материала, можно назвать лишь шесть, где были проведены раскопки жилищ¹⁸.

К сосницкой группе памятников также, по-видимому, должны быть отнесены поселения, обнаруженные Ф. М. Заверняевым в бассейнах Верхней Десны и ее притока Судости. Большинство этих поселений (их обнаружено здесь более 30) расположены на дюнах, останцах коренного берега или участках первой надпойменной террасы. На поселениях обнаружены плоскодонные сосуды тюльпановидной формы, с утолщенным и отогнутым наружу венчиком, орнаментированные прочерченными треугольниками, валиками и жемчужинами под венчиком. По форме и орнаментации эта посуда находит прямые аналогии среди керамики сосницких поселений, в том числе и Пустынки. Культурная близость верхнедеснянских поселений к сосницким подтверждается и общностью жилищ. Наиболее исследованным поселением является Почапское селище, расположенное в пойме р. Судости. Здесь вскрыты три землянки и несколько плохо сохранившихся наземных построек. Жилища представляют собой полуземлянки прямоугольной формы (размеры 11,5 × 7, 12 × 6 м, глубина — 1,3—1 м). Вдоль стен, так же как и в Пустынке, сохранились черные углистые линзы от сгоревших бревен. Развалы глинобитных печей расположены в центре жилищ. Полы прослежены на различной глубине, что, возможно, следует понимать как указание на существование двух помещений, одно из которых, как и в Пустынке, было глубже другого. Во всех жилищах Почапского селища и на многих других поселениях Почапской группы встречались различные глиняные изделия в виде неправильных шаровидных блоков, глиняных «кирпичиков» и конических грузил.

Ф. М. Заверняев связывает исследованную им группу памятников со срубной и бондарихинской культурами¹⁹. На недостаточные к тому основания и на то, что керамика этих памятников близка сосницкой, указал П. Н. Третьяков²⁰. Это подтвердилось после исследования Пустынки, жилища которой составляют наиболее близкую аналогию землянкам Почапского селища, а также после того, как удалось установить, что в обеих группах распространен один и тот же обряд трупосожжения. По-видимому, верхнедеснянские памятники следует отнести к сосницкому варианту и рассматривать как его северную группу.

О том, что к северу и северо-востоку от почапских памятников расположена уже другая культура, свидетельствуют материалы из поселений Мокшан и Пустынь, исследованных О. А. Кривцовой-Граковой. Названные поселения, хотя и проявляют некоторое сходство с

¹⁸ С. С. Березанская. Средний период бронзового века в Лесостепной Украине. К., 1972, стр. 21—44.

¹⁹ Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны.—СА, 1964, № 1, стр. 149—151.

²⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., 1970, стр. 160.

Таблица 1
Сведения о жилищах восточнотшинецкой культуры

Название пункта и количество раскопанных жилищ	Ориентация по отношению к водоему	Форма	Количество помещений	Размеры, м	Глубина, м	Наличие глины	Тип очага
<i>1. Поселения сосницкого варианта</i>							
Пустынка (Днепр) — 10	Преобладает поперечное	Прямоугольная	1 и 2	14×7 10×5	1—1,5	+	Купольный
Сосница (Боромка Десна) — 1	Не выяснена	»	?	7,2×5	1,2	+	»
Зазимье (Десна) — 1	Поперечная	Не ясна	1	2,8×4	0,6	+	Не выяснен
Почапы (Десна) — 3	Не выяснена	Прямоугольная	2	12×6 11×7	1,3	+	Купольный
Гришеска (Десна) — 2	Поперечная	»	2	15×8	1,6	+	»
Волынцево, Попова Левада (Сейм) — 1	»	»	?	11×8,5	1	—	»
Ивановка, Майоров бугор (Сейм)	Не выяснена	»	?	7×6	1,5	—	»
Долинское, Круг (Сейм) — 1	Поперечная	»	?	10×5	1,3	+	»
<i>2. Поселения правобережных вариантов</i>							
Звизевка (Звизик) — 1	Поперечная	Прямоугольная	2	6×4	0,5	+	Купольный
Хатьяновка (Днепр) — 1	Не ясна	»	1	6×4	0,8	+	Не ясен
Соловье (Горынь) — 1	»	»	?	3,7×3	0,4	+	»
Костянец — 1	С севера на юг	Овальная	2	5×3,5	1,5	+	Открытый

сосницкими памятниками, уже совершенно очевидно принадлежат иной археологической культуре²¹.

В приведенной таблице сопоставлены Пустынковские жилища с жилищами других сосницких поселений. Во всех случаях это углубленные в грунт на 1—1,5 м полуземлянки довольно больших размеров, имеющие правильную прямоугольную форму. Характерно, что во всех случаях, когда это было установлено, жилища по длинной оси были ориентированы перпендикулярно к берегу. Аналогично устройство очагов, представляющих собой глинобитные печи со сводом.

Как ни малочисленны исследованные поселения, все же создается впечатление, что наиболее близкими между собой являются Пустынка и группа деснинских поселений. Сейминские жилища обладают несколько большим своеобразием, проявляющимся в том, что в них отсут-

²¹ О. А. Кривцова-Гракова. Памятники эпохи бронзы у селений Мокшан и Пустынь.— Труды ГИМ, № 12. М., 1941, стр. 90—92.

ствуют глиняная обмазка, вальки и другие следы применения при строительстве глины. Следует отметить, что обособленность сейминских памятников проявляется и в некотором своеобразии керамического материала.

Сопоставление Пустынки с поселениями других вариантов восточнотшинецкой культуры затрудняется их крайне слабой исследованностью. На всем правобережье Украины, от Днестра до Западного Буга, известно лишь шесть поселений, где раскапывались жилища, причем два из них расположены на Днестре, сравнительно близко от Пустынки. Бассейны Припяти и его притоков остаются пока совершенно неисследованными в плане домостроительства в эпоху бронзы.

Сравнивая Пустынковские жилища с жилищами тшинецкой культуры в Польше, необходимо ограничиться еще меньшим количеством данных. Из наиболее исследованных поселений следует указать лишь Бондажи Замойского повята, где было исследовано несколько углубленных жилищ, размеры которых от $2,5 \times 2,8$ до 6×3 м²². В остальных случаях авторы раскопок ограничиваются упоминаниями о наличии следов углубленных или наземных жилищ²³.

В целом имеющиеся факты свидетельствуют о том, что на всей территории восточнотшинецкой, да и западнотшинецкой культур был распространен сходный тип жилищ, представленный полуземлянками прямоугольной или овальной формы, состоящими из одного или двух помещений, в которых обычно находилось по одному или два очага. С другой стороны, можно говорить о некотором своеобразии сосницких жилищ по сравнению с жилищами, характеризующими правобережные варианты восточнотшинецкой культуры. Эти отличия проявляются в том, что сосницкие жилища имеют большие размеры, колеблющиеся в пределах 16×8 , 10×5 м, тогда как жилища правобережных поселений никогда не превышают размеров 6×3 , 4×3 м. Далее, жилища сосницкой группы, обычно более глубокие, в среднем они углублены на $1-1,5$ м, в то время как все известные правобережные жилища значительно мельче — $0,4-0,5$ м, и только землянка на Костянечком поселении имеет глубину, аналогичную глубине сосницких. На Правобережье не исключена возможность наличия наземных жилищ, о чем свидетельствуют раскопки в Мошнах, указание ряда польских археологов, а также тот факт, что на правобережных поселениях вообще редко удается обнаружить следы жилищ, что более естественно, если они наземные или слегка углубленные.

Некоторые отличия можно отметить и в форме жилищ. В сосницкой группе они обычно прямоугольные, а на Правобережье, как правило, не имеют правильных очертаний, приближаются к овалу или во всяком случае имеют оплывшие, закругленные углы. Наконец, на поселениях Правобережной Украины чаще, чем на Сосницких, при устройстве очагов применяется камень.

²² J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jazdzewski. Pradzieje Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 141.

²³ A. Gardawski. Указ. соч., стр. 83—87.

Сравнение между собой известных в настоящее время поселений тшинецкой культуры убеждает в типичности Пустынки, как поселения, характеризующего эту культуру. Вопрос об исторических корнях домостроительства пустынковского поселения важен не только с точки зрения требований монографического исследования памятника, но и в плане выяснения генезиса всей восточнотшинецкой культуры, и особенно сосницкого варианта, сложение которого, судя по другим материалам, в частности по керамике, было далеко не прямолинейным и включало множество различных компонентов.

Помимо черт, характерных для того или иного поселения, для каждого из них можно выделить черты, присущие более широкому кругу синхронных поселений, расположенных в одинаковых или, во всяком случае, близких природных условиях. Создается впечатление, что такие особенности, в определенном смысле носящие стадийный характер, продиктованы более общими законами исторического развития, далеко выходящими за рамки сложения и развития какой-либо одной культуры.

Одной из таких более широких, временных или стадийных черт, характеризующих поселения восточнотшинецкой культуры, является их топография, нередко изображаемая чуть ли не в качестве основной их особенности²⁴. Действительно, подавляющее большинство поселений тшинецкой культуры расположено в одинаковых топографических условиях непосредственно у воды, особенно часто в поймах рек на дюнных возвышенностях. Можно ли это считать отличительной особенностью данных поселений? По-видимому, нет. Обратившись к поселениям середины и второй половины II тысячелетия до н. э., расположенным в лесной и лесостепной полосах Центральной и Восточной Европы, легко убедиться в близости их топографии. Безусловно, прав Г. Кларк, пишущий, что на выбор места для поселения влияют топография местности, грунт, рельеф, расположение водных источников, наличие и характер строительных материалов и подобные факторы.

И все же, несмотря на это, большинство поселений середины II тысячелетия до н. э., занимающих огромную территорию от Западной Германии до Урала, находятся в таких же топографических условиях, как Пустынка и другие поселения восточнотшинецкой культуры. Это подтверждается исследованиями локализованных здесь предлужицкой²⁵, тшинецкой²⁶, марьяновско-бондарихинской²⁷, приказанской²⁸, срубной²⁹, андроновской³⁰ и ряда других культур.

²⁴ A. Gardawski. Указ. соч., стр. 87—88.

²⁵ J. Kostrzewski. Pradzieje Polski, стр. 137.

²⁶ A. Gardawski. Указ. соч., стр. 83.

²⁷ С. С. Березанская. Культуры средней бронзы в Левобережном Полесье Украины.— КСИА, № 10. М., 1960; В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века.— СА, 1961, № 1, стр. 40—41.

²⁸ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье.— МИА, № 2, 1954.

²⁹ Н. Я. Мерперт. Из древней истории Среднего Поволжья.— МИА, № 61, 1958.

³⁰ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 242—248.

Для Пустынковского поселения характерной чертой можно считать уличную планировку, органически связанную с топографией поселений, расположенных низко у воды, по берегам рек и озер. Возникнув еще в энеолите, в среде земледельческих культур, такая планировка существовала на протяжении всего бронзового века, вплоть до эпохи раннего железа, когда появление городищ продиктовало иную планировку.

Еще одной чертой, характерной для широкого круга поселений Восточной Европы, можно считать встреченное на Пустынковском поселении сочетание углубленных жилищ и наземных хозяйственных построек. В силу того, что наземные постройки обычно не сохраняются или сохраняются плохо, выяснить в каком объеме осуществлялось такое сочетание, нельзя. В частности, не выяснено, одно ли жилище имело принадлежащую ей наземную хозяйственную постройку или несколько жилищ пользовались общей. Пока приходится довольствоваться тем, что многие исследователи, подробно описывая углубленные жилища, упоминают о существовании следов «каких-то наземных построек».

О наличии на поселениях наземных построек, часто пишут исследователи срубной культуры. Н. Я. Мерперт упоминает о них при описании Сусканского поселения³¹; Н. В. Трубникова при характеристике поселения у Моечного озера³²; О. А. Кривцова-Гракова — при описании поселения андроновской культуры у с. Алексеевки³³; К. В. Сальников — при исследовании андроновских поселений южного Зауралья³⁴; Ф. М. Заверьяев — характеризуя поселения средней и поздней бронзы Верхней Десны³⁵.

Поэтому и такая, казалось бы ярко выраженная черта Пустынковского поселения, как сочетание углубленных жилищ и наземных построек, не может, по-видимому, рассматриваться как черта, присущая какому-то узкому в культурном плане кругу памятников. Таким образом, топография поселения, его уличная планировка и сочетание углубленных и наземных построек мало что дают для выяснения исторических корней домостроительства Пустынковского поселения, установления его составных элементов и истоков культурного влияния. Более показательны в этом плане оказываются мелкие и частные детали, действительно свойственные только узкому кругу поселений и культур. Они касаются не только планировки поселения и устройства жилищ, но и внутренней планировки помещений.

При характеристике планировки Пустынки обращалось внимание на то, что, хотя основная часть жилищ вытянута вдоль берега в виде улицы, на поселении прослеживается некоторая тенденция к созданию

³¹ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 111—116.

³² Н. В. Трубникова. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе. — МИА, № 61, стр. 187.

³³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, вып. XVII, 1948.

³⁴ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 248.

³⁵ Ф. М. Заверьяев. Памятники эпохи бронзы в бассейне Верхней Десны. — СА, 1964, № 1, стр. 149.

круговой планировки. Это проявилось в использовании центральной части возвышенности под загон для скота, окруженный постройками и, вероятно, какой-нибудь оградой. Выше говорилось, что отсутствие культурного слоя в центре многих возвышенностей, на которых расположены соснищкие поселения, возможно, следует понимать как указание на существование таких же загонов и в других местах. В этом плане почти аналогичная картина была прослежена на поселении у с. Андрусовка — памятнике, в культурном и хронологическом отношении близком Пустынке³⁶.

Поселения культур шнуровой керамики, по времени предшествующие Пустынке и особенно интересные в плане рассмотрения преемственности, настолько плохо исследованы, что невозможно говорить что-либо об их планировке. Исключением является поселение ивенской культуры (представляющей собой вариант унетичкой в северо-западной Польше), обнаруженное в нижних слоях Бискупинского городища. Здесь встречены остатки жилищ, расположенных по краям возвышенности, а в центре — следы узких неглубоких рвов, окружающих площадку, которая, по мнению исследователей, служила загонем для скота³⁷.

Представляет интерес близкое по времени к Пустынке городище у с. Кудлаевки близ г. Новгород-Северского, исследованное в последние годы О. Н. Мельниковской. В центре поселения, где не было жилых сооружений, обнаружены остатки большого наземного помещения без очагов. Автор раскопок предполагает, что оно служило зимним стойлом для скота³⁸. Кудлаевское городище, расположенное близко от Пустынки, относится к юхновской культуре, воспринявшей ряд черт, предшествующих ей соснищким памятникам.

Круговая планировка распространена на чернолесских и раннескифских городищах Лесостепной Украины. На всех чернолесских городищах, обнесенных оборонительными сооружениями в виде сложной системы рвов и валов, центральная часть оставалась незастроенной и почти не имела культурного слоя. Жилища и хозяйственные постройки располагались здесь либо у подножья городищ, либо внутри их, но вдоль валов. В центре всегда оставалось свободное пространство, предназначенное для содержания и охраны скота³⁹.

В основном такой же оставалась планировка и раннескифских городищ — Немировского, Бельского, Трахтемировского и др., предназначенных, как справедливо пишет М. И. Артамонов, для защиты главного богатства того времени — скота⁴⁰.

³⁶ Е. Ф. Покровська, Е. О. Петровська. Поселения кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка.— *Археологія*, т. XIII, 1962.

³⁷ J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jazdzewski. *Pradzieje Polski*, стр. 128.

³⁸ О. Н. Мельниковская. Работы Юхновского отряда.— *Археологические открытия 1967 года*. М., 1968, стр. 232.

³⁹ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. К., 1961, стр. 17—31.

⁴⁰ М. И. Артамонов. Археологические исследования в южной Подолии.— ВЛУ, 1948, № 11. Л., 1949, стр. 179.

Проведенное сопоставление Пустынки с памятниками более раннего и позднего времени дает представление о территории, на которой в эпоху бронзы и раннего железа были распространены поселения и городища с элементами круговой планировки. Обращает внимание, что они сконцентрированы в лесостепной части Правобережной Украины и культурно связанных с ней районах Левобережья. В эпоху энеолита вся эта территория была занята племенами трипольской культуры. Круговая планировка трипольских поселений, возникшая еще на среднем этапе истории этой культуры и просуществовавшая до ее конца, является классическим примером устойчивости традиций в формировании домостроительства.

Для понимания истории домостроительства эпохи бронзы в Северной Украине особенно интересна планировка поселений городско-волинского варианта позднего триполья. В результате широких раскопок на таких поселениях, как Городск, Троянов, Паволочь и др., она хорошо изучена и раскрывает древнюю традицию домостроительства, идущую из глубин развитого триполья и доживающую до заключительных этапов ее развития⁴¹. При этом исследователи позднетрипольских поселений Волини убедительно показали, насколько прочно сохраняются традиции планировки поселений и навыки домостроительства даже в тех случаях, когда другие стороны материальной культуры, например керамика, металл и т. п., претерпевают значительные изменения⁴².

Одной из отличительных особенностей жилищ Пустынковского поселения является их двукамерность, четко проявившаяся вследствие их различной глубины. Эта черта не свойственна землянкам срубной, бондарихинской, поздняяковской, приказанской и других культур эпохи бронзы, расположенных к востоку от Днепра. Напротив, двукамерность, начиная с энеолита, можно считать характерной чертой жилищ Лесостепного Правобережья Украины.

Многокамерность жилищ четко проявилась уже в раннем триполье (Лука-Врублевская⁴³, Ленковцы⁴⁴, Красноставка⁴⁵). Встречены многокамерные жилища, хотя и несколько в меньшем количестве, на поселениях более позднего времени (Владимировка⁴⁶, Поливанов Яр⁴⁷). Широко распространены двукамерные жилища и на позднем этапе трипольской культуры (Городск, Бортничи, Троянов и многие другие).

⁴¹ В. П. Петров. Поселения в Городську. Трипільська культура, т. I. К., 1948, стор. 347 и 377; Н. М. Шмаглій. О планировке позднетрипольских поселений Восточной Волини.— КСИА, № 9, 1959, стр. 53, 54.

⁴² М. М. Шмаглій. Городсько-волинський варіант пізньотрипільської культури.— Археологія, т. XX, 1966, стр. 35.

⁴³ С. Н. Биби́ков. Поселение Лука-Врублевская.— МИА, № 38, 1953, стр. 66.

⁴⁴ К. К. Черниш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на середньому Дністрі. К., 1959, стр. 28.

⁴⁵ Т. Б. Белановская. Раннетрипольское поселение у Красноставки.— КСИИМК, вып. 69. М., 1957.

⁴⁶ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10, 1949, стр. 17—39.

⁴⁷ Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр.— КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 57.

При этом исследователи трипольской культуры отмечают, что по общей конфигурации и планировке жилища позднего Триполья очень близки к жилым углублениям более раннего времени и, что, «сопоставляя землянки и полуземлянки раннего Триполья с сооружениями этого типа из памятников трипольской культуры более поздних этапов, следует отметить устойчивую традицию сооружения жилищ, сохраняющуюся на протяжении всего Триполья черты конструктивного сходства»⁴⁸.

Для установления линии преемственности домостроительства в эпоху бронзы существенно то обстоятельство, что она не обрывается на трипольской культуре, а продолжает существовать и в последующий период, представленный на Правобережной Украине культурами шнуровой керамики. Особенно интересно замечание Е. Ю. Кричевского о сходстве жилищ городокского типа с землянками более позднего времени (ранней бронзы), раскопанными В. В. Хвойко в Киеве⁴⁹.

В настоящее время на территории Западной Волыни известно около 20 жилищ, принадлежащих городокской и здолбицкой культурам шнуровой керамики. И. К. Свешников пишет, что характерным типом жилищ здолбицкой культуры являются двукамерные жилища, состоящие обычно из наземной и углубленной частей (Здолбица, Зозив и др.). От пустынковских они отличаются лишь тем, что имеют меньшие размеры и глубину⁵⁰.

Раскопки поселения среднеднепровской культуры на Днепре у с. Исковщина Каневского района выявили наземные или слегка углубленные жилища и примыкающие к ним участки — дворики, где размещались очаги и большое количество кухонных остатков. При этом не исключено, что в некоторых случаях их следует понимать как два помещения — наземное и слегка углубленное⁵¹.

Пустынковское поселение от других поселений эпохи бронзы Левобережной Украины и Поволжья, в частности поселений срубной культуры, отличается использованием в большом количестве сырой и обожженной глины. Едва ли можно сомневаться, что навыки применения глины жителями Пустынки были восприняты у племен Правобережной Украины, где строительство глинобитных жилищ еще в энеолите достигло высокого уровня.

В устройстве жилищ культур шнуровой керамики глина также играла большую роль. Примером этого является Исковщина, где в одном из жилищ был обнаружен пол, покрытый несколькими слоями обожженной глины. В других жилищах этого же поселения встречены фрагменты печины с отпечатками тонких прутьев, свидетельствующие

⁴⁸ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 69.

⁴⁹ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры.— МИА, № 2, 1941, стр. 245—251.

⁵⁰ И. К. Свешников. Памятники культуры шнуровой керамики у села Здолбица.— КСИА, вып. 85, стр. 55—65; I. Swieszniakow. Ze studiow nad kultura ceramiką sznurową na Wołyniu, Podkarpaciu i Podolu.— Odbitka ze Sprawozdań z posiedzen komisji oddziału PAN w Krakowie. Styczen — czerwiec, 1966.

⁵¹ С. С. Березанська, М. М. Бондар. Поселения эпохи ранней бронзы в Каневі.— Археологія, т. XVI, 1964, стр. 171—174.

щие о том, что стены жилища были также глинобитными. О близком устройстве жилищ западных культур шнуровой керамики сообщает И. К. Свешников. На нескольких поселениях ему удалось проследить остатки очагов, представляющие собой кучи обожженной глины и следы столбовых ям. Из расположения последних И. К. Свешников делает вывод, что жилища были окружены двумя рядами тонких жердей, между которыми находился слой глины, земли, травы или соломы.

В силу лучшей изученности, несмотря на хронологический разрыв, культурная преемственность домостроительства энеолита и эпохи бронзы, в частности Пустынки, хорошо прослеживается при рассмотрении трипольских жилищ. На всем протяжении существования трипольской культуры глина была основным материалом для устройства жилищ. Из нее сооружались не только полы, но и стены. В землянках и полуземлянках с земляными полами, глиняными вальками (как и в Пустынке) выкладывались отдельные участки пола и лежанки. Вблизи печей обычно сооружались своеобразные глинобитные припечки, напоминающие вымостки, обнаруженные возле очагов пустынковских жилищ. Глиняные вальки, применявшиеся трипольцами для устройства жилищ так же, как и пустынковские, изготовлялись из лессовидной глины и обжигались за границами жилищ. Форма вальков в Триполье разнообразна, хотя встречаются и аналогичные пустынковским.

Можно указать также на некоторые черты, в одинаковой мере общие для устройства очагов как трипольской культуры, так и Пустынки. Прежде всего это касается подсыпки, на которой сооружались очаги. Многие исследователи трипольских жилищ отмечают, что печи сооружались не на полу, а на небольшом возвышении, образованном чаще всего из глиняных плиток или вальков, положенных в несколько рядов. Почти аналогичную картину пришлось наблюдать при разборке очагов Пустынковского поселения. Правда, в нескольких случаях возвышение было образовано не вальками, а утрамбованной глиной.

Характерной деталью, присущей трипольским и пустынковским жилищам, являются предочажные ямы, встречающиеся возле каждой печи и расположенные непосредственно перед ее устьем.

Наконец, необходимо напомнить, что в одном из жилищ Пустынковского поселения под развалом очага был обнаружен череп быка. Он сохранился лишь потому, что был сильно обожжен. В других аналогичных случаях кости животных могли не сохраниться.

Обычай закапывать черепа животных вблизи очагов известен в трипольской культуре (Лука-Врублевская, Ленковцы, Борисовка и др.) и в культурах шнуровой керамики (Костянец). Этот факт более интересен в плане преемственности идеологических представлений, о чем подробно еще будет говориться.

Итак, сопоставление Пустынки с поселениями и жилищами ряда культур лесостепной части Правобережной Украины позволило установить многие сходные элементы в их домостроительстве. При этом выясняется, что корни домостроительства эпохи бронзы уходят в глубокую древность и отчетливо прослеживаются в трипольской культуре. Напомним, что между восточнотшинецкой культурой и поздним трипольем

хронологический разрыв меньше, чем между ранним и поздним периодами трипольской культуры. Кроме того, культурно-исторический процесс в Северной Украине, вдали от торговых путей и развитых металлургических центров, всегда протекал несколько замедленно.

Некоторые черты связывают Пустынку с северными районами Левобережья Украины и более восточными областями, занятыми срубной, поздняяковской и приказанской культурами. В последние годы в изучении всех названных культур произошел значительный сдвиг, в результате чего появилась возможность составить достаточно полное представление о характере и устройстве жилищ лесной и лесостепной частей Волго-Камского Междуречья⁵².

На поселениях у Моечного озера⁵³, Сускан I⁵⁴, Воскресенское⁵⁵ и многих других⁵⁶ исследованы жилища. Во всех случаях это большие землянки прямоугольной формы, углубленные в землю на 1—1,5 м. У них всегда имеются невысокие наземные стенки, облицованные либо деревянными брусками, либо плетнем. Реконструкции срубных жилищ, предложенные Н. Я. Мерпертом и Н. В. Трубниковой, в общих чертах близки реконструкциям, предлагаемым для Пустынковских землянок, и рисуют сходный тип жилищ. Отличия, имеющиеся в реконструкциях М. П. Грязнова, Н. Я. Мерперта и Н. В. Трубниковой, касающиеся, в основном, устройства крыши, следует скорее объяснять не различным типом жилищ, распространенных в среде срубных племен, а разным толкованием сохранившихся остатков.

Срубным жилищам чужды черты, роднящие Пустынку с домостроительством Правобережной Украины: наземные постройки на столбах, двухкамерные жилища с различной глубиной помещений, широкое применение в устройстве поселений сырой и обожженной глины. Кроме того, срубные жилища были в основном больших размеров и большей глубины⁵⁷. Далее, на срубных поселениях встречаются неизвестные на Правобережье жилые комплексы из нескольких землянок, соединенных переходами. Для срубных жилищ характерны своеобразные очаги — так называемые отопительные ямы, представляющие собой в одних случаях небольшие углубления, в других — огромные ямы глубиной 2 м. Наконец, расположение ям от столбов, определяющих конструкцию крыши, в срубных жилищах совершенно иное, чем в пустынковских. В них линия столбовых ям, если она одна, всегда проходит по центру, а если их две, то они расположены параллельно друг другу, по обе стороны от цент-

⁵² Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 45—157; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье.— МИА, № 42, 1954.

⁵³ А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моечного озера.— МИА, № 61, стр. 157—180; Н. В. Трубникова. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе.— МИА, № 61, стр. 182—186.

⁵⁴ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 103—117.

⁵⁵ Н. В. Трубникова. Поселение у деревни Воскресенской на р. Усе.— КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 21.

⁵⁶ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья.— СА, XI, 1949, стр. 209, рис. 15.

⁵⁷ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 153.

ральной оси. В большинстве же жилищ Пустынки линия ям от столбов, поддерживающих крышу, сдвинута на 1—1,5 м к одной из стен. Соответственно такому расположению ям устройство крыши, по-видимому, также было неодинаковым, хотя основной принцип, состоящий в том, что крыша была двускатной, остается одним и тем же⁵⁸. Несмотря на отмеченные различия между жилищами срубной культуры и Пустынки, в последней наблюдается ряд черт, заимствованных, очевидно, у ее восточных соседей. К ним можно отнести большие размеры пустынковских жилищ, преобладание прямоугольной формы и, прежде всего, облицовку стен деревянными брусками и плахами.

Синкретический характер домостроительства, объясняющийся географическим расположением сосницкой группы племен (на стыке двух различных этнокультурных миров), не случаен; это подтверждается при рассмотрении погребального обряда, керамики и металлических изделий, где так же четко прослеживаются различные культурные компоненты⁵⁹.

⁵⁸ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 115, 116, рис. 13; Н. В. Трубинова. Указ. соч., стр. 185, рис. 3.

⁵⁹ С. С. Березанская. Средний период бронзового века в Северной Украине. К., 1972, стр. 125—146.

Глава III

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБИТАТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ

Сведения о духовной жизни племен эпохи бронзы лесостепной части Украины, как и Украины вообще, несравненно беднее, чем данные об их жилищах, хозяйстве, орудиях труда и другом бытовом инвентаре. Это объясняется рядом причин, главная из которых заключается в скудности самих источников. Идеология людей, как правило, почти ничего материального после себя не оставляет, и то немногое, что сохраняется, далеко не всегда можно понять и интерпретировать. Обычно археологи ограничиваются констатацией фактов и, в лучшем случае, указанием на то, что речь идет о памятниках или материалах не бытового, а культового характера.

Среди поселений эпохи бронзы Северной Украины Пустынка составляет завидное исключение в том плане, что здесь удалось выявить целый комплекс построек, сооружений и объектов, связанных с верованиями и культами его обитателей. Этот комплекс состоит: а) из двух культовых построек; б) жертвенника; в) захоронений кальцинированных костей под полами жилищ и культовых построек; г) захоронений животных и миниатюрных сосудов под очагами; д) группы предметов, предназначенных для культовых церемоний; е) могильника, который, несмотря на плохую сохранность, дал некоторое представление о погребальном обряде жителей поселения.

КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

Культовая постройка I. Участок между жилищами № 2 и 4 к моменту исследования поселения был занят пороховым погребом, построенным в период Великой Отечественной войны. Это сооружение имело вид небольшого кургана, высотой около 1,5 м, диаметром 12 м. После удаления насыпи на пространстве, занятом погребом, и на прилегающем участке был заложен раскоп, получивший название «центральный» (размеры его 15×15 м). После подчистки раскопа, произведенной на глубине 0,25 м от современной поверхности, кроме незначительных фрагментов керамики и большого

количества столбовых ям, сосредоточенных в юго-западной части, ничего обнаружено не было. При углублении по всей площади раскопа еще на 20 см в северных и восточных квадратах показался чистый материковый песок. Дальнейшим исследованием подвергались только центральная и восточная части раскопа, где были обнаружены остатки своеобразного наземного сооружения. От него сохранились столбовые ямы и в центре небольшое углубление корытообразной формы, заполненное темным золотистым песком (рис. 22).

Расположение ям образует круг, имеющий сравнительно правильную форму. Диаметр круга около 8 м; в него входит 10 ям, четыре из

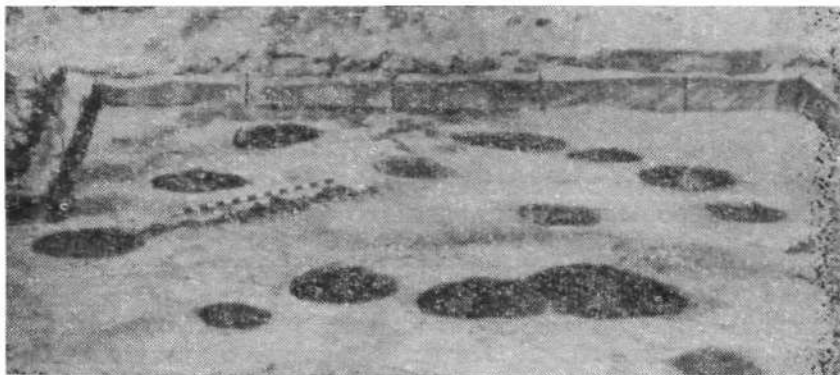

Рис. 22. Столбовые ямы в культовой постройке I.

них (№ 1—4) выделяются большими размерами и имеют не совсем правильную подпрямоугольную форму. Они расположены примерно на одинаковом друг от друга расстоянии, достигающем 2 м. Их диаметр от 1 до 1,25 м, глубина от 0,75 до 1 м от современной поверхности. Между четырьмя большими ямами находились ямы меньшего диаметра, расположенные не по прямой линии, а по дуге, что вместе с остальными ямами и создавало очертания круга. Две ямы размещались вдоль северной стены, несколько ближе к большей яме, занимающей восточный угол. Две другие — синхронно располагались вдоль южной стены. Вдоль западной и восточной стен, между большими ямами находилось по две, а по одной маленькой ямке. Диаметр всех маленьких ям примерно одинаков и колеблется в пределах 0,75—0,80 м. Глубина их различна: от 0,5 до 0,8 м от современной поверхности. Заполнение всех 10 ям, образующих круг, одинаково и состоит из бурого песка, не содержащего культурных остатков. Дно ям плоское или чуть углубленное в центре, что хорошо фиксируется по темной окраске грунта. Форма ям и характер их заполнения свидетельствуют о том, что это столбовые ямы. Вкопанные в них столбы составляли основу стен помещения, имевшего округлую форму. От облицовки стен никаких следов не сохранилось. Центральная часть сооружения, примерно на 20—25 см глубже его периферии, имела корытообразную форму и при подчистке

прослеживалась в виде темно-серого пятна. Кроме того, эта наиболее углубленная часть помещения оконтуривалась тремя ямами, располагавшимися в трех углах. Диаметр трех ям, расположенных внутри помещения, 0,8 м, глубина 0,5—0,6 м (рис. 23).

Наиболее важная деталь сооружения, проливающая свет на его назначение, находилась внутри углубленной части помещения. От центра

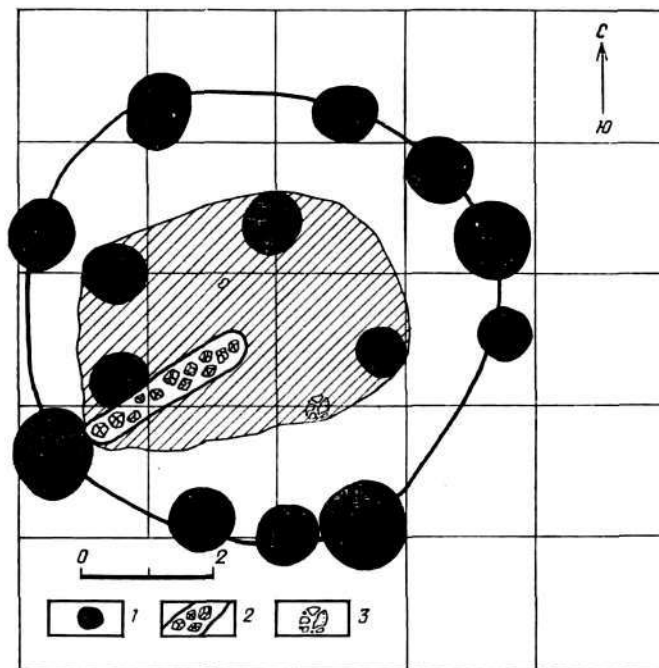

Рис. 23. План культовой постройки I:

1 — ямы от столбов; 2 — канавка, заполненная обломками зернотерок, золой и кальцинированными костями; 3 — керамика.

к его юго-западному сектору тянулась канавка прямоугольной формы, глубиной 0,5 м от дневной поверхности и 0,25—0,3 м от уровня древнего горизонта. Ширина ее в северо-восточной части 0,5, а в юго-западной — 0,45 м; длина — 3 м. Стенки отвесные, дно ровное, горизонтальное. Канавка была очень плотно заполнена камнями, которые небольшим холмиком возвышались над ее краями. Общее количество камней, вынутых из канавки — 118. Особенно интересно то, что все без исключения камни представляли собой обломки зернотерок или растиральных камней. Об этом убедительно свидетельствует характерная зашлифовка, затертость или заглаженность отдельных участков, которая в большей или меньшей мере сохранилась буквально на всех обломках. Размеры фрагментов и их форма различны: от 20—25 см

Рис. 24. Канавка, заполненная обломками зернотерок, золой и кальцинированными костями.

Рис. 25. Фрагмент канавки.

до 3—4 см в диаметре. Однако большая часть была примерно одинаковых размеров — 15—20 см в диаметре (рис. 24).

Другой особенностью абсолютно всех камней, заполнявших канавку, была их обожженность. Причем одних настолько сильная, что в руках они рассыпались на крошки. При этом следует отметить, что стенки, дно канавки и пол вокруг нее не имели следов обжига. Отсутствовали следы обжига и вокруг канавки на окружающем пространстве пола. Следовательно, обломки зернотерок обжигались, вернее побывали в огне, где-то на стороне и уже в обожженном виде принесены и брошены в канавку (рис. 25).

Пространство между камнями и под ними было заполнено черным углистым песком, перемешанным с мелкими угольками и довольно большим количеством кальцинированных костей животных. Среди костей (очень мелких и не поддающихся определению) встречены обломки черепов. Особенно много кальцинированных костей обнаружено на дне и в центральной части канавки. Здесь же, поверх камней, найден фрагмент тонкостенного сосуда чашевидной формы с подлощенной поверхностью. В 1 м от северо-восточного угла канавки найден развал толстостенного сосуда и обломок зернотерки.

В целом же на площади сооружения (рис. 26) было встречено немного находок, во всяком случае значительно меньше, чем в жилищах или даже большинстве хозяйственных построек. Всего найдено около 20 фрагментов от различных сосудов. Керамика, хотя и типична для поселения, обладает некоторым своеобразием. Так, обращает внимание наличие сосудов, характеризующих ранний этап тшинецкой культуры. Среди них шесть фрагментов от сосудов, украшенных так называемой колючей проволокой; два — шнуром, один (от какого-то большого сосуда) — с толстым низко поставленным наlepным валиком. Интересен фрагмент тонкостенного сосуда, изготовленного из глины без примесей. Орнамент на нем нанесен тщательно и отличается богатством и сложностью композиции. Не менее интересен фрагмент от грубого горшка без орнамента, на стенках которого видны отпечатки каких-то зерен, возможно пшеницы. Глина этого сосуда отличается пористостью, возникшей, по-видимому, после выгорания каких-то растительных примесей. Из других предметов в помещении были найдены обломок кремневого серпа и несколько кремневых отщепов, также побывавших в огне. Описанное сооружение резко отличается от других жилых и хозяйственных построек. Обращает внимание его территориальная обособленность от окружающих жилищ и удаленность от берега. Несомненно своеобразие его формы и устройства. Показательно также отсутствие очага, нар, хозяйственных ям и типичного культурного слоя, характеризующего жилища и состоящего из большого количества черепков, камней и костей животных. Все это свидетельствует о том, что помещение не являлось обычной жилой или хозяйственной постройкой, а служило для иных целей. Главным ключом к пониманию его назначения служит канавка, заполненная кальцинированными костями и обломками зернотерок. Она позволяет предполагать, что здесь совершались церемонии связанные с культом земледелия и домашнего очага. Земледельческий

характер культовых церемоний, производившихся в помещении, подтверждается находками обломка серпа, зернотерок, обломков сосуда с отпечатками зерен. Прямые аналогии описанному сооружению не известны. Единственную, довольно близкую аналогию канавке, выявленной в Пустынке, составляет продолговатое углубление в культовом

Рис. 26. Реконструкция культовой постройки I.

сооружении, обнаруженном на Жаботинском поселении. В северо-восточной части постройки, недалеко от жертвенника и очага была расчищена канавка (длиной 4,5 м, шириной 1,05, глубиной 0,9 м), имеющая форму прямоугольника, закругленного с одной стороны. На дне канавки были обнаружены кости животных и фрагменты керамики, сверху — зола и обломки глиняной обмазки¹.

Культовая постройка II. Расположена в центральной части поселения, в начале его восточной половины. Уже в самом расположении постройки наблюдается ряд особенностей, заметно отличающих ее от обычных жилищ и хозяйственных сооружений. Во-первых, расстояние между этой постройкой и соседними жилищами значительно

¹ Е. Ф. Покровская. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботино.— КСИА, вып. 12. К., 1962, стр. 75.

больше, чем между другими. Из-за этого культовая постройка II, так же как и первая, выглядит как бы изолированной. Во-вторых, она расположена довольно далеко от берега, в связи с чем выпадает из ряда строений, составляющих на поселении первую линию построек. Обращает внимание и то, что на значительной площади, окружающей культовую постройку, не обнаружено ни жилищ, ни хозяйственных построек, по-видимому, она сознательно была оставлена свободной (рис. 27).

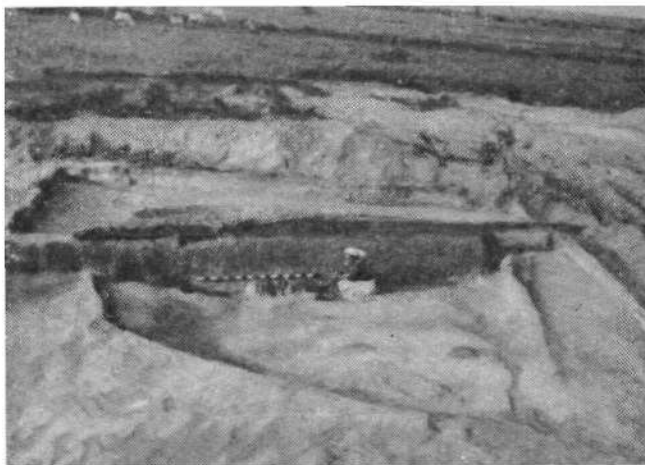

Рис. 27. Расчистка культовой постройки II.

С юго-западной стороны сооружение имеет небольшую треугольную пристройку, отчего в целом приобретает необычные контуры. По длинной оси, как и большинство других жилищ на поселении, культовая постройка вытянута с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Продольные стены параллельны друг другу, но различны по длине; длина юго-восточной стены — 10,40 м, северо-западной — 7 м. Ширина помещения также неодинакова: в центральной части 6,6 м, по краям значительно уже. Поперечная юго-восточная стена слегка закруглена, а юго-западная, длина которой чуть больше 4 м, сильно скошена к югу. Глубина постройки в разных частях различная: северо-восточная часть помещения значительно глубже пристройки, в центре ее глубина достигает 1,25 м от поверхности. Юго-западная часть — мельче — 0,7 м. Заполнение от жилищ отличалось более светлой окраской и значительно меньшим количеством находок. Пол сравнительно ровный, выбоин и ям на нем немного. Корка, покрывающая пол постройки и состоящая из спрессованного углистого песка, перемешанного с различными кухонными отбросами, тоньше и меньшей плотности, чем в других помещениях. Кроме того, в ней почти не встречено костей животных и фрагментов керамики.

Постройка была разделена на два помещения: северное и южное. Первое занимало основную часть и имело длину около 8 м, глубину 1,2 м. В центре размещалось два очага. Первый, расположенный ближе к северной стене, сильно разрушен. От него сохранилась овальная куча

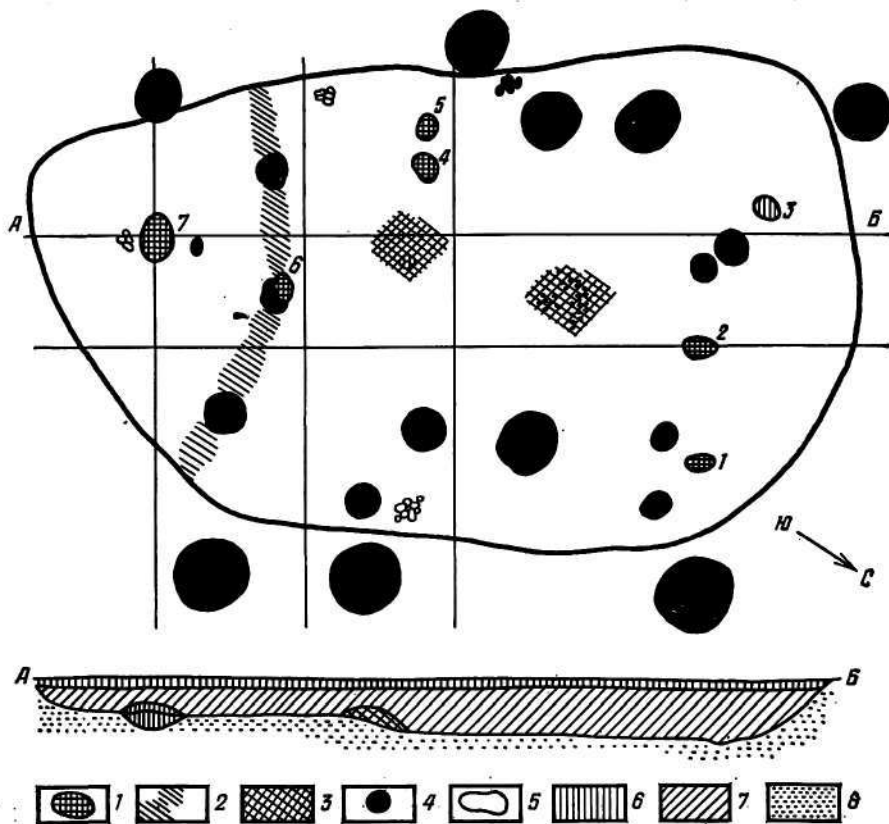

Рис. 28. План и разрез культовой постройки II:

1 — погребения с кальцинированными костями; 2 — остатки сгоревшего дерева; 3 — очаги; 4 — ямы от столбов; 5 — контур постройки; 6 — гумус; 7 — серый песок; 8 — светлый материковый песок.

зола размерами $1 \times 0,8$ м, мощность зольного заполнения в центре была 0,15 м. В золе встречено большое количество мелких бесформенных кусков печины.

Второй очаг расположен в 2 м южнее первого. Он еще менее выразителен и представляет собой небольшое скопление зола, занимающую площадь 40×45 см. Зола светлого цвета, почти белая, плотно сцементированная. В ней обнаружены несколько фрагментов тонкостенного чернолощеного сосуда.

Особый интерес представляют обнаруженные под полом этого

помещения погребения кальцинированных костей животных. Таких погребений здесь обнаружено шесть: три (1, 2, 3) расположены вдоль северо-восточной стены, на расстоянии 1,5—2 м от нее; два (4, 5) — рядом друг с другом у восточной стены; одно (6) — возле перегородки, отделяющей большое (северное) помещение от малого (южного) (рис. 28).

Погребение 1. Обнаружено уже после того, как была счищена темная корка, покрывающая пол. В плане оно выглядело овальным пятном, вытянутым с северо-востока на юго-запад на 24 см. Ширина пятна 18 см. Погребение имело грушевидную форму с наиболее глубоким подбоем в западной стенке и корытообразное дно. Диаметр в наиболее расширенной части достигал 36 см. Глубина ямки от пола 32 см. Стенки и дно покрыты черной коркой, толщиной около 0,5 см. Не исключено, что они обмазывались глиной. Заполнение состояло из углистого песка, перемешанного с золой и кальцинированными косточками.

Погребение 2. В плане имело овальную форму, его размеры в верхней части: 30 × 20 см. Яма имела грушевидную форму с диаметром в наиболее широкой части 35 см. Глубина от пола 30 см. Заполнение — черный сажистый песок, на дне — зола и мелкие кальцинированные кости.

Погребение 3. Устье ямы имело овальную форму, размерами 32 × 24 см, форма — грушевидная; наиболее глубокий подбой в северной стенке. Диаметр наиболее широкой части ямы 38 см, глубина от уровня пола 28 см. Заполнение — сажистая земля, зола и мелкие кальцинированные кости.

Погребение 4. Яма грушевидной формы, устье ее овальное, размерами 0,25 × 0,22 м. Наиболее глубокий подбой в восточной стенке. В самой широкой части диаметр погребения 0,4 м, глубина ямы от уровня пола 0,35 м. Заполнение — большое количество кальцинированных (очень мелких) костей, зола и сажистый песок.

Погребение 5. В плане имело почти округлую форму, размерами 26 × 30 см, с небольшими равномерными подбоями во все стороны. Глубина от поверхности пола 0,35 м. Заполнение — сажистый песок и небольшое количество кальцинированных костей.

Погребение 6. Устье почти округлое, размерами 0,25 × 0,24 м. Форма ямки — грушевидная с особенно глубоким подбоем в западной стенке. Диаметр наиболее расширенной части 0,3 м, глубина от уровня пола 0,28 м. Заполнение такое же, как и в других погребальных ямках — сажистый жирный песок, зола и мелкие кальцинированные кости.

Южное помещение было отгорожено от северо-восточного перегородкой, от которой сохранилась темная полоса, шириной 15—25 см, соединяющая продольные стены, и три ямки от столбов, на которых эта перегородка крепилась. Небольшое помещение имело своеобразную треугольную форму. Его размеры: 4,2 × 3,7 м, глубина в центральной части 0,7, у стен и у южного угла — 0,5 м. В центре помещения было обнаружено сооружение, которое можно рассматривать как жертвенник*.

* На рис. 28 жертвенник обозначен цифрой 7.

На небольшом возвышении из глины устроена выемка, похожая на блюдо. Углубление имеет правильную круглую форму, ровные, несколько сужающиеся книзу, стенки и плоское дно, диаметр его — 0,55 м. Стенки и дно яркокирпичного цвета, были обмазаны глиной. Находящаяся в углублении зола, холмиком возвышающаяся над краями жертвенника, представляет собой плотную, сцементированную какой-то жидкостью массу, которую приходилось выбирать по маленьким кусочкам. Зола светло-серого почти белого цвета отличалась мягкой, мелкозернистой структурой.

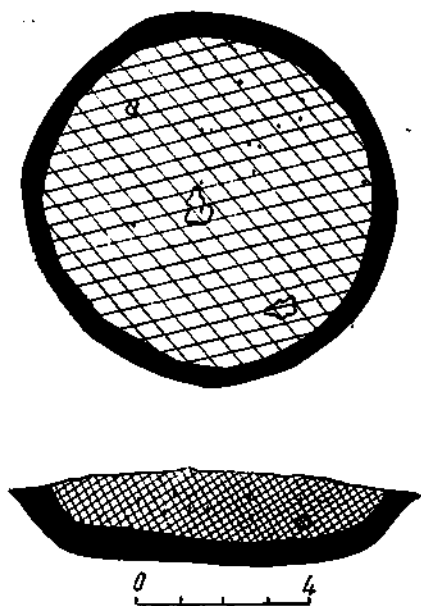

Рис. 29. Жертвенник в культовой постройке II.

Рядом с жертвенником лежал небольшой камень с зашлифованными сторонами и обломки от сосуда баночной формы (рис. 29). Пол вокруг жертвенника был обожжен и содержал вкрапления мелких угольков.

В расположении столбовых ям, позволяющих говорить об устройстве стен и крыши культовой постройки II, также много необычного. Прежде всего это проявилось в том, что столбовые ямы располагались не внутри помещения, как в других постройках, а с наружной стороны. Три ямы (№ 6, 7) размещены вдоль восточной стены, три (№ 1, 9, 10) — симметрично располагались вдоль западной. В плане они имели круглую форму диаметром от 0,8 до 1 м, глубиной от 0,3 до 0,4 м.

В ямах, обнаруженных внутри постройки, трудно уловить какую-либо систему. Расположенные попарно ямы

(№ 7, 8, 12, 14), диаметром 0,6 и 0,7 м, проходили по центру жилища. Их глубина колебалась от 0,6 до 0,8 м. Вероятно, столбы, стоявшие в этих глубоких ямах, предназначались для крепления кровли.

В северо-западном конце помещения располагались полукругом еще четыре ямки (№ 2—5). Их диаметр 0,25—0,3 м, глубина 0,5—0,7 м. Не исключено, что здесь также была перегородка, отделяющая северо-восточный угол от остального помещения.

Находок в помещении обнаружено мало. Развал тюльпановидного сосуда выявлен у западной стены. Развал второго чашевидного сосуда найден вблизи жертвенника. Возле стен постройки, главным образом в северо-восточном помещении, было встречено еще около двух десятков фрагментов от различных, преимущественно тонкостенных и подлощенных сосудов и обломков серпа. В целом характер и количество вещевого инвентаря существенно отличается от находок, обнаруженных в других жилых и хозяйственных постройках, а также в культовой постройке I. Отсутствие в помещении обычного культурного слоя,

типичных купольных очагов и хозяйственных ям так же существенно отличает его от других жилищ. С другой стороны, необычная пятиугольная форма помещения, наличие жертвенника, а также большое количество погребений с захоронениями кальцинированных костей дает основание предполагать, что помещение не было бытовым и предназначалось для культовых церемоний.

ПОГРЕБЕНИЯ
КАЛЬЦИНИРОВАННЫХ КОСТЕЙ
ПОД ПОЛАМИ ЖИЛИЩ
И КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Всего на поселении было обнаружено 12 таких погребений: 6 — в различных жилищах, 6 — в культовой постройке II. Следует отметить, что, по-видимому, далеко не все погребальные ямки описываемого типа, имевшиеся на поселении, уда-

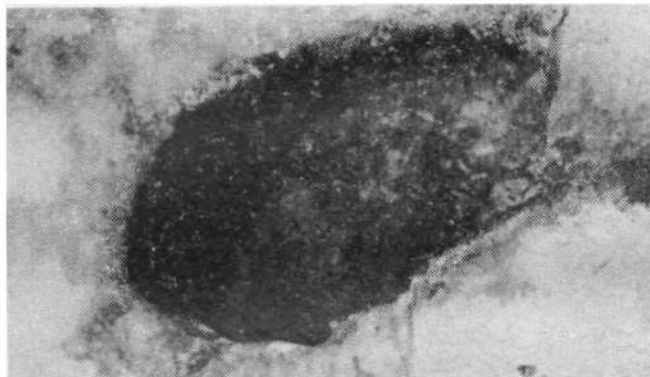

Рис. 30. Ямка с кальцинированными костями из жилища № 7.

лось обнаружить. Это объясняется тем, что выявление их представляло большие трудности, поскольку на полу жилищ они не прослеживались и были заметны лишь после подчистки пола и снятия с него плотной черной корки, образовавшейся в результате долголетнего вытаптывания. Но и после подчистки пола найти погребения было не легко, так как сверху они имели вид узких темных полос или пятен, каких после подчистки пола оставалось очень много. Правда, погребальные ямки имели более правильную форму и темную окраску, чем кротовины и ямы от корней.

Очевидно, их сооружение производилось в самом начале функционирования жилищ, возможно в момент его постройки, во всяком случае до образования на полу плотной корки, нарушения которой ни разу не было прослежено (рис. 30).

Выявленные погребения близки между собой по форме, размерам, устройству и заполнению (табл. 2). Семь погребений расположены возле очагов, остальные — более или менее в центральной части жилищ. Все без исключения погребальные ямки имеют одинаковую грушевид-

Таблица 2
Погребальные ямки из жилищ и культовой постройки II

Место находки	Расположение	Форма		Размеры устья, см	Глубина, см	Заполнение	Примечание
		В плане	В разрезе				
Жилище № 7	В 1 м к юго-востоку от очага	Овальная	Грушевидная	15×25	12	Кальцинированные кости, песок, зола	
Жилище № 8 (северо-восточное помещение)	В 1 м к югу от очага	»	»	40×20	50	»	Стенки обмазаны глиной
Жилище № 8 (юго-западное помещение)	Вблизи перегородки	»	»	45×30	40	»	Особенно большой подбой в юго-западной стене То же
Жилище № 10 (северное помещение)	В 0,4 м к северу от очага	»	»	25×10	30	»	
Жилище № 10 (северное помещение)	В 0,45 м к югу от очага	»	»	45×30	45	Кальцинированные кости, перемешанные с золой и песком	
Жилище № 10 (южное помещение)	В центре	»	»	40×30	45	То же	Наиболее глубокий подбой в северной стене
Культовая постройка II	В северном углу	»	»	24×18	32	Кальцинированные кости, зола, песок	Стенки и дно обмазаны глиной
»	В 1,5 м к северу от очага	»	»	30×20	30	То же	То же
»	В западном углу северного помещения	»	»	32×24	28	»	Подбой в северной стенке
»	В 1 м к западу от очага	»	»	0,25×0,22	35	»	

ную форму, со сравнительно узким горлом, расширенной средней частью и округлым, постепенно сужающимся дном. В одних ямках расширение средней части было одинаковым и равномерным во все стороны, в других — подбой был более глубоким в одну из сторон.

Устье почти всех погребальных ямок в плане имело овальную почти линзовидную форму. Лишь две из них, обнаруженные в культовой

постройке II, в плане были почти круглыми. Средние размеры устья ямок 30 × 20 см, диаметр наиболее расширенной части 30—35 см. Глубина погребений от уровня пола колеблется от 15 до 50 см, однако большинство из них углублены на 35—40 см. Стенки обычно хорошо заглажены, на многих прослежены следы обмазки глиной в виде тонкой (0,5 см) черного цвета, легко откалывающейся корочки.

Заполнение ямок состояло из золы, песка и кальцинированных костей. При этом в одних ямках все это находилось в перемешанном виде, в других составляло два слоя: нижний, преимущественно из золы и кальцинированных костей, и верхний — из песка, перемешанного с небольшим количеством костей.

Кальцинированные кости сильно измельчены и определению почти не поддаются. Удалось определить лишь несколько костей и зубов, принадлежащих крупному и мелкому рогатому скоту. Зола, с которой кости были перемешаны, имела светло-серый, почти белый цвет и мягкую мелкозернистую структуру, напоминающую золу, обнаруженную на жертвеннике в культовом помещении II.

Песок, составляющий основную часть заполнения, — углисто-черного цвета, пронизанный мельчайшими чешуйками угля, имеет очень своеобразный, так называемый жирный блеск. Только в одной из погребальных ямок выявлено несколько мелких фрагментов керамики. Обнаруженная в ней характерная примесь крупных зерен толченого гранита свидетельствует о том, что она не отличается от остальной посуды (рис. 31).

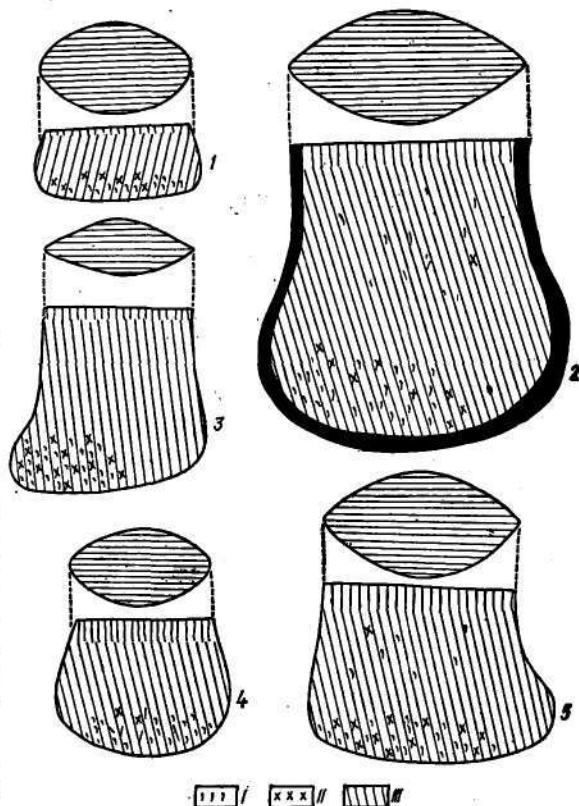

Рис. 31. Погребальные ямки с кальцинированными костями:

1 — жилище № 7; 2 — жилище № 8; 3, 4 — жилище № 10; 5 — жилище № 3. I — кальцинированные кости; II — угли; III — зола.

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТА В УСТРОЙСТВЕ ОЧАГОВ

В большинстве случаев очаги в жилищах сохранились плохо. Поэтому не исключено, что какие-то детали их устройства, связанные с культом, остались неустановленными. Но и то, что удалось проследить, представляет несомненный интерес в этом плане.

При расчистке почти всех очагов (имеются в виду только купольные очаги — печи) были обнаружены предметы, закопанные в землю под очагами еще до сооружения последних. Так, были найдены миниатюрные сосуды, в жилищах № 3, 9, 10 — по два, в остальных (№ 4—8) — по одному. Иногда наряду с целыми (обычно миниатюрными) сосудами встречались обломки крупных экземпляров, в виде отдельных фрагментов или скоплений (жилище № 4). В жилище № 6 кроме миниатюрного сосуда были найдены обломки еще от двух раздавленных сосудов средних размеров.

Почти во всех случаях сосуды обнаружены ниже пода, в небольших ямках, размещенных примерно под центром очага. Иногда сосудики оказывались целыми, чаще — раздавленными. В двух случаях удалось проследить, что они поставлены вверх дном. Кроме сосудов под очаги клались зернотерки, пряслица, глиняные ложки и другие предметы. Так, под очагом в жилище № 10 были найдены: миниатюрные сосуды, обломок глиняной ложки и три пряслица. Своеобразно выглядела картина жертвоприношения перед сооружением очага в жилище № 9. Здесь, ниже пода, в довольно большой овальной ямке лежал череп собаки, несколько лопаток быка, зернотерка, два миниатюрных сосуда и обломок крупной глиняной «лепешки» с пятью вмятинами.

Кости животных, в частности их челюсти, были встречены под очагами и в других жилищах. Например, в жилище № 5 в ямке под очагом лежала нижняя челюсть быка и кучка кальцинированных костей.

При описании жилищ упоминалось, что возле многих очагов располагались глиняные вымостки. Они имеют различную величину, форму и устройство. Назначение их, по-видимому, было неодинаковым. Так, если большие (длиной до 2 м) вымостки могли служить для хозяйственных или бытовых нужд, то маленькие круглые глиняные площадки, обмазанные глиной и расположенные непосредственно вблизи очагов, могли предназначаться для каких-то культовых целей. Например, в жилище № 5 рядом с очагом (с юго-восточной стороны от него) находилась небольшая вымостка округлой формы, покрытая плотным слоем необожженной глины. На ней лежали два целых глиняных валька яйцевидной формы. Близкая картина наблюдалась в жилище № 7: рядом с очагом располагалась глиняная вымостка овальной формы, выложенная из вальков и крупных обломков керамики. В южном помещении жилища № 6 рядом с очагом было обнаружено небольшое углубление конической формы, заполненное золой, углями, кальцинированными костями животных и небольшим количеством керамики. По всем призна-

кам эта ямка не имела хозяйственного назначения. О том, что большая часть погребальных ямок с кальцинированными костями так же находилась вблизи очагов и, безусловно, связана с ними, упоминалось выше.

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Среди вещей, обнаруженных на поселении, к культовым предметам с большим или меньшим основанием могут быть отнесены миниатюрные сосуды, своеобразные глиняные светильники, глиняные шары, возможно некоторые пряслица.

Около двух десятков миниатюрных сосудов в большинстве обнаружены под очагами, что дает основание связывать их с определенными культовыми церемониями. Культовое назначение миниатюрных сосудов подтверждается и тем, что обычно они встречаются при погребениях и в зольниках.

По технологическим признакам миниатюрные сосуды делятся на две группы. Одни из них изготовлены из глины, того же качества, что и вся остальная керамика, и содержат одинаковую с ними примесь толченого гранита. Вторые — сделаны из хорошо отмученной глины, не содержащей примесей вообще.

По форме миниатюрные сосуды довольно однообразны; чаще всего это баночные сосуды, иногда несколько приближающиеся к тюльпановидным благодаря выделенным днищу и горловине. Несколько сосудов имеют форму конических или полусферических мисочек, которые среди обычной керамики почти не встречаются.

Почти все миниатюрные сосуды имеют толстые днища и стенки; большинство изготовлены грубо, небрежно и почти никогда не орнаментированы. Однако встречены экземпляры (например, из жилищ № 6, 9), сделанные чрезвычайно тщательно и, кроме того, орнаментированные сложным узором (см. рис. 37, 1—4,7).

Вторую группу предметов, которые, по-видимому, могут быть связаны с культом, составляют восемь своеобразных глиняных лепешек или дисков. Три целых, остальные фрагментированные. Существенны условия, в которых они были встречены: пять экземпляров найдено сразу же за пределами жилища № 8. Сложенные один на другом они лежали в ямке диаметром около 0,3 м, очевидно, прямо перед входом. Шестой диск был обнаружен под очагом в жилище № 9, седьмой — вблизи очага в жилище № 6. Местонахождение восьмого не установлено.

Диски изготовлены из обычной глины с примесью крупных зерен толченого гранита. Они равномерно и хорошо обожжены, форма и размеры их близки между собой, однако не абсолютно аналогичны. Одна сторона дисков плоская, вторая чуть выпуклая и тщательно заглажена; первая более шероховата и часто имеет следы дополнительного обжига. Диаметр дисков, правильной круглой формы, колеблется между 10—13 см, толщина от 1,5 до 2 см. На плоской стороне дисков нанесено четыре или пять круглых ямок, одна в центре, остальные по краям. Центральное углубление обычно сквозное, а расположенные по краям

представляют собой вмятины глубиной около 1—1,2 см. Диаметр вмятин 0,7—0,8 см. Стенки сквозного отверстия и вмятин ровные, хорошо заглаженные (см. рис. 43, 1, 2).

Ближайшую аналогию описанным дискам составляют два глиняных изделия, обнаруженные на поселении вблизи с. Нещеров Киевской области. Они найдены на поверхности распаханного культурного слоя вместе с обломками керамики и представляют интерес в плане возможности установления культурно-хронологической связи Пустынки с памятниками лебедовского типа, к которому относится поселение Нещеров (см. рис. 43, 3). Аналогичное или во всяком случае очень близкое изделие обнаружено М. Ф. Заверняевым на Почапском селище, в наземном сооружении, которое автор трактует как культовую постройку. В центре ее помещалось разрушенное сооружение из глины — судя по описанию, жертвенник или алтарь. Оно представляло собой площадку вытянутой овальной формы (размерами 0,8 × 0,5 м), сложенную из слабо обожженных глиняных кирпичиков. В центре жертвенника помещался «круглый лепешковидный блок с несколькими углублениями, сделанными по сырой глине»². Близкие по форме изделия, правда несколько меньших размеров, известны на Юхновских городищах, где их связывают также с предметами культового назначения.

Описанные глиняные диски находят аналогии и в более отдаленных местах. Похожие изделия, изготовленные из глины, кости и бронзы, обнаружены в Микенах и Какватосе. Назначение этих изделий долгое время оставалось неясным. В статье Б. Алана и Дж. Уэйса «Микенская загадка»³ приведено описание и изображение нескольких предметов, удивительно похожих на глиняные диски из Пустынки. Один из таких предметов, изготовленный из бронзы, был найден в погребальной камере. Его диаметр 13,5 см, толщина 3,5 см. Он состоит из двух вогнутых дисков, соединенных между собой стерженьками. В центре обоих дисков симметрично расположено круглое отверстие. Близкие по форме и размерам изделия обнаружены в Микенах, в так называемом доме Щитов. Они изготовлены из кости и представляли собой диски с четырьмя углублениями по краям и сквозным отверстием в центре. Еще несколько обломков таких же изделий были найдены возле стены Микенской крепости. Особенно важно, что они оказались изготовленными из обожженной глины. Их диаметр около 6 см, поверхности обожжены и заполированы до блеска. Экземпляр, обнаруженный в Какватосе (в работе не указывается материал, из которого он изготовлен) близок к Микенским и по размерам, и по форме. Авторы отмечают, что такие предметы встречаются довольно часто. Только в Микенах найдены диски, изготовленные из бронзы, кости и глины. Было высказано предположение, что диски насаживались на ножки, входящие в углубления, и образовывали таким образом своеобразный подсвечник. Центральное сквозное отверстие могло предназначаться для крепления лучины или

² М. Ф. Заверняев. Памятники эпохи бронзы в бассейне Верхней Десны.— СА, I, 1964, стр. 149—151.

³ В. Алан, Дж. В. Уэсс. Mycenaean Mystery.— Archeology, 1960, v. 13, № 1. London, стр. 40—44.

свечи. Глиняные диски из Пустынки, найденные возле очагов и при входе в жилище, не противоречат такой интерпретации. Вопрос о прямом назначении этих изделий представляется в данном случае не столь существенным. Важно другое — несомненная близость этих изделий, отражающих, по-видимому, какую-то общую идею, связанную с культом огня или очага.

На поселении найдено довольно большое количество пряслиц различных форм и величины. В основном прясла применялись в ткачестве. Однако в археологической литературе довольно широко распространено мнение о том, что в пряслицах, и особенно в их орнаменте, получили отражения представления, связанные с солярным культом⁴. Подтверждением культового назначения некоторых пряслиц является то, что значительная их часть обнаружена в Пустынке на площади могильника и под очагами. Показательно также, что именно эти экземпляры украшены наиболее богатым и разнообразным орнаментом.

МОГИЛЬНИК

Во время раскопок поселения было приложено много усилий для того, чтобы обнаружить могильник. Поиски почти не дали положительных результатов. Лишь в одном месте удалось выявить его следы, однако он оказался почти совершенно разрушенным и исследование дало немного для характеристики погребального обряда.

В 1 км к северо-востоку от поселения среди поймы возвышается большая песчаная дюна. В настоящее время ее высота над лугом более 3 м, размеры 200 × 150 м. Дюна уже много лет раздувается, в результате чего вся центральная часть возвышенности развеяна и на ее месте образовалась огромная глубокая воронка. Песок переместился и мощным слоем засыпал склоны. При многократных обследованиях возвышенности, зачистках склонов воронки и шурфовке сохранившихся участков могильника обнаружить так и не удалось. На всей площади дюны (на разных уровнях) встречались разбросанные мелкие кальцинированные косточки и окатанные фрагменты керамики. Кроме того, обнаружено более 10 пряслиц, множество различных мелких кремневых изделий: наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины, а также отщепы кремня и обломки камня. Многие из них обожжены.

В нескольких местах кальцинированные кости и обломки керамики образовывали небольшие, но четко локализованные скопления, занимавшие площадь 1,5—2 м². Возможно, что это и были места захоронений. Однако не исключено, что скопления возникли искусственно, в более поздний период, во время перемещения песка. Среди керамики — характерные для поселения типы сосудов с преобладанием тюльпановидных горшков с обычными для поселения системой и манерой орна-

⁴ В. Г. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси.— СА, 1960, № 4, стр. 64; О. Н. Мельникова. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 116—120.

ментации. Особенно много встречено обломков от сосудов, украшенных наколами под венчиком, прочерченными треугольниками, наклепным валиком и так называемой колючей проволокой. Инвентарь, и в первую очередь керамика, составляющая полную аналогию с керамикой Пустынки, дает основания предполагать, что урочище какое-то время являлось могильником поселения.

Описанный выше комплекс культовых построек и сооружений, относящийся к эпохе бронзы, на территории Украины встречен впервые. Аналогии ему почти не известны и на соседних территориях. Поэтому сопоставление с другими материалами представляет значительные трудности. Учитывая исключительно слабую изученность культовых объектов эпохи бронзы на территории Лесостепной Украины и отсутствие каких-либо сводок, посвященных этому вопросу, представляется оправданным и целесообразным привлечение материалов более широкой территории. Как и при характеристике домостроительства, поиски аналогий следует вести в двух направлениях: среди памятников эпохи бронзы, принадлежащих племенам, живущим в сходных природно-географических условиях и относящимся к одной исторической области, и среди памятников, культурно и генетически связанных с поселением типа Пустынка в предшествующее ему более позднее время. В этой хронологической цепи наиболее перспективным является анализ памятников таких сравнительно хорошо исследованных культур, как трипольская, белогрудовско-чернолесская и лесостепная-скифская.

Разделить по назначению немногие известные пока культовые сооружения не удастся. На территории Лесостепной Украины наиболее древние культовые постройки встречены на поселениях трипольской культуры⁵. Особенно интересно святилище, раскопанное на раннетрипольском поселении Сабатиновка II. Это глинобитная постройка прямоугольных очертаний, помещения которой предназначались для различных культовых церемоний⁶. Специальные помещения или места в жилищах, явно предназначенные для совершения культовых церемоний, встречены и на позднетрипольских поселениях. О них пишут многие исследователи трипольской культуры. Особенно интересны сведения, сообщаемые Т. Г. Мовшей при описании поселения Солончены II. В большом, многокамерном жилище имелась особая камера (№ 3), по своему устройству и заполнению значительно отличающаяся от других и, по наблюдениям автора раскопок, предназначенная для культовых целей. В ее восточном углу находился жертвенник. Культовые постройки иного типа были обнаружены Е. Ф. Лагодовской на Усатовском поселении⁷. Одна из них представляет собой удлиненное коридорообразное углубление, облицованное плитами наподобие мегалитических сооружений. Второе — име-

⁵ Т. Г. Мовша. Святилища трипольской культуры.— СА, № 1, 1971, стр. 201—205.

⁶ М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях у трипольских племен.— ЗОЛО, № 1 (34). Одесса, 1960, стр. 291, рис. 1.

⁷ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України.— Вісник АН УРСР, 1967, № 6, стр. 48—49.

ло вид небольшой наземной постройки с жертвенником в центре в образе бычьей головы. Третье, по мнению Е. Ф. Лагодовской, связанное с культом богини матери, занимало часть прямоугольной постройки, заполненной большим количеством разбитых женских статуэток и костями животных⁸.

О том, что в трипольской культуре существовали культовые сооружения под открытым небом свидетельствуют раскопки на поселении в Цвикловцах. Они размещались вдали от жилищ и представляли собой несколько ям, обмазанных глиной и заполненных золой, обожженным зерном (пшеницей) и обломками сосудов-зерновиков⁹.

О культовых постройках последующего периода — времени культур шнуровой керамики — ничего не известно, что в первую очередь объясняется слабой изученностью относящихся к ним поселений. По этой же причине данные о культовых сооружениях тшинцевкой и комаровской культур практически ограничиваются данными раскопок Пустынки. Кроме того, следует назвать культовую постройку, раскопанную Ф. М. Заверняевым на Почапском поселении, близком Пустынке и по времени и по культуре. Из краткого описания видно, что она представляла собой небольшую наземную постройку с жертвенником в центре¹⁰.

Значительно больше сведений о сооружениях, связанных с культом, известно для более позднего времени — белогрудовской, чернолеской и раннескифской культур, многие поселения и городища которых раскапывались на больших площадях. К ним прежде всего относятся зольники белогрудовского типа. Их культовое назначение признается в настоящее время почти всеми, кому приходилось проводить их исследование (М. И. Артамонов¹¹, А. И. Мелюкова¹², Г. И. Смирнова¹³, Б. А. Шрамко¹⁴, С. С. Березанская¹⁵). Белогрудовские зольники представляют собой невысокие курганообразные насыпи, состоящие из большого количества золы, костей животных, обломков керамики и множества votивных предметов: миниатюрных сосудов, глиняных фигурок животных, лепешек, хлебцев, зерен пшеницы и т. п. В их основании, а также между прослойками золы часто встречаются жертвенники, кострища, скелеты и черепа животных, изредка скелеты людей. Ряд исследовате-

⁸ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України, стр. 48, 49.

⁹ Т. Г. Мовша. Трипільське поховання в с. Цвіклівці.— Археологія, т. XVI. К., 1964, стр. 213—222.

¹⁰ Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи бронзы в бассейне Верхней Десны.—СА, I, 1964, стр. 149—151.

¹¹ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Подолии.— ВЛУ, № 12. Л., 1947, стр. 134.

¹² А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в Лесостепной Молдавии.— МИА, № 96, стр. 14, 15.

¹³ Г. И. Смирнова. Западноукраинская археологическая экспедиция в 1957 г.— СГЭ, вып. XV, стр. 63.

¹⁴ Б. А. Шрамко. Следы земледельческой культуры у лесостепных племен Причерноморья.— СА, № 1, 1957, стр. 186, 187.

¹⁵ С. С. Березанська. Нове джерело до розуміння білогрудівських зольників.— Археологія, т. XXIII.

лей считают, что в момент функционирования зольники были защищены кровлей, а возможно и легкими стенами, предохранявшими золу от выветривания и размывания.

В результате раскопок на Днестре, в Молдавии, на Северском Донце, Суле и других местах выяснилось, что белогрудовские зольники не являются локальным явлением, связанным только с Уманщиной и характеризующим короткий хронологический период. Они были распространены на большой территории Лесостепной Украины и охватывали период от XII—XI до II—I вв. до н. э., то есть почти тысячелетие. В своей основе белогрудовские зольники, безусловно, связаны с другим кругом культовых сооружений, известных в северных районах СССР и получивших название костниц. Эти памятники резко отличаются от поселений и могильников и называются так потому, что содержат большое количество пережженных костей животных и различные культовые предметы. Костища, как и зольники, иногда расположены вблизи жилищ, чаще же в уединенных урочищах. Типичным примером таких сооружений могут служить не раз описанные в литературе костища среднего Урала, например Гляденовское¹⁶. При бесспорном сходстве костниц и белогрудовских зольников Украины последние имеют ряд особенностей, продиктованных тем, что они являются памятниками иного времени, иной исторической среды и отражают другие природные условия и другую хозяйственную жизнь.

Обычай ссыпать золу в одно место, связанный с культом огня и домашнего очага, широко распространен у многих народов Восточной Европы. Изучение белогрудовских зольников, и особенно зольников раннескифского времени, позволило Б. А. Шрамко убедительно показать их связь с земледельческим культом¹⁷.

Кроме зольников на поселениях раннего железного века Лесостепной Украины обнаружены и другие культовые сооружения, внешне мало чем отличающиеся от Пустынковских. Остатки двух культовых построек были открыты Е. Ф. Покровской на Жаботинском поселении. Они представляли собой легкие наземные глинобитные сооружения с хорошо обожженным полом. В центре одного из них находился глиняный жертвенник¹⁸. В работе, посвященной Жаботинскому культовому сооружению, Е. Ф. Покровская приводит для него ряд аналогий — сооружения обнаруженные на Пастырском и Матронинском городищах. Она пишет: «представляется несомненным, что на протяжении скифского времени в лесостепных районах существовали специальные культовые места, где совершались жертвоприношения и другие обряды, связанные с земледельческим культом»¹⁹. Подтверждением этому является культовая постройка, открытая Г. Т. Ковпаненко на Трахтеми-

¹⁶ Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское кострище.— Труды Пермской ученой комиссии, т. II, 1914.

¹⁷ Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 197.

¹⁸ Е. Ф. Покровская. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин.— КСИА, вып. 12. К., 1962, стр. 73—79.

¹⁹ Там же, стр. 78, 79.

ровском городище раннескифского времени²⁰. Внешне она ничем не отличалась от остальных жилищ и представляла собой небольшую полуземлянку прямоугольных очертаний. Внутри, в юго-западном углу хорошо сохранился жертвенник, вокруг которого, а также вдоль стен было обнаружено несколько сосудов, форма и орнаментация которых не оставляет сомнений в их культовом назначении.

Назовем еще несколько более отдаленных культовых сооружений, интересных тем, что они относятся к культурам, близким по времени и расположенным в сходных с Пустынкой физико-географических условиях.

При раскопках Горошковского городища милоградской культуры О. Н. Мельниковская обнаружила две постройки, которые она считает культовыми. От жилищ они отличались несколько иными пропорциями, но главное — заполнением. В центре одной из построек, на обожженном участке пола, были обнаружены обломки костей человека, охра и большое количество votивных предметов: фигурки животных, грузики, костяной амулет²¹. Своеобразное культовое сооружение описывает К. В. Сальников при характеристике поселения абашевской культуры в Мало-Казильске²². От него сохранились врезанная в грунт площадка (возможно, основание наземного жилища), ряд кострищ, захоронение человека и большое количество кальцинированных костей животных. Близкое к нему по устройству культовое сооружение выявлено на Алексеевском поселении андроновской культуры. Оно располагалось в центральной части поселения на наиболее возвышенном участке и представляло собой наземную постройку, от которой сохранились ямы с пережженными костями животных и пшеницей. Под полом постройки обнаружены захоронения животных²³.

Несколько культовых сооружений, известных у племен срубной культуры, связаны с культом мертвых и внешне значительно отличаются от описанных выше построек. В первую очередь следует назвать сооружения I и II, относящиеся к Камышевахскому кургану²⁴, и близкое им по плану и устройству сооружение, исследованное Н. Я. Мерпертом возле кургана у с. Кайбел в Ульяновском Поволжье²⁵.

Краткое описание культовых построек, III—I тысячелетия до н. э., известных в настоящее время на Украине и соседних территориях, убедительно свидетельствует об их многочисленности. Поэтому существующее в археологической литературе мнение будто бы культовые построй-

²⁰ Г. Т. Ковпаненко. Раскопки Трахтемировского городища.— Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., стр. 103, 104.

²¹ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 150.

²² К. В. Сальников. Очерк древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 94—97.

²³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 71—75.

²⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде.— Труды XIII АС, т. I, 1907, стр. 134.

²⁵ Н. Я. Мерперт. Из древней истории Среднего Поволжья.— МИА, № 61, стр. 90, 91 и 118.

ки встречаются чрезвычайно редко и лишь на некоторых поселениях, не совсем верно. Кроме того, из-за их малочисленности возникло ошибочное мнение о существовании в эпоху энеолита-бронзы каких-то особых религиозных центров, где якобы только и можно встретить культовые сооружения²⁶. Напротив, факты дают основания полагать, что буквально на каждом поселении существовало специально отведенное место, сооружение или во всяком случае какая-нибудь постройка, где совершались культовые церемонии. То обстоятельство, что таких построек открыто пока сравнительно мало и еще меньше исследовано, объясняется слабой изученностью самих поселений. Это подтверждается тем, что почти на всех поселениях или городищах, раскопанных на сколько-нибудь широкой площади, были встречены следы культовых сооружений. Отсутствие таковых на поселениях, раскопки которых ограничиваются одним-двумя жилищами, едва ли может вызвать удивление или служить доказательством редкости культовых построек.

Если сведения о культовых постройках еще настолько фрагментарны, что не дают возможности составить ясного представления ни об их устройстве, ни об их практическом назначении и безусловно существующей дифференциации, то сведения о жертвенниках несколько полнее. Жертвенники, встречающиеся не только в специальных культовых постройках, но и просто во многих жилищах, до некоторой степени позволяют определить круг аналогий особенно близких Пустынковскому жертвеннику. Довольно хорошо известно устройство трипольских жертвенников, встреченных во многих жилищах. В большинстве случаев они расположены вблизи очагов и представляют собой сооруженные из глины возвышения округлой, квадратной и крестообразной форм. На некоторых из них имеются украшения в виде вдавленных концентрических кругов, иногда они сохраняют следы окраски²⁷. Жертвенник, обнаруженный на Усатовском поселении, имел форму бычьей головы, размерами в поперечнике около 1 м, выбитой на известняке. Своеобразие этого жертвенника объясняется, по-видимому, каким-то иным назначением культового сооружения, в котором он был обнаружен. Жертвенники, более близкие по времени к Пустынке, обнаружены во многих зольниках позднего бронзового века. Так, в одном из зольников, исследованных А. И. Мелюковой у с. Гендешты в Лесостепной Молдавии, был выявлен жертвенник, представляющий собой круглую вымостку из плитчатых камней, диаметром 2,5 м. Плиты были покрыты тонким слоем глиняной обмазки и обожжены²⁸.

Интересен жертвенник, найденный в основании большого Адамовского зольника. Круглая площадка диаметром 15 м была окружена глиняным кольцом (толщиной 7—10 см), ширина которого колебалась от 2,5 до 3 м. В южном секторе помещался очаг. Внутри кольца и на нем обнаружено большое количество целых скелетов, черепов и костей

²⁶ О. Ф. Лагодовська. Указ. соч., стр. 48, 49.

²⁷ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10, 1949, стр. 83—89.

²⁸ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 9.

различных домашних животных²⁹. Особенно много данных об устройстве жертвенников имеется для лесостепных племен Правобережной и Левобережной Украины в раннескифское время. Они мало чем отличаются друг от друга и в целом похожи на жертвенники из Пустынки.

На Жаботинском поселении жертвенник размещался в центре культовой постройки. На небольшом возвышении из глины был изображен круг (диаметром 1,35 м), орнаментированный шестью концентрическими поясами. Е. Ф. Покровская в качестве аналогии приводит описание еще нескольких жертвенников из Бельского, Пастырского и Большого Скифского городищ. Во всех случаях это были небольшие глиняные возвышения (диаметром от 1 до 1,5 м) с чашеобразным углублением в центре, всегда сильно обожженным и заполненным золой³⁰.

Примерно к этому же времени относится жертвенник, исследованный Б. А. Шрамко на городище Караван. Он находился рядом с зольником и частично перекрывался им. По форме жертвенник напоминал большую тарелку овальной формы (размерами 1,5 × 1,15 м). На докрасна обожженной глине, из которой он был сооружен, хорошо сохранились следы многократной обмазки. К жертвеннику вела дорожка, выложенная из песчаниковых камней³¹.

Немного по-другому устроен жертвенник, выявленный И. И. Ляпушкиным на поселении Пожарная Балка³². Это была неглубокая яма (0,5 м) овальной формы, диаметром чуть больше 3 м. На дне ее находился очаг, поверх которого лежали скелет собаки и фрагмент от сосуда. Перед очагом размещались небольшое зольное возвышение, череп лошади и несколько лошадиных костей.

Несмотря на некоторые различия, все жертвенники, известные на территории Лесостепной Украины, близки по своему характеру. Общим, кроме формы и материалов, является то, что почва вокруг них всегда обожжена, насыщена золой, угольками, обугленными зернами, кальцинированными костями животных. Обязательными элементами, присутствующими во всех жертвенниках, являются: а) круглая форма; б) чашеобразное углубление, в котором долгое время горел огонь; в) следы жертвоприношений в виде костей животных, разбитой посуды, обугленных зерен и т. п.

Своеобразную черту Пустынковского поселения составляют погребения кальцинированных костей, обнаруженные под полом многих жилищ и культовой постройки II. Прямых аналогий в близких по времени памятниках Украины не известно. Создается впечатление, что в смысловом плане этот своеобразный ритуал, встреченный на Пустынковском поселении, связан с обычаем совершать какие-то культовые церемонии на месте постройки, скорее всего, в момент ее закладки. Некоторые созвучные материалы можно найти на тех же трипольских поселениях.

²⁹ С. С. Березанська. Нове джерело до розуміння білогрудівських зольників.— *Археологія*, т. XXIII, 1970.

³⁰ Е. Ф. Покровская. Указ. соч., стр. 79—81.

³¹ Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа..., стр. 178—198.

³² И. И. Ляпушкин. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа.— *МИА*, № 104, 1961, стр. 102—110.

Так, например, на поселении Поливанов Яр, в землянке № 2 под полом была обнаружена яма, заполненная золистой землей. В ней найдены кухонный горшок с челюстью быка, рядом лежали другие кости быка и мужская статуэтка. Т. С. Пассек считает эту яму ритуальной³³. Близкая картина прослежена при раскопках на трипольском поселении Солончены II, где в одной из камер под полом вблизи очага найдено скопление пережженных рогов быка. Об их ритуальном захоронении свидетельствует, в частности, тот факт, что рядом с ними выявлены два миниатюрных сосудика. В другой камере под полом, в специальном углублении стояла миска с костями быка. Комментируя эти находки, Т. Г. Мовша пишет, что пережженные кости животных в сосудах или отдельные скопления постоянно встречаются в жилищах, особенно вблизи очагов — в местах, считавшихся у трипольцев священными³⁴. С обычаем захоронения кальцинированных костей в жилищах, встреченных в Пустынке, возможно, могут быть сопоставлены обнаруженные на Борисовском поселении под полом одной из землянок ямки, облицованные камнем и заполненные песком, угольками и костями животных³⁵. О существовании в эпоху бронзы обычая совершения каких-то культовых церемоний при закладке жилищ и, вероятно, поселений свидетельствуют материалы Алексеевского поселения. Здесь, в нескольких землянках уже после подчистки пола были обнаружены овальные в плане ямки диаметром 40—50 см, глубиной 20—25 см. Некоторые из них были облицованы камнем. Несколько ям, перекрытых культурным слоем (что свидетельствует об их возникновении до существования поселения), были обнаружены на этом же поселении вне жилищ. На дне ям стояло по горшку, закрытому крупными черепками, внутри находились кости животных³⁶. Интересную аналогию Пустынке, близкую по существу, хотя и довольно далекую по времени, составляют ямки под полом жилищ, обнаруженные И. И. Ляпушкиным на Дону во время раскопок Карнауховского поселения VII—V вв. до н. э.³⁷ Описывая одно из жилищ И. И. Ляпушкин пишет, что в нем под полом было обнаружено три грушевидные ямки (диаметр верха 0,4 м, диаметр низа около 1, глубина 0,3—0,5 м). Стенки ям обожжены; они заполнены золой и явно не предназначались для хозяйственных целей. И. И. Ляпушкин пишет, что ямы (он называет их погребениями) близки обнаруженным на Троицком городище VIII—X вв. н. э., где в жилище № 2 в полу были выкопаны две ямы размерами 0,6 × 0,7 м, глубиной около 0,8 м. В одной из них находились пережженные кости животных, куски глины и зола. Вторая яма имела прямоугольную форму и была заполнена золой, включающей мелкие кальцинированные кости животных³⁸.

³³ Т. С. Пассек. Итоги работ Трипольской экспедиции.—КСИИМК, вып. XII.

³⁴ Т. Н. Мовша. Трипольское жилище на поселении Солончены II, стр. 237—239.

³⁵ М. Ф. Біляшевський. Борисівське городище; его же. Досліди на городищі біля с. Борисівки на Київщині, стр. 38.

³⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 82.

³⁷ И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. Труды Волго-Донской археологической экспедиции.—МИА, № 62, 1958, стр. 272.

³⁸ И. И. Ляпушкин. Троицкое городище.—МИА, № 74, стр. 158.

Создается впечатление, что описанный обычай каким-то образом связан с другим, более широко распространенным и лучше изученным, — погребения в жилищах и на поселениях жертвенных животных. Подобный обычай распространен во многих археологических культурах начиная с палеолита и, по сравнению с другими обрядами, имеет для своей характеристики значительный материал и большую литературу. Для неолитического и энеолитического времени наиболее интересной является работа Беренса³⁹ об обряде захоронений животных во всех странах Старого света. Однако материалы Советского Союза, и в частности Украины, использованы в ней далеко не полностью. В значительной мере это восполняется работами С. Н. Бибикова⁴⁰, Т. С. Пассек⁴¹, К. К. Черныш⁴², Т. Г. Мовши⁴³ по трипольской культуре, А. Гейслера⁴⁴ по фатьяновской и О. А. Шепинского⁴⁵ по крымским культурам эпохи бронзы. К сожалению, в работах, относящихся к захоронениям животных, собран материал, характеризующий только погребальные памятники и почти не рассматривается вопрос о подобных захоронениях на поселениях. В этом плане большой интерес представляет ряд исследований польских археологов (Л. Габалувны⁴⁶, Я. Гурбы⁴⁷, К. Водзницкого⁴⁸), касающихся, правда, небольшого периода, связанного с бытованием культур шаровидных амфор и шнуровой керамики.

О существовании в тшинецкой культуре обычая погребать скелеты и кости жертвенных животных в жилищах свидетельствуют не только находки в Пустынке, но и раскопки на Костянецком поселении, где И. К. Свешниковым под полом одной из землянок выявлены скелеты двух овец⁴⁹.

Обычай жертвоприношения животных при закладке поселений и жилищ известен и в других культурах бронзового и раннежелезного веков, в частности в андроновской, абашевской и милоградской. По утверждению О. Н. Мельниковской, на Горошковском поселении, рядом

³⁹ H. Behrens. Die neolithisch-frühmetallzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt. Berlin, 1964.

⁴⁰ С. Н. Биби́ков. Поселение Лука-Врублевская.— МИА, № 38, 1953, стр. 238—247.

⁴¹ Т. С. Пассек. МИА, № 10, 1949.

⁴² К. К. Черныш. Ранньотрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. К., 1959, стр. 37—39.

⁴³ Т. Г. Мовша. Трипольское жилище на поселении Солончены II, стр. 239.

⁴⁴ A. Häusler. Die kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrubland am Ende der jüngeren Steinzeit.— Wissenschaftliche Zeitschrift der M. Luther Universität, V. 1. Halle, 1955, стр. 69—146.

⁴⁵ О. А. Шепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму.— КСИИ, № 9, К., 1960, стр. 67.

⁴⁶ L. Gabalówna. Pochówki bydlice kultury amfor kulistych ze stanowiska 4 w Brześciu Kujawskim w świetle podobnych znalezisk kultur środkowoeuropejskich.— Prace i materiały, Seria archeologiczna, 3. Łódź, 1958.

⁴⁷ J. Gurba. Grob psa kultury ceramiki sznurowej we wsi Strzyżów.— Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, Vol. V, 1950, стр. 159—167.

⁴⁸ K. Wodzicki. Studia nad psami Polski.— WA, t. XIII. Warszawa, 1935, стр. 1—16.

⁴⁹ И. П. Свешников. Розкопки в с. Костянець на полі Літвенщина.— АП, т. IV, 1952.

с его валом обнаружено несколько преднамеренных захоронений диких и домашних животных (двух собак, бобра, свиньи и поросенка). Одно из погребений собаки сопровождал раздавленный сосуд⁵⁰.

На поселении абашевской культуры в Малокизильске найдено погребение двух телят. На ритуальный характер этих захоронений указывали обнаруженные на тазовых костях одного из животных раздавленный сосуд, рядом со вторым — набор бронзовых украшений⁵¹.

Начиная с раннего периода бронзового века среди принесенных в жертву животных встречается лошадь. Одной из первых находок ритуального захоронения черепов коня является погребение культуры шнуrowой керамики в Чехословакии⁵². Черепа и кости лошадей в большом количестве встречаются в зольниках белогрудовской и раннескифской культур (Адамовка, Пожарная Балка). О возросшей роли коня в хозяйстве и идеологии племен бронзового века свидетельствует появление изображения лошади среди зооморфной пластики⁵³.

Оценивая открытый в Пустынке комплекс культовых построек с точки зрения изучения идеологических представлений жителей поселка, следует учитывать два обстоятельства.

1) Идеологические представления обитателей Пустынки и его окружения едва ли существенно отличались от представлений, распространенных в среде близких по времени и культуре племенных объединений, находящихся на стадии разложения первобытно-общинного строя. Это, в свою очередь, дает возможность в определенной степени использовать материалы, известные для культур более широкого круга, и в частности сведения о религии лесостепных племен Украинны скифской эпохи, которые сообщает Геродот. 2) Консерватизм, присущий в целом идеологическим воззрениям. Все соответствующие этнографические материалы подтверждают его и указывают, что особенную живучесть и устойчивость проявляют идеологические представления, распространенные в среде племен, обитавших в различные периоды времени, но на одной и той же территории с одинаковой природно-географической средой и близким укладом хозяйства. Последнее заставляет с глубоким вниманием относиться к идеологии более древних племен Лесостепной Украинны, и в частности носителей трипольской культуры.

Существует широко распространенное и достаточно обоснованное мнение, что в основе религии лесостепных племен Восточной Европы лежало обожествление сил природы, среди которых центральное место занимало солнце⁵⁴. О развитом культе плодородия и земледельческих празднествах Гелонов — племен, живших в лесостепной местности к северу от собственно скифов, — пишет Геродот⁵⁵. Он же упоминает

⁵⁰ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., стр. 149.

⁵¹ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 98, 99.

⁵² J. Ondraček. Příspěvek k poznání kultury zvoncovitých pohárů na Moravě.— PA, Roc. LII, 1961, číslo 1, стр. 149—156.

⁵³ С. С. Березанська. Кераміка білогрудівської культури, стр. 65, рис. 18, 5.

⁵⁴ Н. М. Никольский. Дохристианские верования и культура днепровских славян. М., 1927, стр. 7, 25—30.

⁵⁵ Геродот, IV, 59.

о существовании у этих племен специально предназначенных культовых сооружений и жертвенников. Преломление идей, связанных с различными культами, в том числе и земледельческим, у различных этнических образований, а возможно и у различных племен, было, вероятно, неодинаковым и приобретало самые разнообразные формы обрядности. Поэтому едва ли имеет смысл в каждом конкретном случае пытаться раскрыть их содержание.

Так, на основании обнаруженной в Пустынке культовой постройки I, безусловно предназначенной для каких-то обрядов, связанных с магией земледелия и плодородия, сами обряды можно представить лишь приблизительно и в общих контурах. Обнаруженные в центре культовой постройки многочисленные обломки зернотерок, по-видимому, принесены из различных жилищ. Очевидно, в определенные дни, связанные с началом или окончанием земледельческих работ, в каждой семье совершались соответствующие моления с жертвоприношениями, в частности разбивалась зернотерка. Одна из ее частей оставлялась в жилище, другая, вместе с прочими дарами, относилась в святилище на алтарь, что должно было обеспечить урожай и достаток в доме.

Более специфичны идеологические представления, связанные с культом животных, о которых, применительно к Пустынке, можно говорить в двух аспектах. Первый из них относится к обычаю погребать под полом сожженные кости животных. Скорее всего он связан с идеей обратимости и веры в возрождение животных, широко распространенной у всех скотоводческих племен. В конечном итоге она связана с обычаем, существовавшим в среде скотоводов и охотников вплоть до самого последнего времени. Согласно этому обычаю, кости зарезанных или убитых животных не выбрасывали, а сжигали, закапывали или сохраняли как-нибудь иначе.

Не лишены интереса соображения К. В. Сальникова, высказанные им по поводу обычая захоронений сожженных или измельченных костей животных. Он считает, что скотовод заботился не только о благополучии стада, но прежде всего о его восстановлении и размножении. Магические обряды призваны были содействовать увеличению стада через возрождение из каждого маленького кусочка кости нового животного⁵⁶. Не вызывает сомнения, что черепа животных, обнаруженные под очагами, и погребения измельченных и пережженных костей подчинены одной идее — заботе об изобилии в стадах и жилищах.

О широком распространении у лесостепных племен Украины культа домашнего очага пишет Геродот. Он называет даже имя богини очага и семейного благополучия — Табиты, с культом которой были связаны самые различные формы почитания огня, золы и всего, что относилось к очагу. К проявлениям обрядности, связанной с этим культом, следует отнести зольники, зольные ямы, глиняные вымостки у очагов, а также обычай закапывать под очагами такие предметы, как зернотерки, льячки, сосуды, прясла и т. п.

⁵⁶ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 99.

Б. А. Шрамко на материалах поселения Караван убедительно показал, что у ряда племен культ домашнего и родового очага осложнился и тесно переплелся с земледельческим⁵⁷.

Безусловно, большое значение в жизни обитателей Пустыньковского поселения играл присущий всем религиозным верованиям культ мертвых. В. И. Равдоникас справедливо заметил: «заботы об умерших, переходя в культ предков и уже нелегко отделимы от него»⁵⁸.

Погребальный обряд племен сосницкого варианта восточнотшинецкой культуры только начинает изучаться и в настоящее время известен лишь в самых общих чертах. Создается впечатление, что основным обрядом являлось трупосожжение. В настоящее время известно несколько разрушенных грунтовых могильников и ряд отдельных погребений, выявленных во время разведок (Лучин Рогачикского района Гомельской области; Рудня Репнинского района Черниговской области; Плитовище-Яновка Чернобыльского района и др.)⁵⁹. Могильники обычно расположены в поймах рек на песчаных дюнах либо на приподнятых участках первых надпойменных террас. Сожжение, по-видимому, проводилось на стороне, о чем свидетельствует отсутствие обожженной земли вокруг погребений. Кальцинированные кости иногда с пеплом, чаще без него, сыпались в сосуды-урны и закапывались в землю на глубину 0,4—0,6 см от поверхности. Нередко пережженные кости сыпались не в сосуды, а в приготовленные заранее ямки конической или округлой формы. Все, что не вмещалось в сосуд или в ямку, высыпалось рядом.

Большая часть погребений сопровождалась бедным инвентарем, состоящим из одного-двух сосудов, а иногда из нескольких черепков. Следует отметить, что фрагментарность керамики, положенной в качестве инвентаря, составляет одну из особенностей погребального обряда. Черепки обычно лежат поверх костей и принадлежат, вероятно, сосудам, использовавшимся во время тризны. Такие находки, как кремневые орудия, наконечники стрел, скребки, пряслица, камни, кости животных, встречаются очень редко.

При сравнении погребального обряда, распространенного в сосницком варианте, в частности у обитателей Пустынки, с обрядом захоронения юго-восточных соседей отчетливо прослеживаются черты различия. Могильные сооружения степных племен эпохи бронзы свидетельствуют о том большом значении, которое придавали эти племена погребальному обряду. Сооружение огромных насыпей-курганов и связанных с ними грандиозных погребальных сооружений (Камышеваха, Кайбел), каменные кромлехи с каменными гробницами внутри ясно показывают разницу в идеологических воззрениях, связанных с культом мертвых. Резкое отличие обрядности, связанное с разными представлениями о загробной жизни, сказывается и в погребальном инвентаре, который у степных племен несравненно богаче и разнообразнее, чем у лесостепных.

⁵⁷ Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья, — СА, № 1, 1957, стр. 197.

⁵⁸ В. И. Равдоникас. История первобытного общества. Л., 1947, стр. 116.

⁵⁹ С. С. Березанская. Средний период бронзового века в Лесостепной Украине, стр. 64—74.

На различие в идеологических представлениях степных и лесостепных племен обратил внимание Геродот, который, в связи с распространением земледельческих празднеств у племен, живших к северу от Скифии, пишет, что у скифов-царских и у кочевников погребальные обычаи и обряды были неодинаковы⁶⁰.

Таким образом, если в домостроительстве, хозяйстве и инвентаре близость и влияние степных соседей довольно ощутимы, то в идеологических представлениях это не прослеживается. И напротив, складывается убеждение, что, несмотря на разрыв во времени, другую историческую обстановку, и другое окружение, духовная жизнь племен бронзового века Лесостепной Украины, по сравнению с предшествующим периодом, в частности с жизнью племен трипольской культуры, изменилась сравнительно мало. Так, едва ли можно сомневаться в том, что корни земледельческого культа следует искать в такой высокоразвитой земледельческой культуре, как трипольская⁶¹. Связи, которые удается в этом плане проследить между трипольской культурой и скифскими лесостепными культурами, дают основание говорить о существовании в Лесостепной Украине непрерывной цепи развития духовной культуры, во всяком случае некоторых ее сторон. Данные, полученные при раскопках Пустынковского поселения, а также материалы из других близких по времени поселений и могильников свидетельствуют о том, что тшинецко-комаровская культура и ее сосницкий вариант составляют в этой цепи одно из звеньев.

⁶⁰ Геродот, IV, 59.

⁶¹ Т. Г. Мовша. Святилища трипольской культуры.— СА, № 1, 1971, стр. 202—203.

Глава IV

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ, КАМНЯ И БРОНЗЫ

На поселении обнаружено сравнительно мало вещественного материала. Обращает внимание, что посуда чаще всего встречается в небольших фрагментах, каменные и кремневые изделия в поломанном виде или обломках, металлические изделия не найдены почти вовсе. Создается впечатление, что жители поселка, прежде чем покинуть его, унесли все наиболее ценное имущество, в том числе посуду, орудия труда и т. п.

Керамика. Основную часть находок составляет керамика. Общее количество фрагментов, найденных на поселении, достигает 4000. В настоящее время это самая большая и полная керамическая коллекция для характеристики не только поселений сосницкого варианта, но и всей восточнотшинецкой культуры (табл. XVI—XXIV).

Следует отметить, что почти весь материал найден в жилищах. За их пределами и хозяйственными помещениями его почти не было. В жилищах керамики встречено значительно больше, чем в культовых сооружениях и хозяйственных постройках. В некоторых из них, как уже отмечалось, керамики не найдено вовсе. В самих жилищах керамический материал также распределялся неравномерно (табл. 3; 4; 5).

Больше всего выявлено керамики и бытовых остатков в жилищах № 3, 5, 9 и 10. Характер материалов свидетельствует о том, что они существовали одновременно. Керамический комплекс всех жилищ аналогичен и отличается лишь количеством тех или иных керамических форм. Жилища и хозяйственные постройки различаются по характеру инвентаря. В последних, как правило, керамики значительно меньше, она однообразнее и в целом грубее. Своеобразен керамический комплекс из культовых сооружений. Кроме обычной бытовой посуды здесь встречаются сосуды, отличающиеся большей парадностью и вычурностью форм, лучшим изготовлением и богатством орнаментации. Небольшое количество посуды найдено на площади могильника. По формам, орнаментации и технологическим признакам она аналогична поселенческой. Повидимому, специально погребальной или культовой посуды не изготовлялось. Отметим лишь, что на площади могильника не найдено

Таблица 3
Количественное соотношение керамики,
обнаруженной в жилищах

№ жилища	Общее количество фрагментов керамики	Венчики	Днища	Стенки с орнаментом	Предполагаемое количество сосудов
2	120	31	8	20	15
3	251	69	22	37	30
4	280	171	42	124	40
5	399	102	28	76	50
6	210	37	15	54	35
7	150	54	24	30	27
8	124	31	10	47	26
9	473	64	36	107	45
10	509	90	36	68	50

особенно крупных сосудов, хотя довольно часто встречаются миниатюрные горшки разнообразных форм.

Вся керамика — лепная, изготовлена ленточным способом, что хорошо прослеживается на фрагментах с поврежденным верхним слоем глины, покрывающим сосуды. Толщина глиняных «жгутов» около 1 см. Дношники сформованы из цельного куска глины и соединены со стенками. Удалось проследить способ, с помощью которого утолщали венчик — к верхнему краю сосуда прикреплялся еще один глиняный «жгут».

Сосуды заглаживались изнутри и снаружи, некоторые из них покрывались сверху тонким слоем более жидкой глины, корочка ее хорошо заметна и легко откалывается. Иногда жидкую глину подкрашивали красной или желтой красками, отчего поверхность сосуда становилась более светлой и нарядной. Кроме того, ангобированные сосуды приобретали своеобразный блеск, напоминающий залощенность.

Встречено несколько сосудов коричневого и черного цветов, поверхность которых залощена. Для лощения, по-видимому, применялись каменные орудия — лощила, обнаруженные в нескольких жилищах. Это небольшие (до 10 см в длину и 3—4 см в ширину) гранитные плитки с заглаженными одной или несколькими гранями. Они до блеска залощены и имеют следы обжига.

Вся керамика изготовлена из местной глины, в неограниченном количестве имевшейся на поселении, с примесью песка и зерен гранита, иногда предварительно пережженного. Делалось это, очевидно, для того, чтобы облегчить дробление гранита. Куски крохотного пережженного гранита были найдены во многих жилищах неподалеку от очагов. Зерна примеси иногда были настолько крупными, что поверхность сосудов приобретала характерную бугристость. Внутри посуда более ровная, хорошо заглаженная. Изредка на ней встречаются следы щетки или мелкозубчатого гребня, при помощи которых производилась зачистка сосудов.

Таблица 4
Количество найденных различных керамических форм
в жилищах и на поселении в целом

№ жилища	Тюльпановидные сосуды	Горшки	Банковидные сосуды	Остро-реберные сосуды	Чашки и кубки	Миски	Дуршлаги	Неясные формы
2	6	5	1	—	1	—	1	1
3	8	6	4	2	2	—	—	8
4	18	6	2	2	3	—	1	8
5	16	12	2	1	3	1	1	14
6	12	15	2	—	—	1	—	5
7	11	6	5	—	3	—	—	2
8	10	8	1	3	2	—	1	1
9	21	9	1	4	4	—	1	20
10	16	23	4	3	2	1	—	1

Таблица 5
Количество керамических изделий с различными
типами ornamentации, найденных на поселении

№ жилища	Наколы	Жемчужины	Прочерченные линии	Валик	Колочая проволока	Зубчатый штамп	Шнур
2	17	5	7	2	1	—	—
3	17	—	—	—	—	—	—
4	82	17	59	20	3	20	2
5	40	—	39	16	20	3	2
6	14	2	12	8	4	—	6
7	13	7	44	10	10	3	1
8	16	3	14	4	4	1	2
9	27	—	26	10	10	12	2
10	38	8	87	10	7	4	3

Обработка внешней стороны была более сложной и разнообразной. Вероятно, она проходила несколько этапов: вначале сосуд обрабатывался деревянной или костяной лопаткой, снимающей излишки глины и выравнивающей поверхность, которая затем тщательно заглаживалась более мягким и гибким орудием. После этого, очевидно, просушенная поверхность сосуда ангобировалась, то есть покрывалась тонким слоем жидкой глины более светлого тона, чаще всего розового или желтого. Применение ангоба диктовалось, возможно, тем, что заглаживание бугристой поверхности представляло большую трудность.

Сосуды хорошо обожжены, стенки прокалены на всю толщину и только изредка в середине встречается тонкая темная не прокалившаяся полоска (рис. 32).

Толщина стенок и дниц керамики различна. Чаще встречаются сосуды, толщина стенок которых 1 см или чуть меньше, а толщина дниц от 1 до 1,5 см (табл. XXIII, б).

В большинстве случаев цвет посуды коричневато-серый, нередко

Рис. 32. Керамика из жилища № 8.

с более темными, иногда черными пятнами от неравномерного обжига. Некоторые сосуды имеют яркие — желтый и красноватый — цвета. Встречено несколько лощеных сосудов черного цвета — обычно это чаши или кубки, а также несколько сосудов светло-серого тона, с примесью мелкозернистого песка.

Из-за плохой сохранности посуды, несмотря на значительное количество обнаруженной керамики, трудно судить обо всех бытовавших на поселении формах.

Четко можно выделить следующие формы: 1) тюльпановидные сосуды; 2) горшки; 3) банки; 4) чаши-вазы; 5) миски. Разделение двух первых форм произведено в значительной степени условно.

Говорить о функциональном назначении каждой из выделенных форм трудно. Не вполне ясен, например, основной тип кухонного горшка, в котором готовили пищу. Судя по большому количеству обломков это скорее всего тюльпановидный сосуд с маленьким доньшком и вытянутым корпусом. Однако применение его в качестве кухонного горшка не совсем понятно, так как он высок и крайне неустойчив. Между тем никаких специальных очагов, которые отличались бы от уже известных, на поселении не обнаружено.

Большие горшки с раздутым корпусом и широким дном иногда найдены вкопанными почти до половины в землю. В них, очевидно, хранили воду, молоко и другие продукты.

Понятно назначение мисок, кубков, ложек, дуршлагов. Правда, в отношении последних также существует некоторая неясность, однако часть из них, безусловно, применялась для переработки молочных продуктов.

Тюльпановидные сосуды. Они средних, реже больших размеров. Наиболее часто встречающиеся размеры: высота 25—30 см, диаметр венчика 20—25, диаметр днищ 8—12 см. Это стройные, вытянутые сосуды со слабо выпуклыми стенками, плавно сужающимися ко дну и расширяющимися к венчику. Край последнего всегда утолщен, часто срезан наружу (рис. 33).

Известно несколько вариантов тюльпановидных сосудов. Одни из них формой близки к классическому образцу этого типа, другие — напоминают горшки. Вариации создаются за счет степени профилированности стенок, большей или меньшей отогнутости венчиков, высоты днищ. Тюльпановидные сосуды почти всегда украшены богатым и разнообразным узором: чаще всего прочерченными линиями, образующими пустые или заполненные треугольники, так называемой колючей проволокой, валиком. Реже орнамент состоит из наколов под венчиком. Нередко сосуды украшены не одним, а несколькими типами орнамента, например наколами и прочерченными треугольниками, валиком и наколами под венчиком и т. п.

Горшки. Они имеют ряд вариантов и в количественном отношении занимают едва ли не первое место, во всяком случае, составляют одну из основных форм среди кухонной керамики.

Большинство горшков крупных размеров. Наиболее распространены следующие: диаметр верха от 30 до 40 см, высота сосудов прослежена

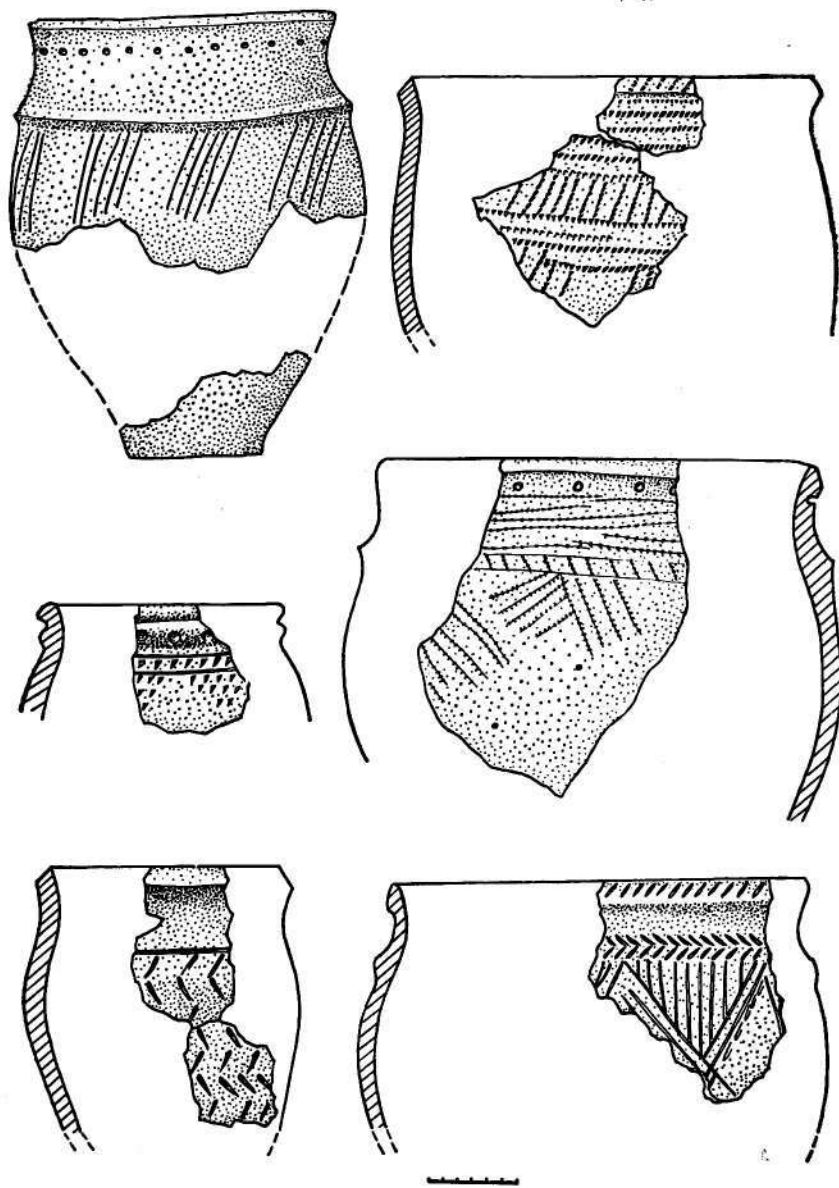

Рис. 33. Сосуды тюльпановидной формы.

далеко не всегда, по-видимому, колеблется в пределах 30—40 см, диаметр дна 10—12 см. Поверхность горшков обычно заглажена хуже, чем у тьюлпановидных сосудов, и очень редко ангобирована. Среди имеющихся разновидностей чаще всего встречаются горшки с короткой,

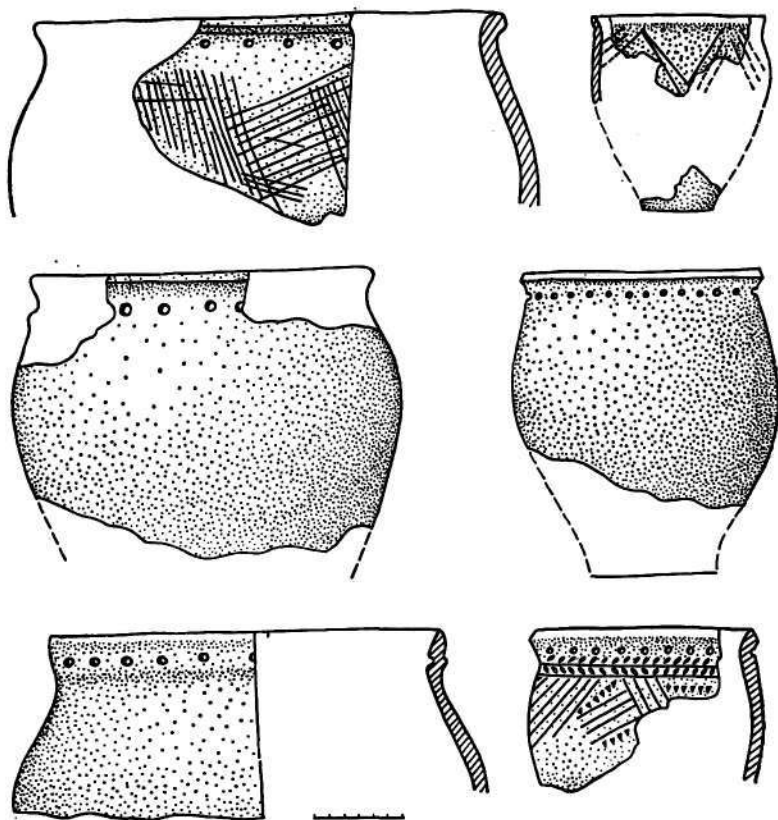

Рис. 34. Горшки.

слегка суженной шейкой, бочковидным корпусом, диаметром, равным в средней части приблизительно диаметру венчика, и с широким дном. Реже встречаются горшки с яйцевидным корпусом, сравнительно высоким прямым венчиком и маленьким доньшком (рис. 34).

Среди орнамента преобладают наколы под венчиком, реже жемчужины, выдавленные изнутри. Такая орнаментация составляет примерно 90% всех украшенных горшков. Остальная часть либо вовсе лишена орнамента, либо украшена прочерченными линиями, иногда косыми черточками и наколами.

Банковидные сосуды. Они составляют сравнительно небольшую группу керамики. Однако в каждом из жилищ найдено по нескольку фрагментов. Банковидные сосуды в большинстве случаев небольших размеров: высота 10—15 см, диаметр верха 10—12 см, дна на 1—0,5 см меньше (рис. 35).

По форме их можно разделить на три группы: вытянутых пропорций — приближающиеся к горшкам; острореберные или во всяком случае с небольшим переломом в верхней части корпуса; приземистые с конически расширяющимися стенками. Количественно преобладают банковидные сосуды первого типа. Они обычно не украшены, изготовлены довольно грубо и небрежно. Сосуды второго и третьего типов иногда украшены наколами под краем венчика, насечками или прочерченными линиями. Встречено несколько экземпляров, у которых ромбы и треугольники нанесены по всему корпусу от венчика до дна.

Вазы. Количество сосудов этого типа трудно установить. Из-за тонкостенности в большинстве случаев они разбиты на мелкие фрагменты, часто не позволяющие восстановить их форму. Все же создается впечатление, что вазы изготовлялись по определенному стандарту и что на поселении бытовало несколько таких стандартов для размеров, форм и ornamentации ваз.

В основном вазы средних размеров, высота их всегда меньше диаметра венчика. У них приземистый, сильно выпуклый корпус, сравнительно широкое дно, более или менее выраженная шейка, прямостоящий или слабоогнутый наружу венчик. Многие сосуды этого типа снабжены небольшими ручками или ушками. Вазы всегда богато украшены, причем узором покрыта не только верхняя часть корпуса, но нередко и весь сосуд. Ornament состоит из прочерченных линий, углубленных овалов, точек и каннелюр. Создается впечатление, что наиболее распространены были вазы небольших размеров, высотой 10—8 см при диаметре верха 14—12 и диаметре дна 5—7 см. Они имеют маленький слабо отогнутый венчик и выпуклый корпус, плавно переходящий в широкое плоское дно. Ornament на всех этих вазах аналогичен: край венчика украшен мелкими косыми вдавлениями, затем пояс из таких же вдавлений нанесен на сгибе при переходе шейки в корпус, ниже идут три горизонтально прочерченные линии, параллельные венчику, а вниз от них опущена бахрома из частых полос, перпендикулярных дну (рис. 36).

Описанная система ornamentации имеет небольшие отклонения, но в целом повторяется на всех вазах, встреченных на поселении.

Второй тип ваз менее ясен, так как крупные фрагменты, позволяющие их реконструировать, отсутствуют. Насколько можно судить по обломкам, они намного больше описанных выше; изготовлены очень тщательно, поверхность иногда залощена. Ornament состоит из тонких, прочерченных линий, скомбинированных в сложные узоры, наголов и каннелюр.

По-видимому, вазы были редкостью и ценились. Количество их в каждом из жилищ не больше одной-двух.

Сосуды нетипичных и редких форм. К этой группе прежде всего следует отнести миски. Найдено всего три или четыре их фрагмента. Более определенно можно говорить о двух мисках. Они

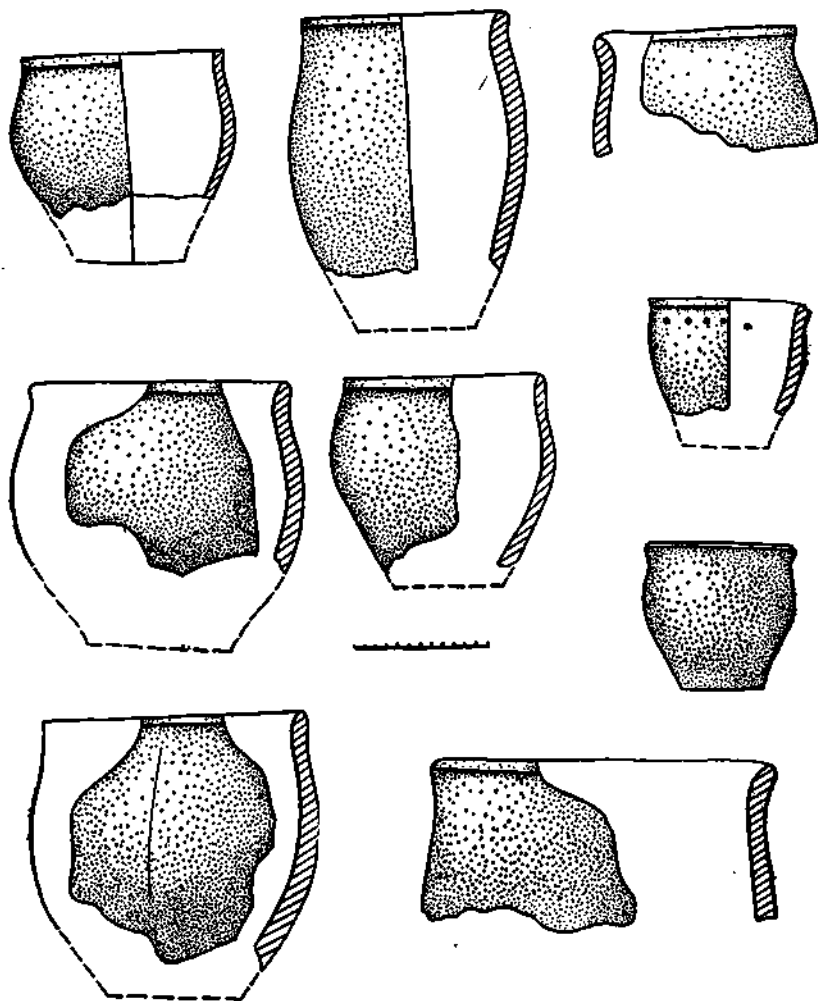

Рис. 35. Банковидные сосуды.

имеют небольшие размеры, полусферическую форму, края загнуты вовнутрь. Размеры первой миски: высота около 5 см, диаметр верха 12 см; второй — высота около 5 см, диаметр верха около 10 см. Стенки и дно толстые, поверхность плохо заглажена. Глина, из которой они изготовлены, комковатая. На одной из мисок по краю нанесены сквозные наколы; другая не орнаментирована вовсе. Возможно, именно мис-

кам принадлежат несколько фрагментов с прямо срезанным краем венчика, найденных в культовой постройке II (рис. 37, 7).

Почти в каждом жилище встречены фрагменты дуршлагов — сосудов, покрытых частыми сквозными отверстиями. Форму их не всегда

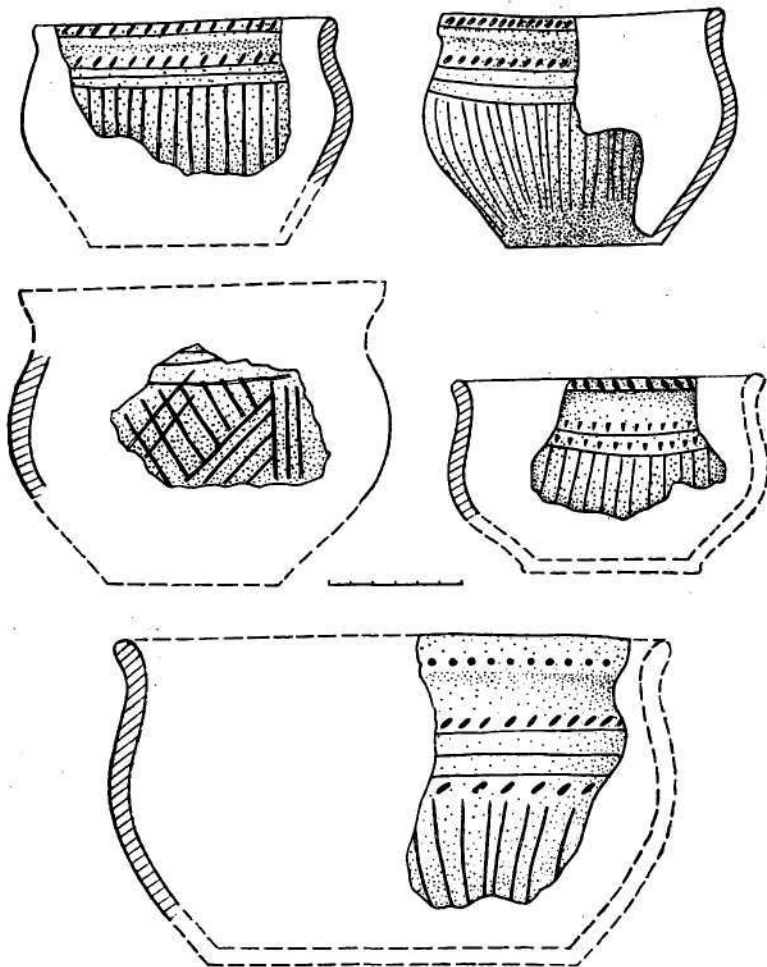

Рис. 36. Вазы.

удается установить. По сохранившимся обломкам можно предположить, что наиболее распространенной была бутылкообразная форма с узкой длинной горловиной и плавно расширяющимся книзу корпусом. Не выяснено, всегда ли они имели дно. Кроме бутылкообразных сосудов известны формы в виде глубоких мисок. Наиболее выразительный обломок, позволяющий судить о такой форме, найден в жилище № 3. Это верхняя часть сосуда конической формы, диаметр верха которого 3 см.

Кроме сквозных отверстий, нанесенных по всем стенкам, видна прочерченная полоса, являющаяся, по-видимому, частью орнамента (рис. 37, 5). У некоторых дуршлагов прочерченными линиями орнаментирован весь корпус. Внешняя поверхность всегда хорошо заглажена, подлощена и даже ангобирована, внутренняя — бугристая и шероховатая. У некоторых сосудов наковы нанесены снаружи таким образом, что внутри, вокруг образовавшейся дырочки сохраняются остатки выдавленной глины. Тщательная обработка наружной поверхности и небрежность в отделке внутренней свидетельствуют о том, что едва ли их применяли в качестве дуршлагов для процеживания молока или отжима творога. Об этом же говорит и тот факт, что многие дырчатые сосуды не имеют дна. В то же время обращают на себя внимание следы закопченности и обожженности, что на многих фрагментах особенно заметно с внутренней стороны. Все это дает основание предполагать, что часть описанных сосудов каким-то образом была связана с огнем. Подобный сосуд, наполненный углем, был найден в погребении под курганом, исследованном на р. Гуйве. По-видимому, часть сосудов со сквозными отверстиями использовалась в качестве курильниц или дымарей.

Миниатюрные сосуды. Их известно всего 10 (высота 5—7 см, диаметр 3—5 см). Часть найдена на площади могильника, большинство — на поселении под очагами. Все они изготовлены из такой же глины, что и остальная керамика, и содержат ту же примесь крупных зерен толченого гранита. Только в глине двух сосудов нет примеси. Миниатюрные сосуды повторяют все наиболее характерные формы столовой и кухонной посуды. Больше всего встречено сосудиков банковидной формы, имеющих либо прямые, либо немного выпуклые и сужающиеся книзу стенки. Известно несколько миниатюрных мисочек полусферической формы. Найден сосудик типа кубка с профилированным корпусом и отогнутым наружу венчиком. Большинство миниатюрных сосудов не орнаментировано. Лишь некоторые из них украшены черточками. Два миниатюрных сосуда, обнаруженные на площади могильника, имеют более сложный врезной орнамент (рис. 37, 1—4, 6; 39, 1—4).

Глиняные ложки. Найдено всего около 10 обломков, однако поскольку встречены различные части, то имеется возможность составить представление об их размерах и форме в целом. Средние размеры глиняных ложек: общая длина 10—12 см, длина черпачка, имеющего овальную форму, 6—7 см, ширина черпачка 2—3 см. Некоторые ручки на конце имеют углубление для вставки в него деревянной или костяной рукоятки.

В археологической литературе такие ложки иногда называют льячками и связывают их с металлургией. Ни один из обломков глиняных ложек, обнаруженных на поселении, не имеет следов обожженности или закопченности, которые обычно бывают на льячках. Ложки изготовлены из обычной глины, легко крошатся и ломаются. Поэтому в данном случае они скорее предназначались для кухонных надобностей, чем для литья металла (37, 8, 9).

П р я с л а. На поселении их найдено более 20. Большинство из них обнаружены на полу жилищ, несколько на площади могильника. Форма

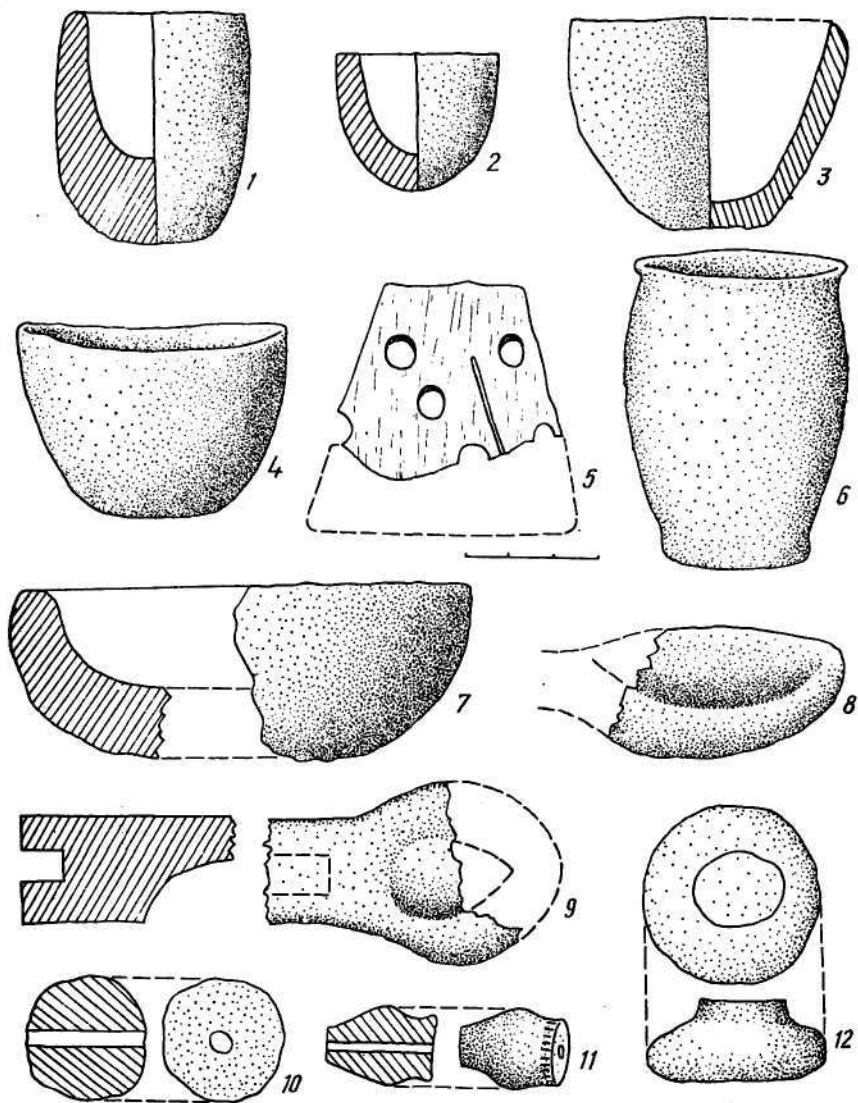

Рис. 37. Различные изделия из глины:
 1—4, 6, 7 — миниатюрные сосуды; 5 — дуршлаг; 8, 9 — ложки; 10—12 — пряслица.

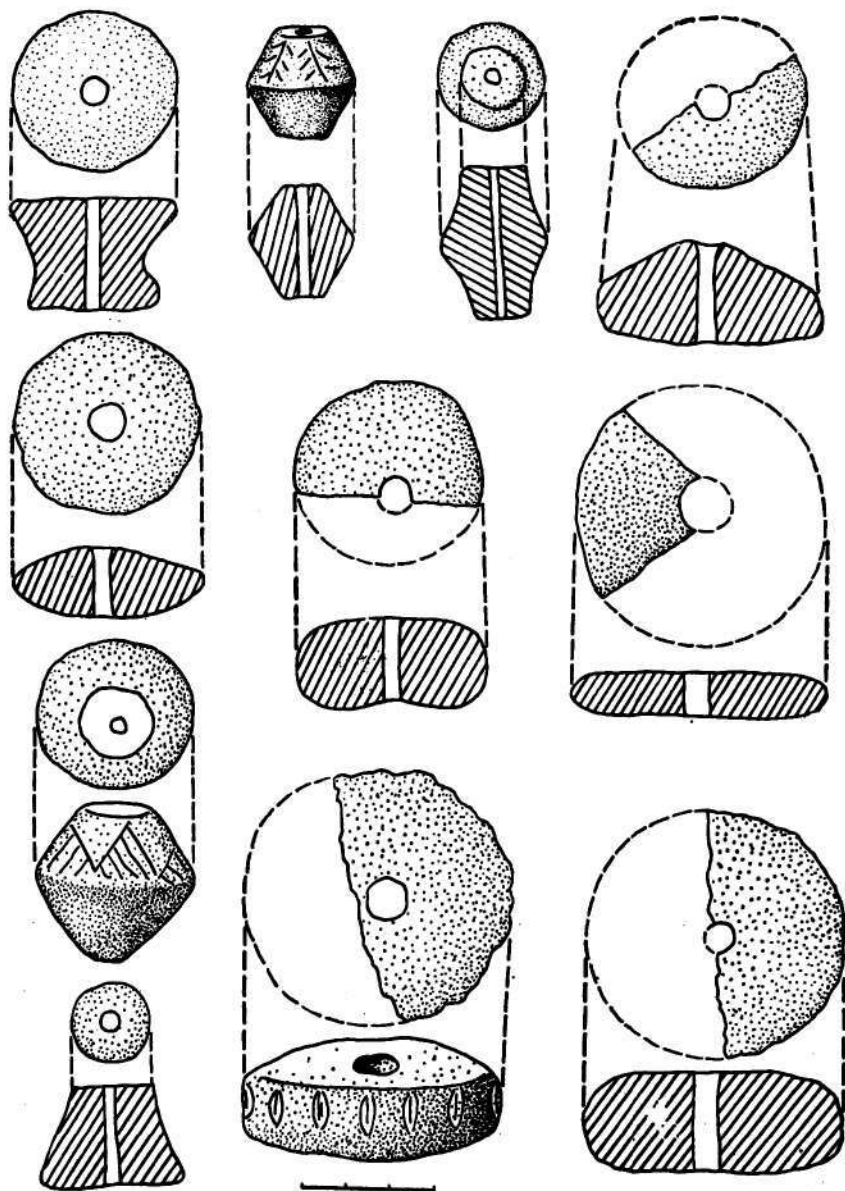

Рис. 38. Пряслица.

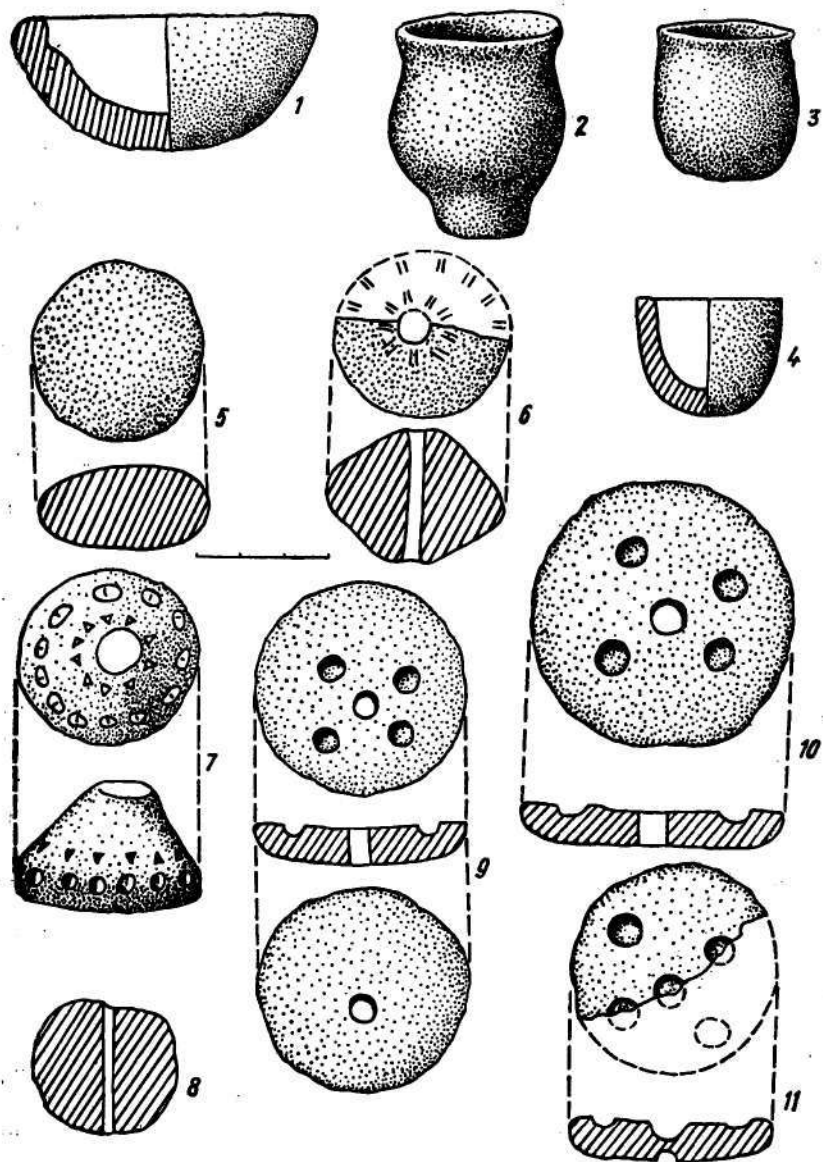

Рис. 39. Различные изделия из глины.

и размеры довольно разнообразны. Большая часть прясел имеет вид маленьких круглых лепешек, диаметром 4—5 см, высотой 1—1,5 см. Кроме того, встречены прясла шаровидные, конические, биконические, в форме катушек или колесика. Все они изготовлены из обычной глины и хорошо обожжены. Небольшая часть орнаментирована прочерченными линиями. Встречено несколько глиняных шариков маленького диаметра — 0,4—0,5 см, которые скорее всего могли использовать в качестве бус.

Описание глиняных дисков-«светильников» с отверстием в центре и четырьмя вмятинами по краям дано в главе о культовых сооружениях. В разделе, посвященном датировке поселения, они будут рассмотрены снова (рис. 39, 9—11; 43, 1, 2; 44, 1—3).

КЕРАМИКА ДРУГИХ КУЛЬТУР

Во многих жилищах на полу и в заполнении была встречена керамика с многоваликовой орнаментацией. Найдена она и на площади наземных хозяйственных построек, в заполнении столбовых ям и просто в культурном слое.

От остальной посуды она резко отличается технологией производства, формой и орнаментацией. Изготовлены эти сосуды из глины с примесью большого количества мелкого тщательно просеянного песка, от которого керамика становится очень плотной и тяжелой. Поверхность сосудов хорошо заглажена, но не ангобирована, часто прослеживаются мелкие расчесы; цвет — темно-коричневый или ярко-оранжевый. В большинстве случаев фрагменты принадлежат большим сосудам с характерным высоким венчиком, более или менее резким перегибом на корпусе и широким плоским дном без закраин. Орнамент состоит из тонких налипных валиков, частыми рядами покрывающих венчик и верхнюю половину корпуса. Валики либо гладкие, треугольные в сечении, либо расчлененные аккуратными ногтевыми вдавлениями. Небольшое количество керамики этого типа украшено прочерченными линиями, образующими аналогичные композиции елочек или заштрихованных треугольников.

Совершенно особую группу составляет керамика милоградской культуры, встреченная в верхней части заполнения нескольких землянок, в некоторых наземных постройках и в культурном слое. Она представлена единственной формой (во всяком случае только ее удалось реставрировать). Это — довольно крупные, высотой 20—25 см, круглотелые сосуды с маленьким неустойчивым доньшком и коротким вертикальным венчиком с отогнутым наружу краем. Все обнаруженные сосуды орнаментированы почти одинаково — ямками или пальцевыми вдавлениями, нанесенными под венчиком.

Сосуды изготовлены из комковатой глины с примесью шамота, поверхность бугристая. Стенки и днища тонкие, обжиг довольно слабый. Достаточно выразительная форма и орнаментация подтверждают их принадлежность к милоградской культуре.

В одной из траншей, недалеко от берега озера, на глубине 0,20 м

от поверхности было расчищено кострище, возле которого найдены раздавленный круглотелый сосуд, несколько фрагментов от других аналогичных сосудов, два пряслица и железный ножичек с ровным лезвием, горбатой спинкой и маленьким, слабо выраженным выступом для насадки костяной или деревянной рукояти. Такая керамика и ножи широко распространены в милоградской культуре в VI—V вв. до н. э.¹ К этому времени и относится, по-видимому, посещение милоградскими племенами урочища близ хутора Пустынка, где несколько веков назад существовало поселение бронзового века.

Керамическая коллекция Пустынки сыграла большую роль в самом выделении сосницкого варианта в его характеристике и, прежде всего, в понимании его взаимоотношений с тшинцевкой и комаровской культурами. Именно благодаря коллекции из Пустынки появилась возможность говорить о том, что сосницкая керамика, как и керамика всех других вариантов восточнотшинцевкой культуры, изготовлена из глины, главным образом с примесью крупных зерен толченого гранита. Этим она резко отличается от керамики других культур эпохи бронзы Левобережья (марьяновской, бондарихинской, срубной), при изготовлении которой в качестве примесей применялся песок. Сходство с керамикой других правобережных вариантов восточнотшинцевкой культуры проявляется в манере обрабатывать поверхность сосудов при помощи ангобирования более светлой, розовой, желтой или светло-серой глиной.

После исследования Пустынки появилась уверенность, что наиболее типичными формами сосницкого варианта являются высокие стройные сосуды со слабопрофилированным корпусом и плавно отогнутым венчиком, сосуды тюльпановидной формы с более выпуклым корпусом, горшки с зауженными горловинами, баночные сосуды срубного типа. Стало очевидным, что одним из отличительных признаков керамики сосницкого варианта является наличие в нем остророберных сосудов срубного типа. Вторая отличительная особенность сосницкой керамики — отсутствие мисок, также получила подтверждение благодаря раскопкам в Пустынке.

Коллекция из Пустынки значительно расширила представление об орнаментации сосницкой керамики. В отличие от сосудов правобережных вариантов, у которых, как правило, украшена только верхняя часть корпуса, сосницкие сосуды орнаментированы гораздо богаче — иногда от венчика до днища. Излюбленным мотивом являются пояса из коротких, косо поставленных черточек. Почти обязательным элементом орнаментации являются круглые наколы, чаще всего нанесенные под венчиком. Широко распространен также орнамент из прочерченных линий, образующих заштрихованные треугольники и своеобразные «флажки», напоминающие орнаментацию абашевской посуды.

Отличительной особенностью орнаментации сосницкой керамики, почти совершенно отсутствующей на Правобережье, является крупный зубчатый штамп и крупный шнур. В целом, следует отметить, что в фор-

¹ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 61, рис. 23.

мах посуды и в ее орнаменте наблюдается нивелирующее влияние моды, распространившейся с середины II тысячелетия до н. э. на обширной территории Восточной Европы, где линейный орнамент вытеснил шнуровой (рис. 40).

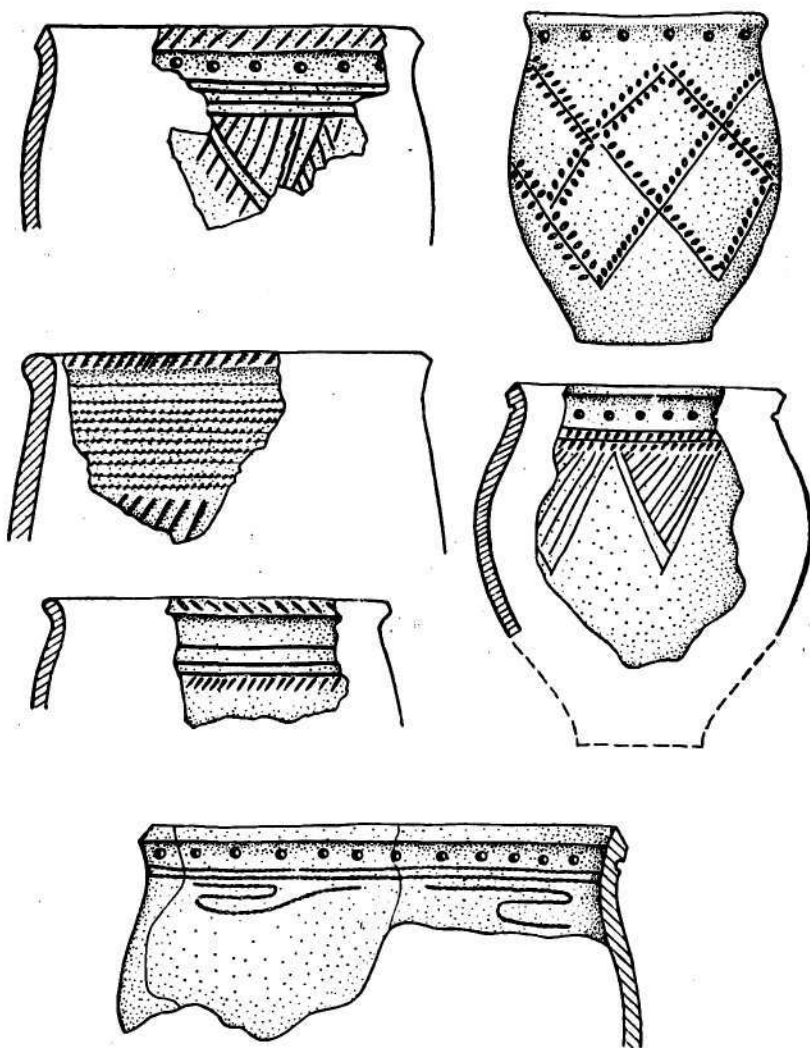

Рис. 40. Типы орнамента на сосудах.

Еще один вопрос, на котором необходимо остановиться в связи с характеристикой керамики Пустынки, касается ее взаимоотношений с керамикой предшествующих культур. Следует отметить, что если

в домостроительстве и духовной жизни сосницких племен удается проследить некоторые очень древние традиции, корни которых достигают Триполья, то в керамике подобная преемственность почти не прослеживается, тем более, что в керамике комаровской культуры и даже правобережных вариантов восточнотшинецкой близость с трипольской керамикой улавливается вполне отчетливо, что проявляется в распространении мисок, чашек, крышек и рельефного орнамента в виде налпных шишечек ушек и т. п. Ничего подобного в сосницком варианте вообще и на Пустынковском поселении в частности нет. Весь керамический комплекс сосницкого варианта очень своеобразен, и лишь некоторые его компоненты связаны генетическим родством с той или иной культурой более раннего времени. Очень интересным является вопрос о взаимоотношениях с керамикой непосредственно предшествующей среднеднепровской культуре. Еще в 1957 г., при выделении сосницкой группы памятников были отмечены черты, в какой-то степени роднящие сосницкую керамику со среднеднепровской². Среди них назовем косо срезанные внутрь венчики, зональность в орнаментации, манеру наносить орнамент по всей поверхности сосуда, шнуговой орнамент, пояса из заштрихованных треугольников, разделенных рядами мелких углублений из заштрихованных треугольников, соприкасающихся сторонами. Однако все это отдельные детали, тогда как общий характер набора керамических форм, с типичной для каждой формы особой орнаментацией, совершенно различен для Пустынки и для среднеднепровской культуры.

В керамике Пустынки и других сосницких поселений ощущается некоторое влияние керамики и других более ранних культур. Среди них в первую очередь необходимо назвать местные энеолитические и ранне-бронзовые культуры, представленные памятниками марьяновско-бондарихинского типа. Их влияние сказалось в появлении горшковидных сосудов с небольшим доньшком, украшенных жемчужным орнаментом или в виде круглых наколов под венчиком.

Уже отмечалось, что связями со срубной культурой следует объяснить появление в Пустынке остросереберных банковидных сосудов, часть которых, возможно, проникла уже в готовом виде, но большинство изготовлена на месте. В результате этих же связей в сосницкой керамике возникает орнамент, нанесенный крупным зубчатым штампом и косыми прочерченными линиями. Вполне возможно, что от срубной керамики был заимствован технологический прием покрытия всей поверхности крупными расчесами, образующими нечто похожее на грубые каннелюры.

Интересна возможность установления некоторых контактов с абашевской культурой. Следует отметить, что сосницкая керамика проявляет гораздо большую близость с абашевской, чем со срубной культурой. Особенно ярко это проявляется в орнаментации. Показательна манера деления орнаментального узора на два пояса: верхний и

² С. С. Березанська. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі.— Археологія, т. XI. К., 1957, стр. 87—94.

нижний (придонный). В керамике Пустынки и абашевских памятников сходны многие мотивы, например расположенные возле самого дна треугольники, обращенные вершинами кверху. Кроме того, на сосудах Пустынки и других поселений сосницкой группы встречен такой типичный и широко распространенный в абашевской культуре орнамент, как «флажки».

Изделия из камня и кремня. На поселении обнаружено небольшое количество изделий из кремня и камня. При этом целых предметов почти не найдено. Каменные орудия, как и керамика, встречены главным образом, в поломанном и фрагментированном виде. Это подтверждает мысль о том, что все ценное имущество было унесено до того, как жители оставили поселок.

В ближайших окрестностях Пустынки выходов кремня нет. Судя по характеру изделий, сырье привозили с Десны, где в районе теперешнего с. Мезин известны кремневые месторождения. Ближайшие карьеры, откуда в настоящее время добывают камень, расположены также довольно далеко — в 5—7 км от поселения на коренном берегу Днепра, напротив сел Мнев и Днепровское.

На поселении обнаружено значительное количество кремневых отщепов и обломков камня. Большинство из них было с явными следами работы. Постоянно встречаются предметы вторичного использования: из поломанных зернотерок изготовлялись растиральники, из топоров — пестики, из серпов — скребки и т. п.

На основании обнаруженных каменных изделий можно установить, что техника обработки камня и изготовления из него орудий включала довольно большое количество различных приемов. Среди них для кремня основными являются: первоначальное расщепление, двусторонняя обработка оббивкой, формирование орудий при помощи ретуши. Для камня наиболее распространенными были шлифование и сверление.

Наконец, характеризуя каменные изделия, обнаруженные на поселении, следует отметить, что некоторые из них, например кварцитовые топоры-тесла и несколько круглых миниатюрных скребков, по технике изготовления и по форме имеют более архаический облик, чем остальные орудия, и более типичны для предшествующей неолитической эпохи этих районов. Не исключено, что они были найдены жителями поселка и использовались ими уже в готовом виде.

Наконечники стрел и дротиков. На поселении и на площади разрушенного могильника обнаружено около 10 целых и поломанных кремневых наконечников. Семь из них изготовлены из отщепов, остальные из пластин. Поверхность стрел обработана плоской двусторонней, довольно крупной и грубой ретушью. На некоторых экземплярах края и концы подправлены мелкими сколами.

По форме стрелы можно разделить на две группы: ромбические и треугольные. У последних основание бывает прямым, чуть выпуклым или чуть вогнутым. Размеры стрел различны, встречено несколько довольно крупных экземпляров, длиной 4 и 3,5 см, размеры остальных — 3,25—2 см (рис. 41, 1—7).

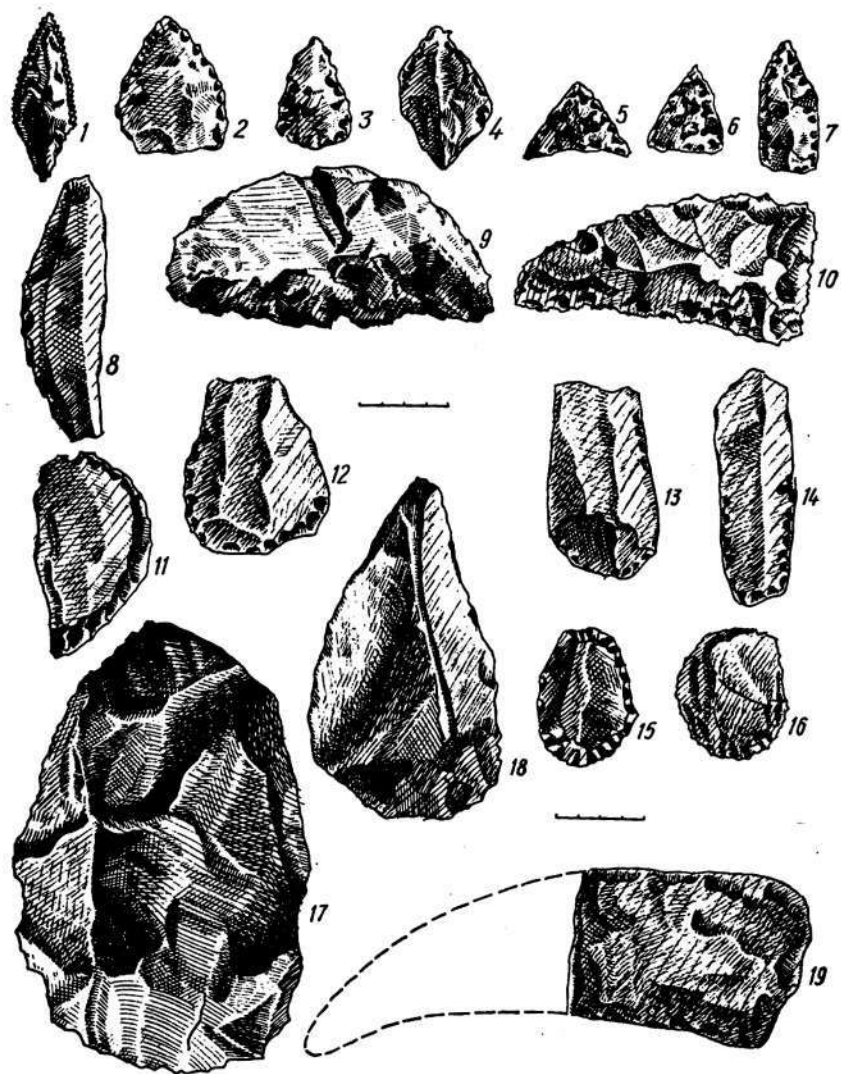

Рис. 41. Изделия из кремня и камня.

Ножи. Найдено три орудия, использовавшихся, по-видимому, в качестве ножей. Два ножа сделаны из кремня, один из кварцита. Кремневые экземпляры изготовлены из довольно узких пластин длиной 5—5,5 см. Конец и одна из сторон орудий заострены мелкой ретушью. Возможно, что они вставлялись в деревянную или костяную рукоять (рис. 41, 8, 11).

Кварцитовый нож изготовлен из крупного плоского отщепы овальной формы, имеет горбатую спинку и почти ровное лезвие, заостренное грубой небрежной ретушью (рис. 41, 9).

Серпы. Особую группу орудий составляют кремневые серпы. Их найдено шесть экземпляров — один целый, пять сломанных. Они изготовлены более тщательно и аккуратно, чем ножи. Один из них, наиболее крупный, сделан из отличного от остальных кремня; очевидно, он попал на поселение из правобережных районов Волыни уже в готовом виде. Все серпы подтреугольной формы с выгнутой спинкой; в одном случае с ровным, в остальных — с чуть вогнутым лезвием. На лезвии и небольшом участке спинки видна характерная заполированность. Длина наиболее крупного экземпляра около 11 см, второго, сохранившегося полностью, — 7 см, остальных — около 8—9 см (рис. 41, 10, 19).

Скребки. Их на поселении и на площади могильника найдено сравнительно много. Большинство из них изготовлены из кремня; встречено четыре кварцитовых скребка. Они легко делятся на две группы: 1) скребки на пластинах; 2) скребки на отщепах. Последние количественно преобладают. Скребки на пластинах имеют более крупные размеры (длина 4—5 см) и вытянутые пропорции. Ретушь нанесена либо только на конце, либо на концах и на прилегающих участках боковых граней.

Большинство скребков, изготовленных на отщепах, небольших размеров, округлой, подтреугольной и подпрямоугольной форм; средний диаметр 2,5—3 см. Обычно ретуширован лишь небольшой дуговидный участок лезвия и только на нескольких экземплярах ретушь покрывает почти весь край. Кварцитовые скребки, как и все орудия, изготовленные из этого сырья, выглядят более грубо и примитивно (рис. 41, 12—16).

Зернотерки и растиральные камни. Почти в каждом жилище было найдено по несколько обломков зернотерок. Целая, хотя и растрескавшаяся от огня, зернотерка встречена в жилище № 8 под очагом. Около 120 фрагментов зернотерок обнаружено в культовой постройке I. Они изготовлены из серого или розоватого крупнозернистого гранита. По сохранившимся обломкам можно понять, что большинство из них представляют собой плиты овальных или прямоугольных очертаний, длиной 30—40 см при ширине 20—24 см. Обломки средних частей зернотерок тонкие, их толщина 3—4 см, что свидетельствует о длительном использовании.

Растиральные камни, как и зернотерки, изготавливались из гранита. Они различных форм: конические, полушаровидные, уплощенные, пести-

кообразные. Часто для растиральных камней применялись обломки от зернотерок.

Вероятно, не все растиральные камни предназначались для размалывания зерна, некоторыми могли растирать краски, толочь гранит и другие примеси, необходимые для глины при изготовлении сосудов.

Мотыги. Найдено несколько орудий, которые могли использоваться в качестве мотыг для разрыхления земли. Они изготовлены из песчаника и горного сланца, имеют клиновидную форму с широким лезвием и сужающимся на клин противоположным концом. Длина таких орудий 20—22 см, ширина 5—8 см. Мотыжки могли вставляться в роговую или деревянную муфту (рис. 41, 17, 18).

Топоры тесловидные и проушные. На поселении обнаружено два кварцитовых топора подтреугольной формы, овальные в сечении, с зауженным обушком и расширенным, слегка выпуклым лезвием. Длина топоров 10,5 см и 7,5 см. Оба экземпляра обработаны грубыми сколами. У меньшего — лезвие подостренно дополненной мелкой ретушью. Два обломка принадлежат шлифованным топорам с отверстием для рукояти. Один из них представлен небольшим фрагментом средней части орудия, о форме которого судить нельзя. От второго топора сохранилась лезвийная часть. Он изготовлен из серой мелкозернистой породы камня, прекрасно зашлифован. Судя по сохранившемуся обломку, топор имел удлиненную форму, овальный, утолщенный в месте отверстия корпус, круглый в разрезе обушок и слегка отвислое лезвие. Вероятно, этот топор, как и один из серпов, был привезен на поселение уже в готовом виде.

Изделия из металла. В жилище № 8 найден обломок бронзовой бляшки. По сохранившемуся фрагменту можно судить о том, что бляшка была чуть выпуклой и имела круглую форму, ее диаметр около 5 см, толщина бронзовой пластины, из которой она изготовлена, — 2—2,5 мм. По утолщению, имеющемуся в центре, можно предположить, что с внутренней стороны она имела ушко для прикрепления. С внешней стороны, по краю бляшки, нанесен орнамент в виде двух рядов мелких жемчужин, выдавленных изнутри (рис. 42, 1).

Вторым бронзовым предметом, найденным на поселении, является булавка, обнаруженная в культурном слое за пределами жилища № 3. Она изготовлена из круглой в сечении проволоки, толщиной 0,7 см, конец заострен, головка имеет вид петельки диаметром 1,2 см. Проволока на головке слегка расплющена. Общая длина булавки 11,2 см (рис. 42, 2).

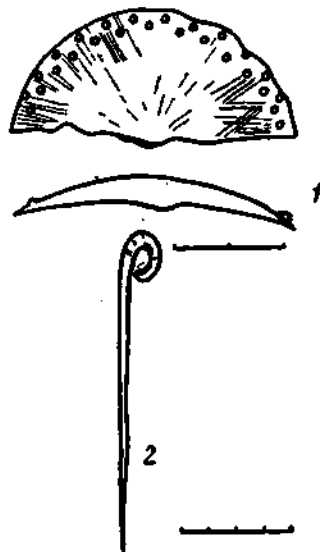

Рис. 42. Бронзовая бляха (1) и булавка (2).

Глава V

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

За время раскопок поселения были получены разнообразные материалы, характеризующие хозяйственную деятельность его обитателей. Среди них орудия труда, кости животных, помещения производственного назначения, хозяйственные ямы и т. д. В целом материал, хотя и не велик, но достаточно выразителен и дает возможность в общих чертах составить представление об основных занятиях жителей поселка.

Пустынка расположена в лесостепной зоне, составляющей довольно узкую полосу между степью, простирающейся к югу от Чернигова, и лесом. Лесостепь охватывает здесь участок Днепра к северу от Киева, нижнее течение Припяти, бассейны Сожи и Десны.

Есть основания предполагать, что климат и растительный мир в этих местах изменились мало и в период существования поселения были примерно такими же, как в настоящее время¹. Новые доказательства, подтверждающие эти предположения, появились в результате пыльцевого анализа, полученного при исследовании образцов почв на поселениях среднеднепровской культуры, расположенных в Могилевской и Гомельской областях, а также из верхних слоев неолитического поселения у с. Гришевки Черниговской области. Результаты этих анализов показали, что на протяжении всего формирования культурных горизонтов от эпохи бронзы до современности климат и растительный покров оставались почти неизменными. Состав пыльцы свидетельствует о доминирующей роли хвойных пород (сосны, ели) и о широком распространении березы, ольхи, липы, дуба, орешника. Большое место в растительном мире занимали разнообразные мхи и папоротники².

¹ Г. И. Гаифильев. Доисторические степи Европейской России.— Землеведение. М., 1896, кн. 2; К. К. Марков, В. П. Гринчук. Взаимоотношение леса и степи в историческом освещении.— Вопросы географии. М., 1950, № 23; М. И. Нейштат. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

² А. П. Пидоплячко. Торфяные месторождения Белоруссии. Минск, 1958; И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.,

При общей характеристике поселения и, особенно, при описании жилищ, обращалось внимание на то, что Пустынку нельзя рассматривать в качестве сезонного поселения. Для сезонных стоянок, рассчитанных на пребывание в них в течение нескольких летних месяцев, не имело смысла сооружать глубокие землянки, обшивать их деревом и обмазывать глиной. Не было нужды изготавливать глиняные кирпичи, строить купольные печи, нары и т. д. Не нужны были бы также свайные хозяйственные постройки, предназначенные для долговременного хранения зерна, соломы других сельскохозяйственных припасов. Таким образом, есть все основания думать, что на поселении жили постоянно в течение длительного времени. Длительность существования поселения, скорее всего зависела от того, как долго, оставаясь на одном месте, можно было эффективно использовать имеющиеся в распоряжении земли и получать на них хорошие урожаи. Истощение земель являлось, вероятно, главной, если не единственной причиной, которая могла побудить население добровольно покинуть насиженные места, на благоустройство которых было затрачено много времени и труда.

Свидетельством того, что обитатели Пустынки занимались земледелием, являются обнаруженные почти в каждом жилище зернотерки и серпы, культовая постройка I с канавкой, заполненной зернотерками и растиральными камнями, хозяйственные постройки для хранения скошенного хлеба или зерна.

Специалисты, занимающиеся историей земледелия северных районов Восточной Европы, утверждают, что южная окраина Полесья является одним из древнейших центров, где зафиксированы следы земледелия, относящиеся еще к эпохе неолита³. Это позволяет предполагать, что с течением времени земледелие продолжало развиваться и к позднему периоду бронзового века достигло высокого уровня. Жители Пустынки сеяли, вероятно, на пойменных возвышенностях, расположенных вокруг поселения. На всех таких всхолмлениях, покрытых тонким слоем чернозема, встречена керамика, аналогичная найденной на поселении. Скорее всего она была оставлена здесь во время обработки или уборки полей. Небольшие посевы могли производиться и на высохших болотах. Еще и сейчас местные жители используют эти плодородные участки, но исключительно под огороды, так как при настоящем водном режиме вода спадает поздно и посевы зерновых не успевают вызреть.

Вполне возможно, что урожай могли выращивать также на боровых террасах коренного берега, где имеются более оподзоленные и даже черноземные почвы. Однако по ряду причин они не использовались широко. Во-первых, из-за большого расстояния: поселение находилось от таких полей в 4—5 км, и доставить туда урожай было довольно

1967, стр. 118—119; Г. А. Пашкевич. Історія Житомирського Полісся в голоцені за даними споропилкових досліджень.— «Український ботанічний журнал», XX, К., 1963; е е же. До історії рослинності в Новгород-Сіверського Полісся в голоцені.— «Український ботанічний журнал», XXIX, 1972.

³ Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР.— СА, 2, М., 1965, стр. 106.

трудно. Во-вторых, если пойменные песчаные, илистые и торфяниковые почвы сравнительно легки для обработки, то плотные подзолы и черноземы требовали более совершенных орудий труда, чем те, которые были известны для этого периода. На поселении найдено всего несколько орудий, которые могли использоваться в качестве мотыг. Они клиновидной формы с широким лезвием и сужающейся тыльной стороной. Длина их 20—22 см, ширина лезвия 5—8 см. Изготовлены мотыги из песчанника или сланца. При обработке земли такие орудия, возможно, вставлялись в роговую муфту либо привязывались к коленчатой деревянной рукоятки. Описанные орудия близки мотыгам, обнаруженным на поселениях среднеднепровской, марьяновской и милоградской культур, земледелие которых развивалось в близких к Пустынке природных условиях. И по форме, и по размерам они почти аналогичны. Очень похожа на них каменная мотыга, найденная на Алексеевском поселении андроновской культуры⁴. Показательно, что первые металлические мотыги, известные в милоградской и раннескифской лесостепной культурах, по форме напоминают каменные мотыги и так же, как последние, по способу крепления делятся на две группы. Первые крепятся с помощью отверстия, куда вставляется рукоять, вторые — двумя боковыми выступами, к которым привязывается коленчатая рукоять. Подобное сходство подтверждает, что пустынковские орудия действительно предназначались для обработки земли.

Общий уровень производительных сил у племен позднего периода бронзового века позволяет предполагать существование пашенного земледелия. В этой связи для рассматриваемой территории чрезвычайно интересен найденный в Сумской области (то есть недалеко от Пустынки) возле с. Токари плуг. Б. А. Шрамко, произведя анализ самого орудия и учитывая условия, в которых он был обнаружен, пришел к выводу, что плуг следует датировать раннескифским временем⁵. Не исключено, что жители Пустынки для обработки земли использовали не только каменные мотыги, но и простейшие деревянные орудия типа плуга из Токаревского торфяника. Пашенное земледелие в лесостепных районах Украины, правда для несколько более позднего времени, зафиксирован и письменными источниками.

Убирали урожай при помощи кремневых серпов. На поселении найдено несколько их обломков. Они типологически предшествуют составным белогрудовским серпам, но уже отличаются от классических волынских, для которых характерны крупные размеры и строго выдержанная клювовидная форма. Сравнительно маленькие размеры пустынковских серпов и их дуговидная форма позволяют предполагать, что они вставлялись не в коленчатую рукоять, как волынские, а в овальную.

Вместе с тем тот факт, что в период, к которому относится поселение в соседних районах, например на Среднем Дону, на поселениях

⁴ О. Н. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, вып. XVII, рис. 28, 2, 4.

⁵ Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.— СА, I, 1961, стр. 76—79.

срубной культуры обнаружено большое количество бронзовых серпов, делает вполне вероятным предположение, что и в Пустынке могли использовать для жатвы металлические орудия. Однако доминирующими являлись, очевидно, кремневые серпы.

Обнаруженные на поселении орудия для помола зерна — зернотерки — делятся на две группы. К первой относятся массивные изогнутые зернотерки крупных размеров, ко второй — более миниатюрные, обычно плоские, сравнительно тонкие плиты. Соответственно могут быть разделены и растиральные камни. На больших зернотерках растирали зерно, по-видимому, удлинёнными уютугообразными курантами, а на плоских зернотерках — маленькими круглыми пестикообразными растиральными камнями.

Климатические условия (обилие осадков, сырость почв) вынуждали проявлять заботы о помещениях для просушки и хранения зерна. Этим объясняется большое количество и особое устройство хозяйственных построек на столбах.

При сравнительно слабой заселённости территории очевидно большого затруднения в использовании земельных участков у жителей Пустынки быть не могло. Поэтому наиболее вероятной была такая система землепользования, когда предназначенные под посевы участки эксплуатировались до тех пор, пока приносили хороший урожай. После этого их забрасывали и переходили на новые земли. Время, за которое почва восстанавливает свое плодородие, по определению специалистов, равняется примерно 8—10 годам⁶. На близко расположенных к поселению участках, занятых лесом, могла практиковаться подсека, а на пойменных возвышенностях — переложная система. Такая возможность заставляет с осторожностью относиться к категорическому утверждению по поводу обязательного бытования какой-либо одной из систем землепользования и к тому, что сосуществование нескольких систем якобы полностью исключено. Возможность применения двойной системы земледелия в Пустынке представляется вполне вероятной. Кроме того, сосуществование подсечной и переложной систем вносит некоторые коррективы в вопрос продолжительности пребывания поселения на одном месте, поскольку в этом случае нельзя ставить знака равенства между временем эффективного использования пойменных земельных участков и периодом жизни поселения. Во время «отдыха» пойменных земель могло применяться подсечное земледелие, которое в какой-то степени удовлетворяло потребности жителей поселка и тем самым избавляло от необходимости частого и, безусловно, нежелательного переселения на новые места.

Обследование окружающего района показало, что расстояние, в пределах поймы, отделяющее одно поселение от другого, в среднем равно 3—4 км, то есть общая величина земельных угодий, находящихся в распоряжении поселения типа Пустынки составляла примерно 300—400 га. При этом пригодная для посевов земля составляла не более 20% общей

⁶ А. Столетов. О системах земледелия. СПб., 1867; В. П. Петров. Подсечное земледелие. К., 1968.

площади (20% от 400 га составляет около 80 десятин). Обследование ряда Полесских областей, проведенное в 1900—1905 гг., показало, что средняя урожайность пшеницы и ячменя с одной десятины в то время колебалась между 17 и 26 пудами зерна⁷. Даже при такой урожайности жители поселка с 80 десятин могли получить не более 1600 пудов зерна. Количество населения в Пустынке определяется в 250 человек, то есть на каждого ее обитателя приходилось приблизительно 6,4 пуда в год. Эта цифра не покажется низкой, если учесть, что массовые ста-

Таблица 6
Видовой состав фауны поселения Пустынки *

Название животного	Череп	Позвоночник	Конечности	Другие	Вместе	
					кости	особа
Домашний бык	26	12	18	—	64	5
Лошадь	14	—	6	—	18	2
Свинья домашняя	13	—	10	—	27	3
Коза-овца	16	2	11	—	29	4
Всего костей домашних животных	—	—	—	—	148	14
Заяц обычный	—	—	2	—	2	1

* Определение Е. И. Даниловой.

тистические данные по Карелии показывают, что еще в 1908 г. урожай, за вычетом семян, обеспечивал не более 3,84 пудов на душу населения⁸.

Уже отмечалось, что из-за характера песчаных почв фаунистический материал на поселении сохранился чрезвычайно плохо. Обнаружены почти исключительно обожженные кости, найденные в очагах, рядом с ними и в погребальных ямках. Исключение составляют совсем небольшое количество непережженных костей, «захороненных» под очагами на глиняных подсыпках, и кости, встреченные в нескольких глубоких ямах, основание которых также составляла глина.

Плохая сохранность фаунистического материала заставляет с осторожностью относиться и к результатам общих подсчетов, и к выводам процентного соотношения отдельных видов (табл. 6).

В состав стада Пустынковского поселения входили бык, коза-овца, свинья и лошадь. Аналогичный состав стада и близкое процентное соотношение видов, получено при определении фаунистического материала других поселений сосницкого типа (табл. 7).

Особый интерес вызывает большое количество свиней. На эту осо-

⁷ Россия, т. IX. СПб., 1905, стр. 247.

⁸ С. Струмилин. К истории земледельческого труда в России.— Вопросы экономики, 2, 1949, стр. 47—48.

бенность скотоводства полесских районов и на то, что она существовала издавна, обращает внимание В. И. Цалкин, который пишет, что у племен Левобережного Полесья, кроме разведения крупного рогатого скота, особенно большое место занимало свиноводство⁹. При этом В. И. Цалкин, как и другие исследователи, широко разведение свиней ставит в прямую зависимость от дубрав, поскольку желуди являлись основной пищей свиней. Не исключено, что в окружении болот и озер свиньи питались мелкой рыбой.

Таблица 7
Видовой состав фауны поселений сосницкого варианта восточнотшинецкой культуры *

Видовой состав	Пустынка	Вольницево ур. Попова левада	Долинское ур. Круг	Сосница, ур. Боромка	Ивановка, Майоров Бугор
Бык	+	+	+	+	+
Свинья	+	+	+	+	+
Коза-овца	+	+	+	+	—
Лошадь	+	+	+	+	+
Лось	—	—	+	—	—
Заяц	+	+	+	+	+
Выдра	—	+	+	—	—

* Определение В. Н. Вибиковой.

Безусловно, количество найденных костей в Пустынке ни в коей мере не может соответствовать количеству скота, содержащегося на поселении. Поэтому при желании определить размеры стада, необходимо исходить из иных предпосылок. Выше, на основании расстояния, разделяющего одно поселение от другого, было установлено, что Пустынка располагала земельным участком, приблизительно равным 300—400 га. Статистические данные указывают, что количество луговой земли на Полесских землях составляло от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ части общей площади¹⁰. Эти подсчеты вполне соответствуют тому, что можно наблюдать и сейчас, анализируя под соответствующим углом зрения окрестности поселения. Площадь, пригодная для выпаса скота, находившаяся в распоряжении поселения Пустынки, не превышала 100—150 га. По нормам практического учета на каждую голову крупного рогатого скота необходимо до 0,75 га хороших пастбищных угодий и до 1,5 га средних¹¹. При этой норме на площади 150 га могли прокормиться в среднем около 100 голов скота. Таким можно представить стадо Пустынковского поселения летом, когда оно не нуждалось в дополнительном прикорме. Вопрос о том, могло ли такое количество скота оставаться на поселении на зиму должен решаться отрицательно. Заготовить необхо-

⁹ В. И. Цалкин. Хозяйство лесостепных племен.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, 1963. М., 1964, стр. 46, 47.

¹⁰ Россия, т. IX. СПб., 1905, стр. 258.

¹¹ Е. А. Богданов. Спутник техники животноводства по кормлению сельскохозяйственных животных. М., 1922, стр. 34.

димое количество кормов для 5—6 месячного зимнего стойлового содержания 100 голов скота жители поселка, по-видимому, не имели возможности. По подсчетам Е. А. Богданова, норма запаса грубых кормов на одну корову при шестимесячном содержании составляет 150—235 пудов¹².

Исходя из того, что с 1 га сенокосной земли удается получить около 70 пудов, с 150 га можно заготовить не более 10 000 пудов. Таким количеством сена, даже при учете вероятной подкормки ветвями в течение пяти—семи месяцев можно прокормить не более 50—70 голов. На этом основании можно предположить, что на зиму оставляли не более половины летнего поголовья. Вторая половина стада осенью и в первые месяцы зимы, очевидно, забивалась и мясо заготавливалось впрок — солилось, коптилось, сушилось и т. п.

50 голов крупного рогатого скота при среднем весе 20 пудов на голову давали около 100 пудов мяса. Если в поселке жило около 250 человек, то на каждого из них приходилось в год по 3 пуда, или по 3 кг мяса в месяц. Можно предположить, что приблизительно столько же мяса получали от свиней и овец. Таким образом, на каждого члена поселка приходилось в среднем по 5—6 кг мяса в месяц, не считая мяса диких животных убитых во время охоты.

Если приведенные расчеты количества получаемого на поселении зерна и мяса верны, то становится очевидным, насколько ббльший удельный вес в пищевом режиме жителей Пустынки занимали продукты скотоводства, чем земледелия. Кроме того, значительное место в питании древнего поселения занимали различные молочные продукты. Все сказанное дает основание предполагать, что основное место в хозяйстве поселения Пустынки занимало скотоводство, тогда как земледелие, хотя и играло большую роль, стояло на втором месте.

О том, что жители Пустынки занимались охотой, свидетельствуют кремневые наконечники стрел и кости диких животных. Вполне вероятно, что охота имела довольно большое значение в хозяйстве жителей поселка, расположенного в окружении леса и плавней; однако нет никаких данных, позволяющих судить о реальном объеме этого промысла. Нельзя также сомневаться в том, что жители поселка занимались рыбной ловлей, особенно весной и осенью, при массовом нересте. Расположение Пустынки на берегу протоки Днепра делало особенно удобным использование заколов — густых ивовых плетней, которыми отгораживается рукав или протока. Еще и сейчас жители хутора весной применяют этот способ ловли и получают с его помощью много рыбы.

Находки пряслиц и отпечатки шнура различной толщины и формы на сосудах и глиняных вальках свидетельствуют о ткачестве, прядении и вязании.

Изготовление глиняных вальков, обнаруженных на поселении в огромном количестве, составляло, по-видимому, так же особую отрасль домашних занятий.

¹² Е. А. Богданов. Спутник техники животноводства по кормлению сельскохозяйственных животных. М., 1922, стр. 34.

Во время раскопок бронзовых предметов почти не найдено. Исключением являются булавка с петлевидной головкой, обнаруженная вне жилища, и обломок бронзовой бляшки, найденный в землянке. С производством бронзы часто связывают глиняные ложки — предполагаемые льячки. Однако, как уже отмечалось, поскольку на глиняных ложках, найденных в Пустынке, никаких следов бронзы не обнаружено, едва ли эти предметы имели отношение к бронзолитейному производству. Трудно сказать, насколько почти полное отсутствие бронзовых предметов отражает реальную картину внедрения в быт поселка бронзолитейного производства. Можно предположить, что жители Пустынки применяли различные бронзовые изделия и даже их изготовляли. Об этом свидетельствуют литейные формочки для отливки кельтов, долот и топоров, найденные на других поселениях сосницкого типа (Зазимье, Волинцево). Не менее показательны разнообразные украшения из бронзы, обнаруженные во многих погребениях восточнотшинецкой культуры (Войцеховский могильник, Теклино и др.). И все же отсутствие каких-либо выразительных следов бронзолитейного производства на таком большом поселении, как Пустынка, и находки довольно большого количества каменных орудий самого разнообразного назначения (от мотыг до скребков, от стрел до топоров), по-видимому, свидетельствуют о том, что в Полесье Украины, даже в развитом бронзовом веке, основным материалом для производства орудий труда и оружия оставался камень, а изделия из бронзы были редкими и дорогими.

Пожалуй, наиболее сложным, возникающим при исследовании Пустынки, является вопрос об общественном устройстве жителей поселения. Практически речь идет о том, чтобы в самых общих чертах представить себе сущность поселения как конкретной социальной ячейки, как общества, связанного какими-то определенными общественными и производственными отношениями. Сложность и неразработанность проблем социального устройства древнего общества, наличие противоречивых, часто взаимоисключающих толкований, а с другой стороны, шаблонных, затертых, зачастую утративших смысл формулировок мало помогают при решении этой трудной задачи. Пытаться понять, каким было общество и отношения, связывающие его представителей, можно только в случае прямого соответствия полноценного источника и его интерпретации, то есть в случае конкретного анализа и предельно полного изучения памятника, являющегося какой-то конкретной общественной единицей. Таким памятником, безусловно, является Пустынка, поэтому некоторые наблюдения, возникшие при ее изучении, могут представить определенный интерес.

Большинство исследователей определяют поселения бронзового века как родовые поселки, но уже не в их классическом, первоначальном виде — коллектива кровных родственников, а как родовую общину, включающую представителей разных родов. Трудно говорить о том, сохранил ли такой род свое значение в брачно-религиозных отношениях, но в экономическом плане Пустынка, безусловно, состояла из представителей различных родов. Об этом свидетельствует тот факт, что основной хозяйственной ячейкой на поселении являлась парная семья.

Количество людей, входящих в такую семью, лимитируется размерами жилищ, анализ которых приводит к выводу, что в них не могло разместиться более 10—12 человек. Вопрос о том, какое количество семейств могло размещаться в одном жилище, решается на основании количества очагов, имеющихся в одной землянке. В большинстве жилищ найдено по одному кухонному — основному очагу. Второй очаг, следы которого обнаружены во многих жилищах, отличается от первого устройством и предназначался, очевидно, для отопления, поэтому он не может являться показателем наличия в жилище второй семьи. Таким образом, совершенно очевидно, что большинство жилищ составляли единую социально-экономическую единицу, основанную на семейно-родственных отношениях и общем ведении хозяйства. Исключение составляет землянка № 2, в которой выявлено два очага, расположенных в двух половинах жилища, разделенных, судя по расположению столбовых ям, перегородкой. Весьма вероятно, что здесь жили две семьи, ведущие раздельное хозяйство и не успевшие расселиться в отдельные помещения.

Не менее сложным, чем социальное устройство пустынковского общества, является вопрос о бытовавших на поселении формах собственности, то есть о том, в чьем владении находились земля, скот и как реализовалось их использование. В данном случае наиболее перспективным представляется привлечение этнографических материалов и возможность сравнения различных в хронологическом плане племен и народов, относящихся к одному хозяйственно-культурному типу. «Под хозяйственно-культурными типами понимаются исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»¹³. Изучение культурно-хозяйственных комплексов в последнее время находит все больше сторонников среди советских и зарубежных археологов. На этой основе С. Н. Бибиков провел анализ хозяйства и общественного устройства племен трипольской культуры¹⁴. В недавно вышедшей статье этого же автора на примере позднепалеолитического общества убедительно показано, насколько расширяются возможности реконструкции палеоэкономики и социального устройства древнего общества, если для их изучения привлекается комплекс источников, обязательно включающий и этнографические параллели¹⁵. Использование последних позволили В. С. Сорокину сопоставить племена андроновской культуры и племени банту XVII—XVIII вв.¹⁶ Представляется, что подобное сравнение вполне применимо и к сосницким племенам, относя-

¹³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 1955, 4, стр. 4.

¹⁴ С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, 1965, № 1.

¹⁵ С. Н. Бибиков. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— СА, 1969, № 4.

¹⁶ В. С. Сорокин. Новые археологические данные о развитии семьи.— СА, 1959, № 4, стр. 14—16.

щимся к тому же, что и андроновцы, времени и близкому хозяйственно-культурному типу.

В XVII—XVIII вв. племена банту находились на стадии разложения родового строя. Банту жили в отдельных поселках — краалях, представлявших собой большие патриархальные семьи, внутри которых существовали малые парные семьи. Основу их хозяйства составляло скотоводство, главное место в котором занимал крупный рогатый скот. Стада пасли вблизи поселка, а на ночь загоняли в загоны, размещенные внутри его. У племен банту существовало мотыжное земледелие, не игравшее, однако, существенной роли в хозяйстве.

Орудия труда и оружие банту изготавливали из железа, выплавляемого в примитивных печах-ямах. В. С. Сорокин справедливо отмечает, что использование племенами банту железа не должно смущать и мешать сравнению их с племенами бронзового века, так как в Африке вообще не было бронзового века и основная часть населения «перешагнула» в железный век прямо из каменного. Племена банту не знали гончарного круга и посуду изготавливали ручным способом. Из приведенной характеристики основных черт хозяйственной жизни банту видно, насколько она близка хозяйству пустыньковского поселения. Если это действительно так, то можно предположить, что у них могли быть сходными и основные формы собственности. У племен банту они выглядят следующим образом. Вся земля находилась во владении племени и являлась его собственностью. Распоряжался землей и распределял ее вождь племени. Глава поселка распределял землю среди жителей крааля, ведущих самостоятельное хозяйство. Землю нельзя было ни дарить, ни продавать, ни передавать по наследству. Кроме отдельных участков, имелось еще общее поле, находящееся во владении всего поселка.

В каждом поселке было свое стадо. Оно распределялось между малыми семьями, составляющими отдельные хозяйства и состоящими из родителей и детей. Скот был собственностью такой семьи, и его можно было продавать и передавать по наследству. Какая-то часть скота, как и земля являлась собственностью всего поселка и предназначалась для обмена, культовых церемоний и других общественных целей.

Количество скота в семьях-хозяйствах банту было различным, что свидетельствовало о имущественном неравенстве. Существовало оно, по видимому, и в Пустынке. Имущественное и общественное неравенство среди племен восточнотшинской культуры прослеживается по материалам некрополей. Это отмечено Е. Ф. Лагодовской при исследовании Войцеховского могильника. Она же обратила внимание на явное различие в погребении мужчин и женщин, указывающее на более высокое положение мужчин в обществе и на вероятность насильственного умерщвления женщин-рабынь в случае смерти главы семьи¹⁷.

В Пустынке, очевидно, уже существовала личная собственность. Ее составляли не только жилище, домашняя утварь, орудия труда, но и скот. Тот факт, что зернотерки были встречены буквально в каждом

¹⁷ О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині.— Археологія, т. II. К., 1948, стр. 69.

жилище, убедительно свидетельствует о том, что производство муки являлось занятием каждой семьи, располагающей, по-видимому, собственными запасами зерна.

При неограниченной власти главы семьи, семейная собственность фактически становилась его личной.

Можно думать, что среди жителей Пустынки уже произошло выделение ремесленников-гончаров. Это предположение основывается главным образом на явной стандартности посуды, найденной в различных жилищах. Посуда представлена очень небольшим количеством основных форм (практически четыремя: тюльпановидный сосуд, горшок, банка и чаша). При этом каждая из форм имеет вполне определенный набор размеров и орнаментации, отклонения от которых очень редки и незначительны. Поражает так же сходство толщины стенок и дниц. Особенно показательным в этом плане являются чаши, орнаментированные бахромой из прочерченных линий. Фрагменты таких чаш, имеющих одинаковую форму и размеры, обнаружены почти в каждом жилище.

Представляется, что если бы посуду изготовляли в каждой семье, а не где-нибудь в одном месте, она отличалась бы большим разнообразием, индивидуальностью вкусов и технических особенностей. О выделении ремесленников-гончаров еще в трипольской культуре пишет С. Н. Бибилов¹⁸.

Некоторым подтверждением того, что на поселении Пустынка существовали специальные ремесленники-гончары, являются глиняные «кирпичи», для которых характерна стандартность форм и размеров. Чаще всего это яйцевидные вальки длиной 25 см и диаметром в наиболее широкой части 10 см. Возможно, глиняные кирпичи изготавливали те же мастера, которые делали посуду, но скорее всего это было специализированное производство, сосредоточенное в руках небольшой группы людей, для которых оно являлось основным занятием.

Существовала ли Пустынка в качестве родовой общины, как самостоятельная, самоуправляемая единица, или она входила в состав племени, включающего, по общепринятому мнению, обязательно несколько таких поселений, сказать трудно. С одной стороны, равнозначных поселений вблизи Пустынки обнаружить не удалось. С другой — в ряде мест на территории, занятой сосницкими памятниками, например в устье Десны, на Сейме, в районе Путивля, на участках протяженностью 20—30 км, расположено по 8—10 поселений. Вполне вероятно, что они были объединены общим управлением, единым названием, возможно общими празднествами, и составляли одно племя. Сосницкий вариант, включающий несколько десятков таких племен, скорее всего представлял собой союз племен.

¹⁸ С. Н. Бибилов. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, № 1, 1965, стр. 61.

Глава VI

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ХРОНОЛОГИЯ

Поселение Пустынка относится к сосницкому варианту восточнотшинецкой культуры, изучение которого только начато. В 1952—1954 гг. в результате разведочных, а затем и раскопочных работ в Левобережном Полесье была выделена своеобразная группа памятников эпохи бронзы, получившая название сосницкой¹. Уже тогда отмечалось ее резкое отличие от других памятников бронзового века Левобережной Украины и близость к памятникам комаровской культуры.

В 1959—1960 гг. И. И. Артеменко обнаружил памятники, близкие к сосницким, на Верхнем Поднепровье, в Гомельской и Могилевской областях. Публикуя эти материалы, автор отнес их к сосницкой группе, которую называет культурой².

В настоящее время наибольшая концентрация памятников сосницкого типа, представленных главным образом пойменными поселениями, наблюдается вокруг г. Сосницы при впадении Сейма в Десну, и в районе г. Путивль. Это — поселение Долинское (урочища Круг, Вершина, Боромка), Волинцево, Ивановка и др. Довольно значительное количество поселений сосницкого типа выявлено на Десне, вокруг Чернигова, в уроч. Татарская Горка, в селах Белоус, Певцы, Горица, Гришевка и др. Встречены они и ниже по Десне на территории от Чернигова до Остра в селах Леточки, Пуховка, Хатьяновка, Староселье. Среди пунктов, уточняющих распространение сосницких памятников, следует назвать Погореловку Белопольского района и Беседовку Хмелевского района Сумской области. Таким образом, по имеющимся в настоящее время данным, территория распространения сосницких памятников охватывает значительную часть Левобережного Полесья. На юге границей, по-видимому, является линия Киев—Ромны—Сумы, южнее которой

¹ С. С. Березанська. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі.— Археологія, т. XI. К., 1957, стр. 87—94.

² И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной горе.— СА, 1961, № 2, стр. 234, 235.

памятники сосницкого типа не известны. Северная граница не ясна и требует дальнейшего уточнения. Отдельные памятники, встреченные на Верхнем Днепре, возможно, свидетельствуют о проникновении небольших групп населения, а возможно, фиксируют северную границу распространения сосницкого варианта в целом. К югу от сосницких памятников расположена бондарихинская и срубная культуры, к востоку — абашевская и поздняя культура. Влиянием этих культур и связями с ними и объясняется в основном своеобразие сосницкого варианта восточнотшинецкой культуры по сравнению с другими вариантами. Среди поселений этой группы наиболее изучены Волянцеве, Ивановка, Гришевка и Пустынка. Погребения исследованы в небольшом количестве, но здесь, так же как и на Правобережье, установлен обряд групповых погребений в курганах (Харьевка) и трупосожжение в бескурганых могильниках (Лучин, Ходосовичи, Радуль, Пустынка) ³.

Наиболее отличительным признаком памятников сосницкого типа является керамика. Она изготовлена из глины с примесью песка и крупных зерен толченого гранита. Последнее резко отличает ее от керамики других культур, эпохи бронзы Левобережья (марьяновской, бондарихинской, срубной), при изготовлении которой в качестве примесей применялся только песок.

Сходство с керамикой других правобережных вариантов восточнотшинецкой культуры (роменского, припятского и киевского) проявляется также в манере обрабатывать поверхность сосудов при помощи ангобирования более светлой розовой, желтой или светло-серой глиной.

Среди наиболее типичных керамических форм следует назвать высокие, стройные сосуды со слабопрофилированным корпусом и плавно отогнутым венчиком, сосуды тюльпановидной формы с более выпуклым корпусом, горшки с зауженной горловиной, своеобразные банковидные сосуды срубного типа.

Отличительной особенностью керамики сосницкого варианта является наличие в нем довольно большого количества острорезной посуды. Банковидные сосуды с более или менее резким перегибом в верхней части корпуса встречены почти на всех поселениях сосницкого варианта. По форме корпуса и короткому утолщенному краю венчика они близки острорезным горшкам срубной культуры и появление их в сосницкой керамике следует рассматривать, очевидно, как результат контакта с племенами срубной культуры, проникающими в этот период на территорию Северной Украины.

Интересна другая отличительная особенность сосницкой керамики — почти полное отсутствие мисок. При раскопках Волянцевского и Ивановского поселений, а также двух землянок у хут. Гришевка не было найдено ни одной миски.

В Пустынке обнаружено четыре фрагмента мисок полусферической

³ И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной горе. — СА, 1961, № 2, стр. 232—236; С. С. Березанська. Поселення сосницкого типу у с. Гришівка. — Археологічні дослідження на Україні в 1970 р. К., 1971, стр. 64, 65.

формы с наколами по краю. Отсутствие мисок в комплексе сосницкой керамики резко отличает его от правобережных вариантов восточно-тшинецкой культуры, где миски широко распространены.

Характерным признаком сосницкой керамики является также ее орнаментация. В отличие от сосудов правобережных вариантов, у которых, как правило, украшена только верхняя часть корпуса, сосницкая посуда нередко орнаментирована полностью. Излюбленный мотив — пояс из коротких, косо поставленных черточек. Почти обязательным элементом орнаментации являются круглые наколы, нанесенные чаще всего под венчиком. Широко распространен орнамент из прочерченных линий, образующих заштрихованные треугольники и своеобразные «флажки», напоминающие орнаментацию абашевской посуды.

Отличительной особенностью орнаментации сосницкой керамики является крупный зубчатый штамп и крупный шнур, отсутствующие на Правобережье. В меньшей степени, чем в керамике, но достаточно отчетливо своеобразие сосницкого варианта проявляется и в характере каменных изделий. Из-за нехватки кремня многие орудия труда изготовлены из кварцита: серпы, тесловидные топорики, скребки, ножи и т. п. Кроме того, от изделий правобережных вариантов они отличаются и техникой изготовления — более грубой и примитивной.

Обнаруженные на поселении в Зазимье четырехсторонняя литейная формочка для отливки кельта и долот, а также литейная формочка для отливки вислообушного топора из землянки Волынцевского поселения дают основания предполагать у сосницких племен наличие местного бронзолитейного производства. Очевидно, здесь сказалось влияние срубной и абашевской культур, у которых в этот период уже широко были развиты обработка металла и изготовление металлических орудий: кельтов, долот и вислообушных топоров.

Уже приходилось отмечать, что хотя своеобразие сосницкого варианта по сравнению с другими выражено более отчетливо и резко, нет оснований видеть в нем, как это предполагает И. И. Артеменко, самостоятельную культуру⁴.

Совпадение у всех четырех вариантов таких важных признаков, как физико-географические условия, тип поселений, характер погребального обряда, основной керамический комплекс и тип орудий, — дают полное право считать сосницкие памятники одним из вариантов восточнотшинецкой культуры. Подобное мнение подтверждается тем, что все четыре варианта названной культуры (ровенский, припятский, киевский и сосницкий) имеют единую или во всяком случае близкую генетическую основу в виде культур шнуровой керамики.

Среди памятников сосницкого варианта наблюдаются некоторые различия. Одни из них, расположенные в северо-восточных районах ареала сосницкого варианта (в районе Сосницы, по Десне и Сейму), наиболее своеобразны и содержат особенно много черт, возникших в результате контакта с племенами срубной и абашевской культур.

⁴ С. С. Березанская. Средний период бронзового века в северной Украине. К., 1972, стр. 130—146.

Другие, расположенные по левому берегу Днепра (к ним относятся и Пустынка), значительно ближе к киевскому варианту и составляют как бы промежуточное звено между памятниками типично сосницкими и правобережными вариантами восточнотшинецкой культуры.

Вначале, при выделении сосницких памятников, когда создалось впечатление их чужеродности среди культур эпохи бронзы Левобережного Полесья, возникла мысль о передвижении группы племен тшинецкой или комаровской культуры с правого берега Днепра. Однако дальнейшие исследования сосницких памятников, в частности Пустынки, не подтвердили этих предположений. Тот факт, что и в домостроительстве, и в погребальном обряде, и в керамике прослеживаются некоторые черты преемственности сосницких памятников и памятников среднеднепровской культуры, прежде всего ее днепро-деснинского варианта, бытовавших здесь в предшествующий период, свидетельствует о ее местном происхождении.

Мысль о передвижении сосницких племен из днепровского Правобережья на восток не подтверждается также их датировкой, которая должна была бы по сравнению с правобережными памятниками несколько «запаздывать». Изучение восточнотшинецкой культуры показывает, что все ее варианты (в том числе и сосницкий) возникают, развиваются и прекращают существование примерно в одно и то же время. Для датировки сосницкого варианта имеются несколько предметов. К наиболее ранним из них, определяющим нижнюю границу существования сосницкого варианта, относится найденная на поселении Волянцево формочка для отливки вислообушного топора. На основании аналогичных топоров, обнаруженных в среднеднепровской⁵, абашевской культурах⁶ и на нескольких срубных поселениях под Воронежем⁷, волянцевская матрица может быть датирована XVI—XIV вв. до н. э.

Литейная формочка, обнаруженная на поселении Зазимье Киевской области, фиксирует верхнюю границу сосницкого варианта⁸. Все изображения четырехсторонней матрицы из Зазимья находят для себя многочисленные аналогии среди материалов, входящих в состав Причерноморских кладов, относящихся к сабатиновскому этапу срубной культуры. Согласно этим аналогиям матрицу из Зазимья можно датировать XIII—XI вв. до н. э. Для хронологии памятников сосницкого типа существенна возможность синхронизации со срубной, абашевской и марьяновской культурами. С сосницким вариантом может быть сопоставлен лишь средний этап марьяновской культуры, получивший название малобудковского. Об этом свидетельствует стратиграфическое залегание культурных слоев на поселении Ивановка, где землянка с керамикой сосницкого типа перерезала жилище марьяновской культуры.

⁵ И. И. Артеменко. Указ. соч., стр. 45—47, рис. 11, 28, 19.

⁶ О. Н. Евтюхова. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья. Новое в советской археологии. М., 1965, стр. 140, 141.

⁷ Т. В. Подгаецкий и Н. В. Валукиский. Археологические исследования РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 158, 159, табл. XXIV, 6, 9.

⁸ М. Б. Барбон, С. С. Березанська. Поселения Сосницкого типа біля с. Зазимья на Київщині.— Археологія, т. XXIII, 1970, стр. 164, 165.

Малобудковский этап датируется матрицей кельта, найденной на поселении Студенок V⁹. А. М. Лесков справедливо сравнивает ее с литейной формочкой из Малых Копаней и датирует серединой II тысячелетия до н. э.¹⁰ О синхронизации сосницкого варианта с ранним этапом срубной культуры свидетельствует появление на поселениях Пустынка, Ивановка, Боромка и других острореберных сосудов и банок срубного типа, орнаментированных косыми прочерченными линиями и отпечатками зубчатого штампа. На сходство керамических форм и орнаментации посуды сосницкого варианта и абашевской культуры уже обращалось внимание. О синхронизации с абашевской культурой, датируемой XIV—XII вв. до н. э., свидетельствует также сходство вислообушных топоров.

В целом сосницкий вариант может быть датирован XVI—XII вв. до н. э., а относящееся к нему поселение Пустынка помещено в границах существования этого варианта.

На самом поселении датирующие материалы очень незначительны. Следует напомнить о том, что во многих жилищах и в культурном слое была найдена керамика с многоваликовой орнаментацией. Условия ее находок не позволяют прийти к окончательному выводу, является ли эта керамика одновременной с остальной и оказавшейся на поселении в результате культурных связей или это механическая примесь, случайно попавшая из культурного слоя стоянки, существовавшей здесь в предшествующее время. Однако как бы ни решился в дальнейшем этот вопрос, датирующая роль многоваликовой керамики для поселения не теряет своего значения.

В последнее время получены новые данные для хронологии — памятники с многоваликовой орнаментацией, позволяющие датировать их XVI—XIV вв. до н. э.¹¹, следовательно, можно быть уверенным, что поселение Пустынка возникло не ранее этого времени.

Среди датирующих предметов, обнаруженных на поселении, наиболее интересны глиняные диски-«светильники» (рис. 43, 1—3). При опи-

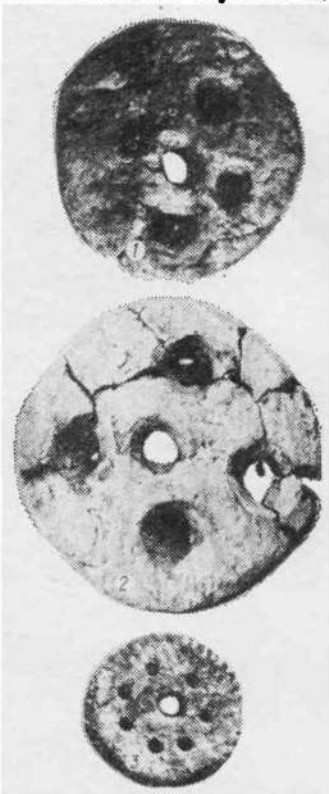

Рис. 43. Глиняные светильники:
1, 2 — Пустынка; 3 — Нещеров.

⁹ Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг.—КСИА АН УССР, вып. 8. К., 1959, стр. 72.

¹⁰ А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. К., 1967, стр. 164.

¹¹ С. Н. Братченко. Багатшарове поселення Лівенцівка I на Дону.—Археологія, т. XXII, 1969, стр. 229.

сании керамических изделий отмечалось, что на поселении найдено шесть своеобразных глиняных дисков, которые по форме, величине и, вероятно, назначению очень похожи на изделия, обнаруженные в Мике-

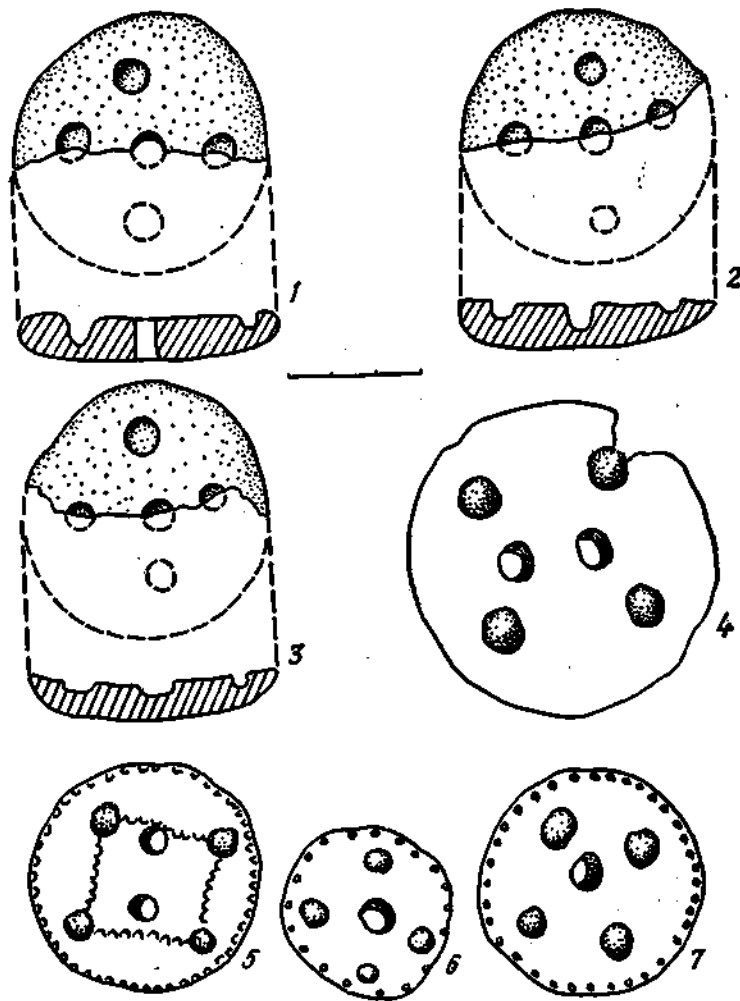

Рис. 44. Глиняные, костяные, бронзовые светильники:
1, 2, 3 — Пустынка; 4, 5 — Каковатос; 6, 7 — Микены. 4—7 по Б. Алану и Дж. Уэйсу.

нах и Каковатосе. Несмотря на удаленность названных пунктов и отсутствие в настоящее время промежуточных звеньев, сходство предметов из Греции и Украины настолько разительно и бесспорно, что игнорировать его для определения возраста поселения, очевидно, было бы ошибочно (рис. 44, 1—7). Диски из Микен и Каковатоса датируются позднеэлладским периодом III А или III Б, то есть 1450—1250 гг.

до н. э. Эта дата согласуется с теми небольшими материалами, которые являются датирующими для поселения. В одном из жилищ обнаружена часть бронзовой круглой бляхи с пунсонным орнаментом по краю и ушком на вогнутой стороне. Подобные бляхи найдены в одном из погребений Войцеховского могильника¹² и в кургане у с. Печеры¹³.

Оба эти погребения по совокупности признаков относятся к позднему периоду восточнотшинецкой культуры и могут быть датированы XIII—XI вв. до н. э. Найденная на поселении бронзовая булава с петлевидной головкой так же не противоречит указанной дате. Такие булавки появляются сравнительно рано (они известны в Народичах и Войцеховском могильнике¹⁴), хотя встречаются и в более позднее время, в частности в милоградской и раннескифской лесостепных культурах, правда в последних они чаще железные.

На основании изменений в керамике, прежде всего памятников, располагающих металлическими изделиями, была проведена периодизация поселений и погребений восточнотшинецкой культуры¹⁵. Поздними чертами следует считать появление сосудов с примесью песка, тонкостенность, шероховатость поверхности, закругленный или заостренный край венчика; горшков с выпуклым корпусом и маленьким слабо отогнутым венчиком, банок, а также появление в орнаментации наколов, жемчужин, валиков белогрудовского типа, однозональности узора.

Изучение керамики Пустынковского поселения позволяет отнести его к позднему периоду восточнотшинецкой культуры, который датируется XIII—XII вв. до н. э., возможно началом XI в. до н. э.

В радиоуглеродной лаборатории Института геохимии и физики минералов АН УССР получено определение возраста поселения Пустынка по C_{14} —1190±100.

¹² С. Ф. Лагодовська, Ю. М. Захарук. Нові дослідження Войцехівського могильника.— АП, т. VI, 1956, рис. 1, 2.

¹³ В. Д. Рыбалова. О хронологии памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине.— Археологический сборник Эрмитажа, № 2. Л., 1961, рис. 11, 1.

¹⁴ О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині.— Археологія, т. II, 1948, рис. 2, 4, 5.

¹⁵ С. С. Березанская. Средний бронзовый век в северной Украине. К., 1972, стр. 168—173.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше были рассмотрены различные материалы, обнаруженные при раскопках поселения: жилые и хозяйственные постройки, культовые сооружения, инвентарь. Количество и качество этих материалов далеко не одинаково и не равноценно. Так, если данные о жилищах полны и разносторонни, то сведения об орудиях труда значительно скромнее. Если исследование культовых построек дало много интересных фактов для характеристики духовной жизни обитателей поселка, то представление об их хозяйственной деятельности после проведения раскопок стало ненамного полнее.

К сожалению, археологические памятники, освещающие с одинаковой полнотой все стороны жизни древнего населения, встречаются крайне редко. С этой досадной, но, по-видимому, неизбежной спецификой археологических источников приходится мириться, компенсируя ее максимальным использованием тех материалов, которые раскрывает данный памятник. При этом едва ли имеет смысл искусственно восстанавливать равновесие и пытаться с одинаковой полнотой освещать различные стороны исследуемого памятника.

Исходя из этих соображений в работе о Пустынковском поселении основной упор сделан на двух вопросах — домостроительстве и культовых постройках, располагающих для своей характеристики сравнительно большим фактическим материалом.

Основная ценность поселения (не блещущего ни богатством инвентаря, ни материалами для хронологии) состоит в том, что оно было исследовано полностью и раскопано на широкой площади. Благодаря этому были получены достоверные сведения о размерах поселения, количестве жилых и хозяйственных построек, о существовании культовых сооружений и в конечном итоге о планировке.

В целом, не вызывает сомнения, что при настоящих, значительно возросших к археологическим исследованиям требованиях проведение раскопок на поселениях широкими площадями должно стать более или менее правилом и нормой. Представляется, что дальнейшим шагом

будет изучение группы или «куста» поселений, соответствующих племенному образованию.

Только исследования подобного плана помогут ответить на вопрос, является ли Пустынка обычным рядовым поселением или составляет нечто из ряда вон выходящее. Подобный вопрос важен не только для изучения тшинецкой культуры, но имеет и более широкое значение. Так, например, до сих пор не выяснено, является ли Усатовское поселение ординарным памятником позднетрипольских племен, много ли было в ямной культуре поселений типа Михайловки и пр. Между тем совершенно очевидно, что от решения этих вопросов зависит получение данных, позволяющих осветить многие важные стороны хозяйства, социального устройства и демографии древнейших племен Украины.

Насколько возрастают и расширяются возможности археологических материалов, как исторических источников при изучении комплекса памятников, убедительно показано в работах, посвященных моделированию палеоэкономики трипольцев, предпринятому на основании изучения свиты трипольских поселений на Каневщине¹.

Часть жилищ Пустынковского поселения погибла от пожара, в результате чего хорошо сохранились обуглившиеся фрагменты дерева, участки обожженной глины. Благодаря этому удалось составить довольно ясное представление об устройстве жилищ, крыши, стен, очагов и т. д. Не вызывает сомнения высокая техника домостроительства, и в частности знакомство жителей поселка с разнообразными способами обработки дерева и глины. Становится понятным большое количество разнообразных деревообрабатывающих орудий, представленных, например, своеобразным набором столярных инструментов, изображенных на литейной формочке из Зазимья.

Материалы Пустынковского поселения, сопоставленные с данными, полученными при исследовании других близких по времени и культуре поселений, позволили реконструировать жилище, причем не только его размеры и устройство, но и внутреннюю планировку. Сейчас можно говорить о том, что в среднем и позднем периодах бронзового века на Северной Украине жили в землянках, имеющих невысокие наземные стены, облицованные деревом или камышом и в большинстве случаев обмазанные глиной изнутри. Жилища имели двускатную крышу и часто были разделены на два помещения, одно из которых было кухонным, другое — спальным.

Большой интерес представляют хозяйственные постройки, особенно сооруженные на сваях. Проблема свайных построек, давно привлекающая внимание зарубежных археологов, в отечественной литературе почти не разрабатывалась. Между тем климатические условия Полесья с его болотистыми почвами и повышенной влажностью дают основания предполагать, что в Северной Украине и в Южной Белоруссии этот тип

¹ С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, 1965, № 1, стр. 48—62; его же. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии.— Тезисы докладов Всесоюзной сессии посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинев, 1967, стр. 12—15.

построек мог быть достаточно широко распространен. Раскопки в Пустынке, а также некоторые другие материалы, приведенные в данной работе, свидетельствуют в пользу такого предположения. В частности, они подтверждают одно из давно высказанных, но все еще спорных предположений о том, что большинство свайных поселений сооружались не на воде, а близ воды, на берегу. Можно надеяться, что более внимательное отношение к следам свайных построек в торфяниках Черниговщины и ряда белорусских областей приведет к открытию многих интересных материалов, характеризующих свайные поселения.

При выяснении истоков домостроительства Пустынки рассмотрение материалов проводилось в основном в двух направлениях: среди поселений, близких Пустынке по времени и культуре, и среди памятников, расположенных на той же или близкой территории, но относящихся к предшествующему времени. Такой обзор поселений и жилищ Северной Украины в эпоху бронзы привел к выводу о том, что в домостроительстве Пустынки следует четко различать черты времени, присущие широкому кругу поселений, и черты данной археологической культуры. Чертами времени, иначе стадийными чертами, распространенными на широкой территории и свойственными поселениям многих синхронных или близких по времени культур, расположенных в сходных физико-географических условиях, являются пойменная топография, уличная планировка, сочетание наземных и углубленных жилищ. Эти особенности не могут рассматриваться как характерные черты только восточнотшинецкой культуры. Тенденция к круговой планировке, двухкамерность жилищ, широкое применение в домостроительстве сырой и обожженной глины, хозяйственные постройки на столбах, являются чертами, свойственными только данному кругу памятников. Многие из названных черт находят прямые и близкие аналогии в памятниках Лесостепной Украины, как предшествующего, так и последующего времени и свидетельствуют об устойчивости традиций, корни которых уходят в трипольскую культуру.

В устройстве пустынковских жилищ прослеживается некоторое влияние восточных соседей, прежде всего племен срубной культуры. Оно сказывается в увеличении размеров жилищ, что в свою очередь связано с навыками использования при строительстве дерева, в частности в облицовке деревом стен.

При изучении бронзового века лесостепных районов Восточной Европы обращает внимание бедность памятников, связанных с духовной культурой. В этот период исчезает глиняная пластика, широко распространенная здесь в эпоху неолита, отсутствуют антропоморфные стелы и каменные расписные ящики, характерные для степных причерноморских районов, зверный стиль в орнаменте и высокохудожественные изделия из металла, присущие этой территории в более позднее время. Погребальные сооружения предельно скромны и невыразительны.

Тем большую ценность приобретают материалы, проливающие свет на духовную жизнь лесостепных племен. Важно открытие комплексов культовых памятников в Пустынке, представленного двумя построй-

ками, жертвенником, группой культовых захоронений кальцинированных костей, погребениями животных под очагами. Характеристика этого комплекса дала возможность судить о некоторых сторонах идеологических представлений жителей поселка, вернее об отражающих такие представления культовых церемониях и обрядах.

Данное в работе толкование культовых построек, возможно, не всегда убедительно. В качестве оправдания можно заметить, что при раскопках подобных памятников, более сложных, чем бытовые сооружения, и особенно при попытке их осмысления исследователями редко покидает чувство неуверенности. Оно вызвано ясным сознанием того, что некоторые черты, а возможно и целые стороны жизни древнего общества (как и некоторые предметы), исчезли бесследно и что никакая тщательность раскопок не в силах восполнить этой потери.

Рассмотрение культовых памятников, известных на территории Лесостепной Украины в эпоху бронзы, позволило определить среди них место пустынковских сооружений, выяснить круг сходных явлений, установить некоторые аналогии. Можно констатировать, что духовная жизнь более подвержена изменениям и влияниям, чем хозяйство и быт, которые на протяжении многих столетий иногда почти не меняются. По-видимому, влияние проникающих со стороны идей было не меньшим, а может быть и большим, чем влияние вещей. Ощутимо прослеживается оно и в идеологии лесостепных племен Украины. Ярким примером тому служит факт, что в общество, где долгое время господствовал обряд трупосожжения и были известны грунтовые могильники, в ранний период бронзового века, совпадающий с распространением культур шнуровой керамики, проникает обычай насыпать курганы. Не вызывает сомнения, что новый погребальный обряд принес с собой целый круг новых идей, обрядов и культов. И хотя древний обычай трупосожжения на территории Северной Украины все же одержал победу и к середине II тысячелетия до н. э. снова получил широкое распространение, он выглядит уже значительно измененным. Это один из примеров того, что непосредственная преемственность в развитии идеологии наблюдается очень редко. Обычно древние традиции преобразуются до неузнаваемости. Учитывая сказанное, можно считать удачей, что в устройстве культовых сооружений Пустынки удалось проследить вполне отчетливые черты, присущие духовной культуре коренного населения Северной Украины на протяжении значительного отрезка времени. Истоки и корни некоторых из них обнаруживаются в трипольской культуре.

Вещественного материала на поселении найдено сравнительно мало. Создается впечатление, что жители поселка, прежде чем покинуть его, унесли с собой наиболее ценное имущество. И все же фрагменты посуды и реставрированные сосуды из Пустынки составляют в настоящее время самую большую и полную коллекцию, характеризующую керамику поселений, не только сосницкого варианта, но и всей восточнотшинецкой культуры. Материал Пустынки впервые дал возможность составить более или менее полное представление о керамическом комплексе, бытующем в хозяйстве восточнотшинецких племен. Значение

коллекции из Пустынки увеличивается в связи с тем, что она происходит с поселения, исследованного целиком, и взята из жилищ, раскопанных полностью. При таких условиях приобретают интерес статистические подсчеты, позволяющие выяснить среднее количество посуды, используемой обитателями жилища, что в конечном итоге способствует выяснению состава семьи и количества жителей поселка.

Другим важным результатом массового характера керамики из Пустынки является наблюдение о сходстве и графаретности форм, технологии и орнаментации посуды, происходящей из различных жилищ. Они позволили высказать предположение о существовании на поселении группы людей, ремесленников-гончаров, основным занятием которых являлось изготовление посуды не только для себя, но и для обмена.

В противоположность домостроительству, идеологии и хозяйству, проявляющим черты сходства и преемственности с соответствующими сторонами культур предшествующего времени, керамика Пустынки своеобразна и почти не дает оснований говорить о каких-то генетических связях с керамикой предшествующего периода. В ней гораздо ярче проявляются признаки времени, присущие ряду лесостепных культур Восточной Европы, в керамике которых к середине II тысячелетия до н. э. шнуровой орнамент заменяется прочерченным, появляются сходные формы (банковидные и тюльпановидные сосуды) и композиционные схемы (треугольники, параллельные пояса и т. д.).

Кремневый и каменный инвентарь Пустынки беден и однообразен. Почти не найдено металлических изделий. Тот факт, что на Пустынковском поселении, раскопанном почти полностью, найдено всего два небольших металлических предмета, весьма показателен. О том, что это не случайность и что Пустынка не является исключением, свидетельствуют исследования на других поселениях среднего и позднего периодов бронзового века. Так, например, раскопками на поселении в Мошнах выявлены бронзовый ножичек и обломок какого-то маленького орудия. Не менее показательны раскопки поселений Андрусовки и Чикаловки. На первом из них найден обломок булавки, колечко и кусочек медной проволоки², на втором — черенок кинжала и тонкий проволочный браслет³. Традиционное представление о том, что металл берегли и обломки не выбрасывали, а переплавляли, безусловно, имеет место. Однако приведенные факты и то обстоятельство, что основной набор орудий труда и оружия — топоры, серпы, тесла, наконечники копий и стрел — на поселениях типа Пустынки остается каменным, достаточно убедительно свидетельствует о слабом развитии бронзолитейного производства на Северной Украине в среднем и даже позднем периодах бронзового века. В связи с этим становится очевидным, насколько неодинаковым в эпоху бронзы был уровень, вернее характер, раз-

² Е. В. Покровська, Е. О. Петровська. Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка.— Археологія, т. XIII, 1962, стр. 143, рис. 11.

³ І. М. Шарафутдінова. Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука.— Археологія, т. XVII, 1964, стр. 162.

вития различных районов Украины. Это становится особенно ясным, если вспомнить сотни кладов бронзовых изделий, обнаруженных в Причерноморских степях, или, например, поселение культуры Ноа—Островец, где было найдено более трех десятков бронзовых предметов и литейных форм⁴. Возникает вопрос об относительности и условности понятия «бронзовый век» с его этапами (ранний, развитый и поздний) применительно к северным и южным областям Украины.

Пустынка, не имеющая датирующих металлических изделий, дала материалы, уточняющие хронологию не только самого поселения, но и всей группы сосницких памятников. Речь идет о своеобразных глиняных дисках с симметричными отверстиями по краям, находящихся аналогии в чрезвычайно близких по форме и, вероятно, по назначению бронзовых, костяных и глиняных предметах, обнаруженных в Микенах и Каконатосе и датируемых XIII—XII вв. до н. э. Хронология этих изделий подтверждает дату, полученную для поселения на основании сравнительно-типологического анализа керамики и по C₁₄. Следует также отметить, что керамическая коллекция из Пустынки способствовала выделению признаков, характеризующих посуду позднего этапа развития восточнотшинецкой культуры и, таким образом, ее хронологическому расчленению.

При раскопках поселения встречены некоторые материалы, отражающие хозяйственную деятельность его обитателей. Изучение выявленного материала дает твердую уверенность, что поселки типа Пустынки были местами долговременного обитания оседлого населения. В этом убеждают не только размеры и планировка поселения, но и устройство самих жилищ. Свообразие природных условий Полесья определило характер экономики населения этого района. Основой его хозяйства являлось приселищное скотоводство, в котором главное место занимало разведение крупного рогатого скота и свиней. Земледелие играло второстепенную роль.

В работе даны некоторые расчеты по определению сенокосных угодий и засеваемых площадей, находящихся во владении жителей Пустынки. Предпринята также попытка выяснения количества зерна и мяса, приходящихся в год на душу населения. Несмотря на спорность и предварительный характер вопросов, связанных с палеоэкономикой, проведение подобного опыта на основании материалов и наблюдений, полученных при раскопках в Пустынке, представляются все же целесообразным.

Оказалось возможным поставить некоторые демографические вопросы. Так, изучение комплекса жилищ, имеющих в среднем одинаковые размеры и близкую планировку, позволяет высказать предположение о количестве жителей одного дома, составляющем 10—12 человек. Тот факт, что на поселении были обнаружены все или почти все бытовавшие одновременно жилища, позволил произвести примерный подсчет общего количества его обитателей (200—250 человек).

⁴ Е. А. Балагурі. Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської області.— Археологія, т. XXI, 1968, стр. 145, рис. 5.

Раскопки в Пустынке дали некоторые материалы для суждения о том, что представляло собой поселение с точки зрения общественного устройства и социальных отношений. Можно предполагать, что это была община, включающая представителей разных родов. Основной экономической ячейкой на поселении являлась семья, ведущая общее хозяйство. В качестве родовой общины Пустынка, вероятно, входила в состав племени, включающего несколько таких родовых поселков и объединенных общим управлением. Привлечение этнографических параллелей позволило поставить вопрос о формах собственности на землю и скот и предположить, что в принципе они, по-видимому, мало отличались от форм собственности, распространенных у некоторых африканских племен в XVI—XVII вв.

Материалы Пустынки, ярко раскрывающие тип памятника сосницкого варианта восточнотшинцевой культуры, отчетливо показали, как прочно переплелись в нем черты, присущие комаровской и тшинцевой культурам. Таким образом, раскопки на поселении еще раз подтвердили высказанное ранее предположение о том, что сосницкая группа представляет собой не что иное, как наиболее восточный вариант тшинцевой культуры, входящий в тшинцево-комаровскую культурно-этническую общность.

В данной связи не лишен интереса тот факт, что на поселении встречена серия материалов, связывающих его с археологическими памятниками Верхней Десны, до сих пор остававшимися без культурно-хронологического определения. Близость Пустынки к поселениям почапского типа позволяет отнести последние к сосницкой группе памятников и тем самым более обоснованно судить о северных границах распространения сосницкого варианта.

В целом нельзя рассчитывать, что раскопки отразили все стороны хозяйства и быта поселения. Вероятно, некоторые аспекты жизни его обитателей так и остались скрытыми. И все же совокупность данных, полученных в поле и при камеральном исследовании, позволила, пусть в самых общих чертах, обрисовать поселение второй половины II тыс. до н. э. на территории Северной Украины.

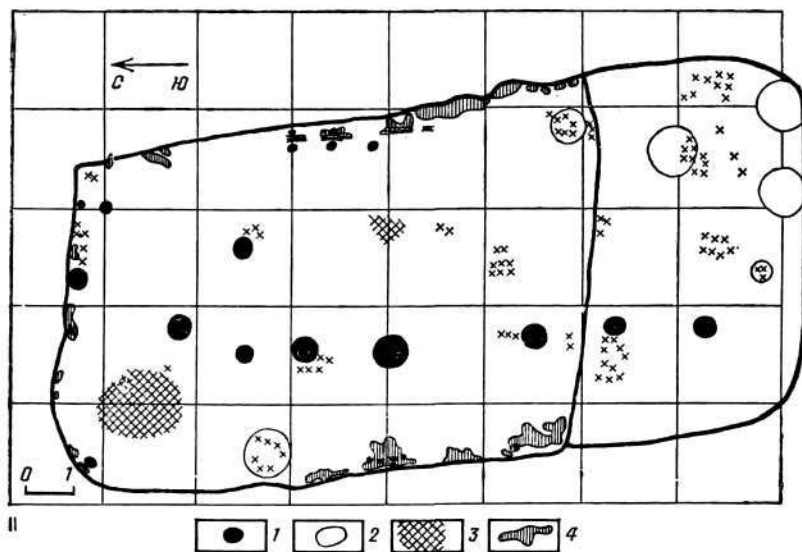
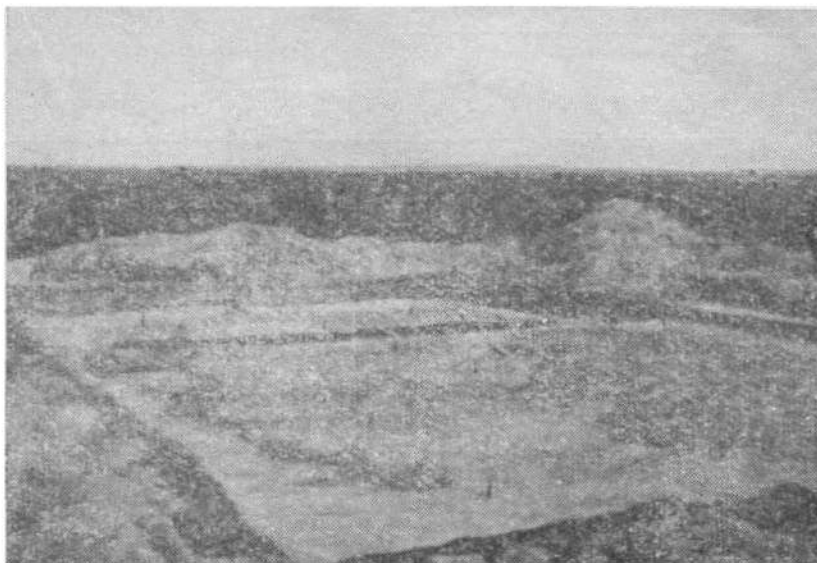

Табл. I. Жилище № 2: -

I - пятно жилища; II - план жилища: 1 - ямы от столбов; 2 - хозяйственные ямы; 3 - очаги; 4 - остатки дерева.

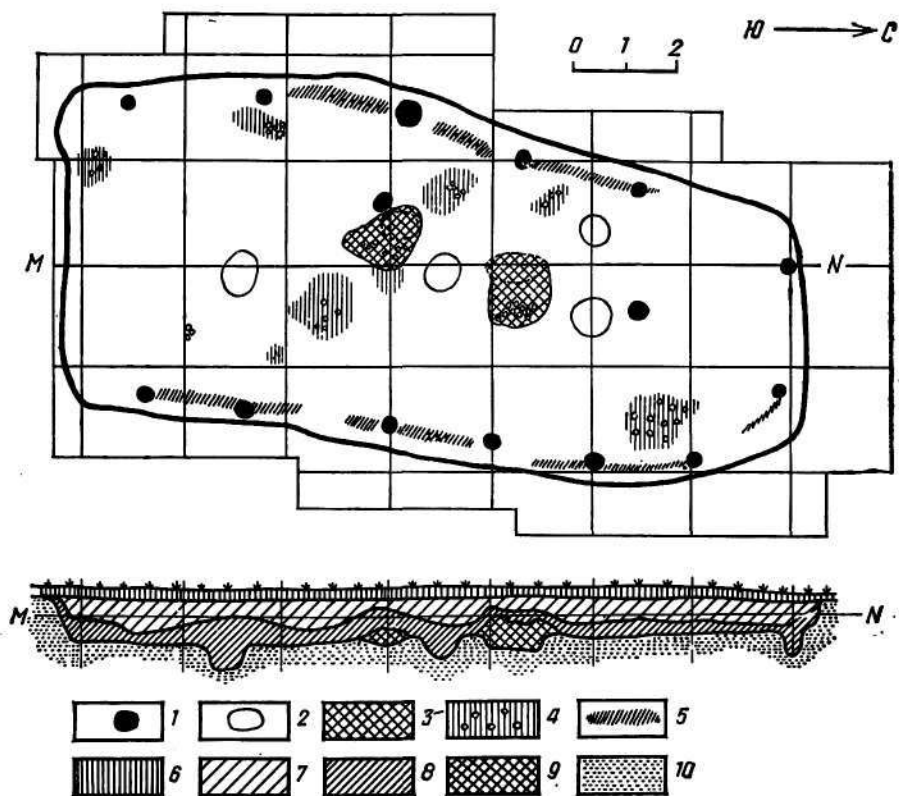

Табл. II. План и разрез жилища № 3:

1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаги; 4 — вымостки из глины; 5 — остатки сгоревшего дерева; 6 — гумус; 7 — серый песок; 8 — темный песок; 9 — вола; 10 — светлый материковый песок.

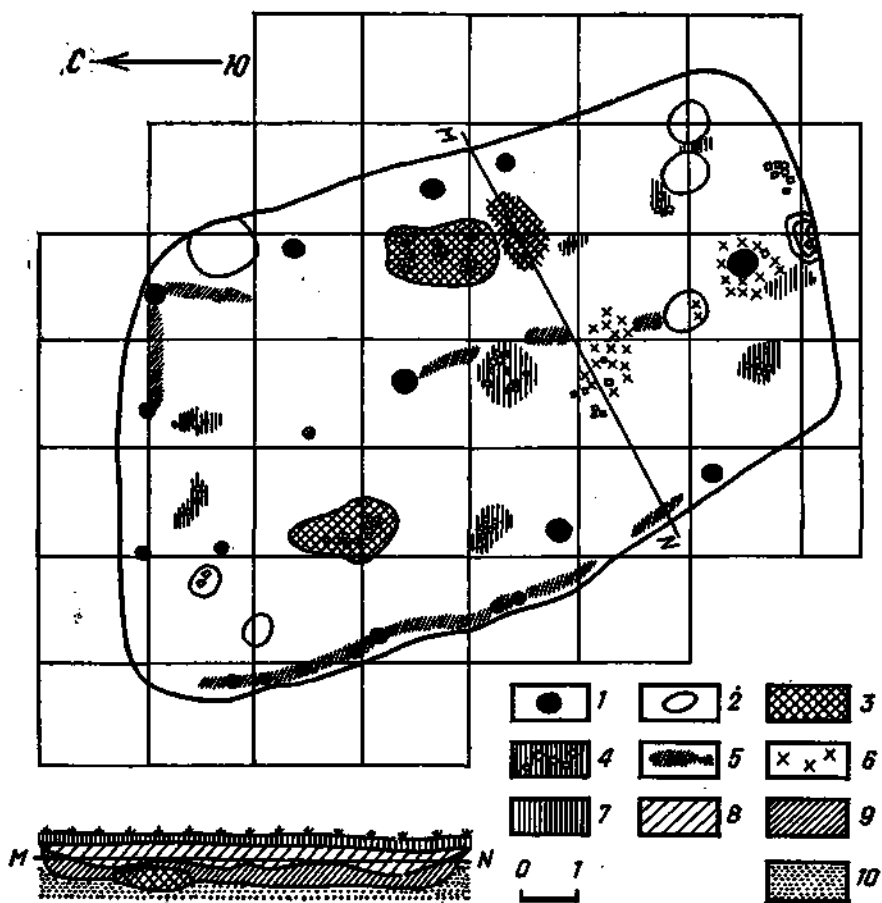

Табл. III. План и разрез жилища № 4:

1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаги; 4 — вымостки из глины; 5 — остатки сгоревшего дерева; 6 — скопления керамики; 7 — гумус; 8 — серый песок; 9 — темный песок; 10 — светлый материковый песок.

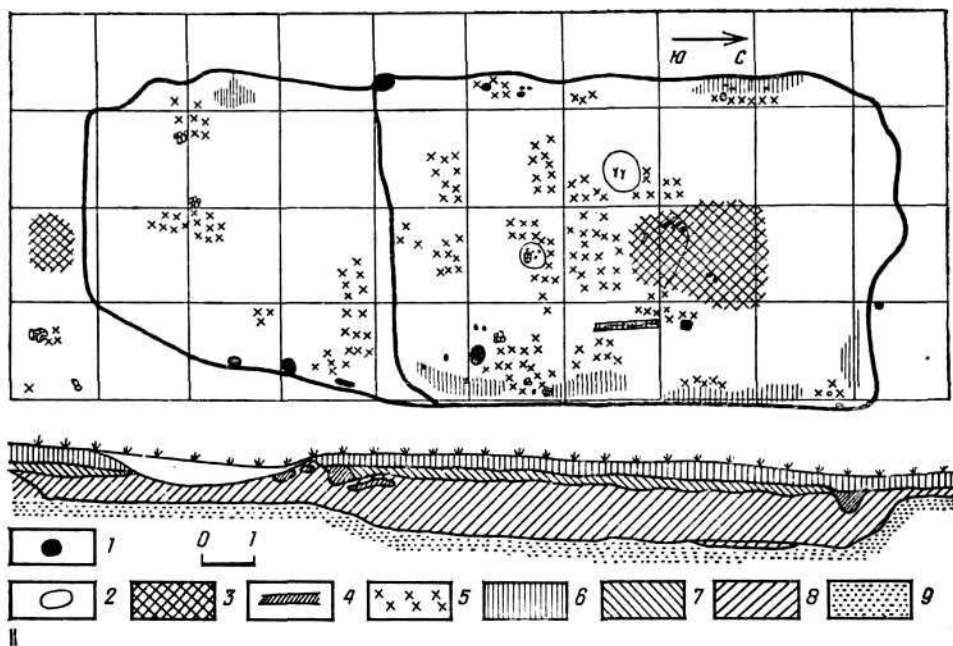

Табл. IV. Жилище № 5.

I — пятно жилища; II — план и разрез жилища: 1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаги; 4 — остатки сгоревшего дерева; 5 — скопление керамики; 6 — гумус; 7 — серый песок; 8 — темный песок; 9 — светлый материковый песок.

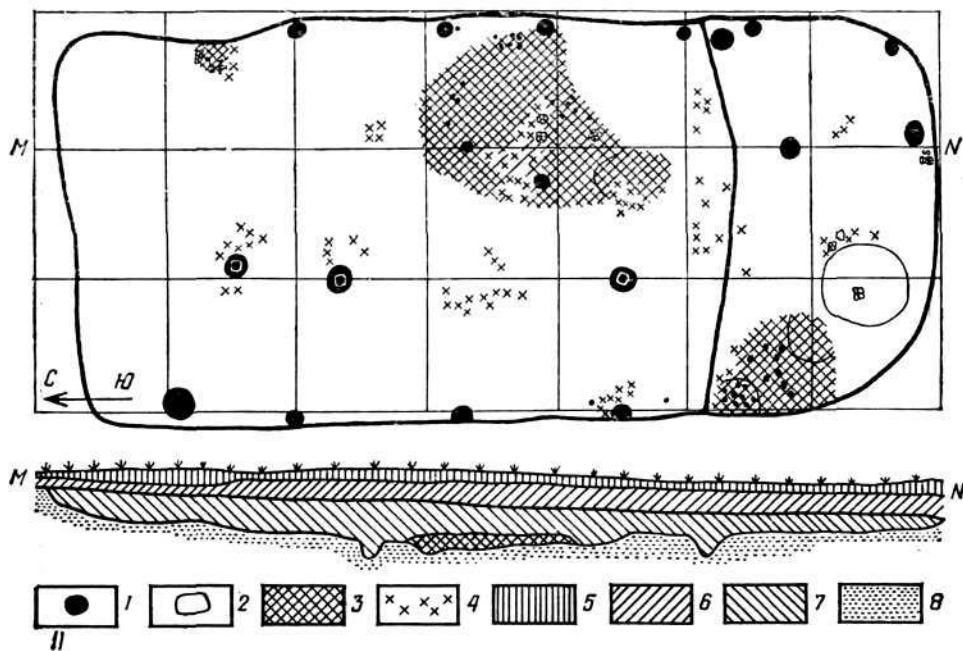
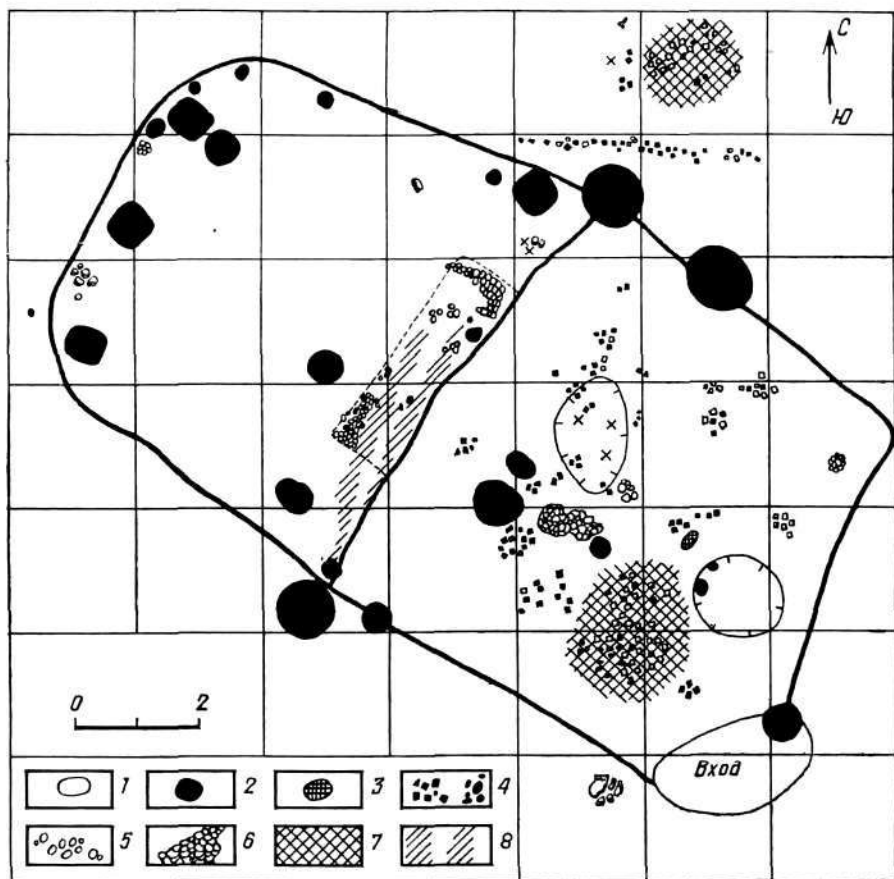

Табл. V. Жилище № 6:

I — пятно жилища; II — план и разрез жилища: 1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаги; 4 — скопление керамики; 5 — гумус; 6 — серый песок; 7 — темный песок; 8 — светлый материковый песок.

И

Табл. VI. Жилище № 7:

I — пятно жилища; II — план жилища: 1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — погребения с кальцинированными костями; 4 — скопления керамики; 5 — глиняные вальки; 6 — вымостки из глины; 7 — очаги; 8 — остатки сгоревшего дерева.

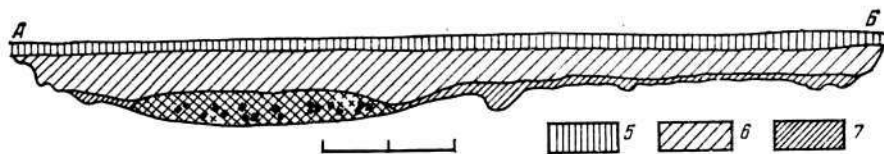
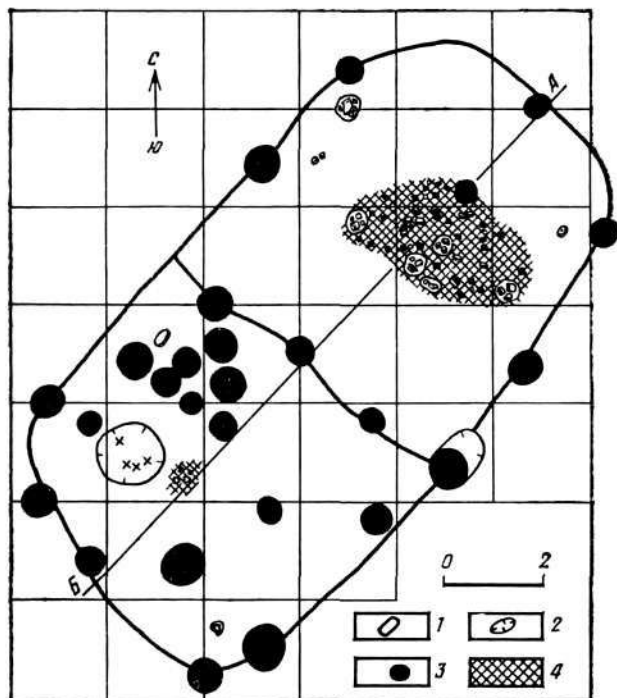

Табл. VII. План и разрез жилища № 9:

1 — контуры жилища № 9; 2 — хозяйственные ямы; 3 — ямы от столбов; 4 — очаг; 5 — гумус; 6 — серый песок; 7 — темный песок

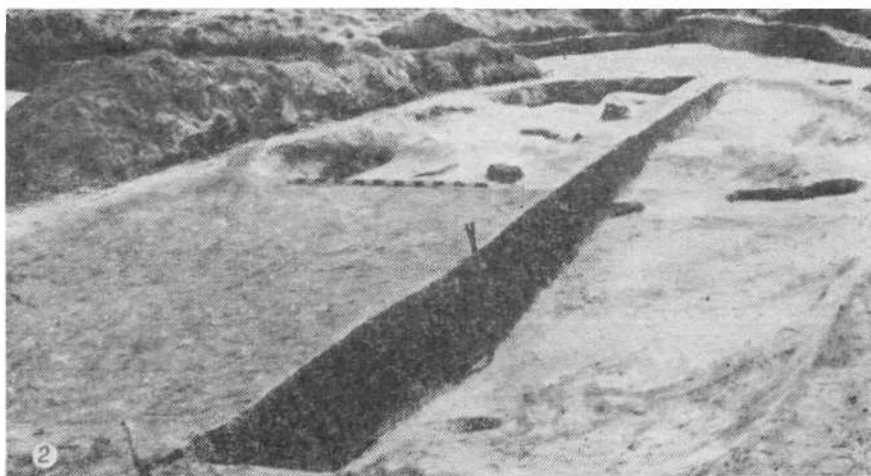
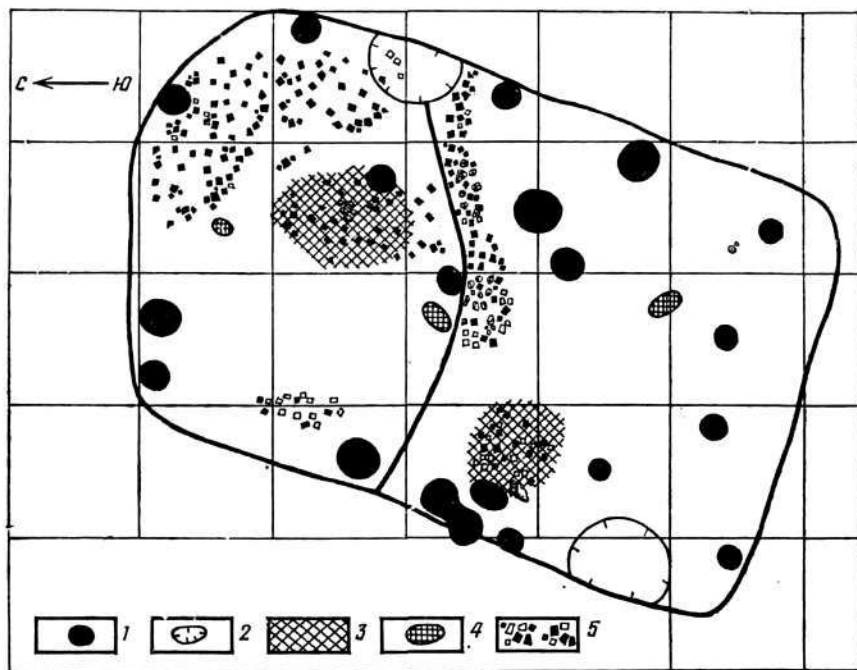
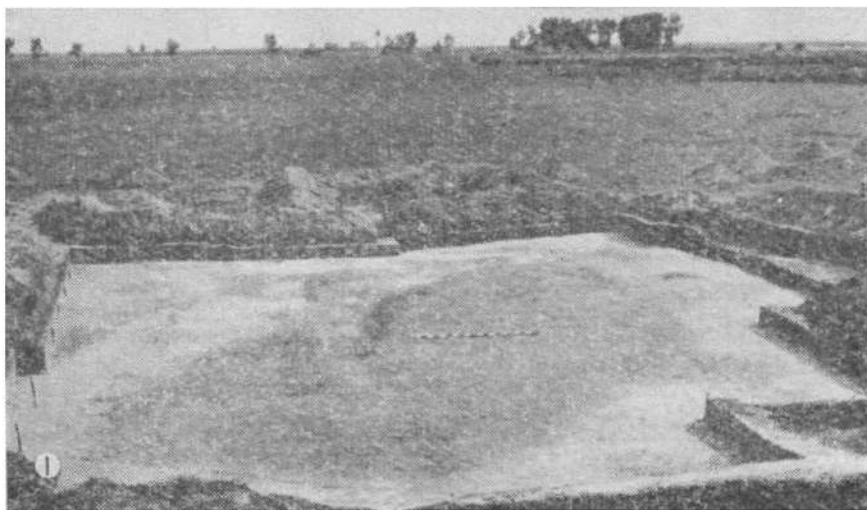

Табл. VIII. Разборка жилища № 8.

II

Табл. IX. Жилище № 10:

I — пятно жилища; II — план жилища: 1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаги; 4 — погребения с кальцинированными костями; 5 — скопление костей и керамики.

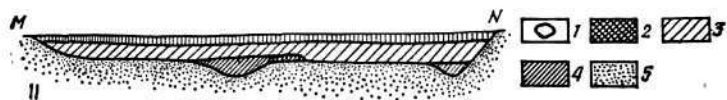
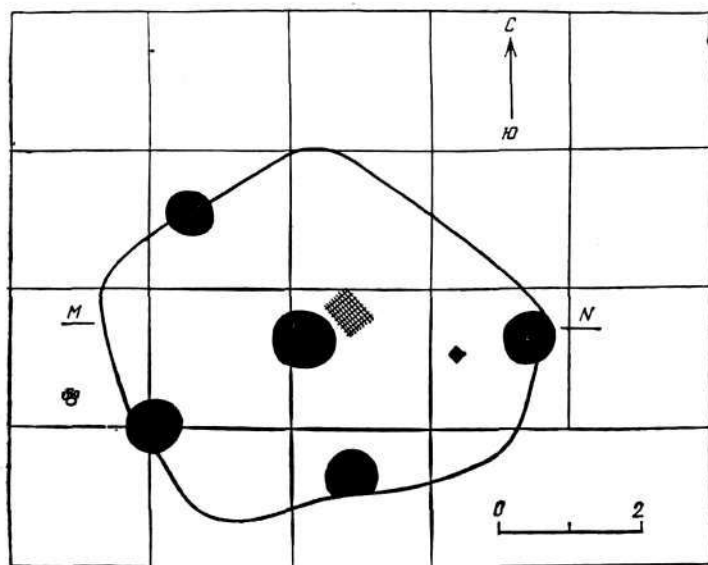
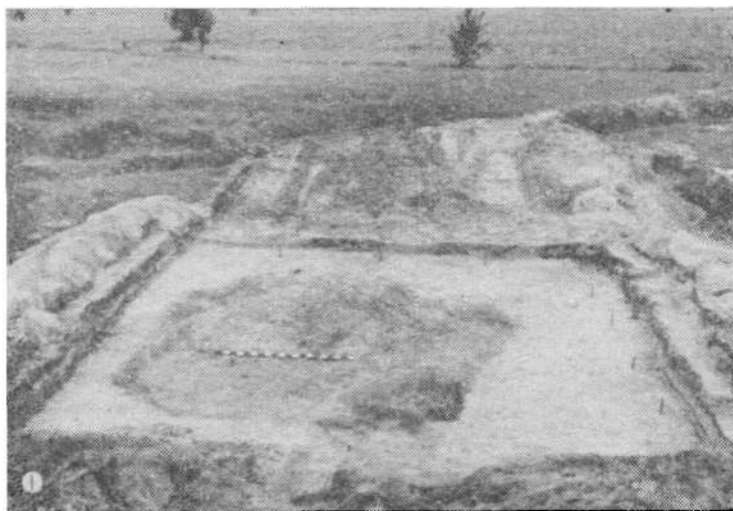

Табл. X. Хозяйственная постройка № 1;

I — пятно хозяйственной постройки; II — план и разрез хозяйственной постройки: 1 — ямы от столбов; 2 — очаг; 3 — гумус; 4 — темный песок; 5 — светлый материковый песок.

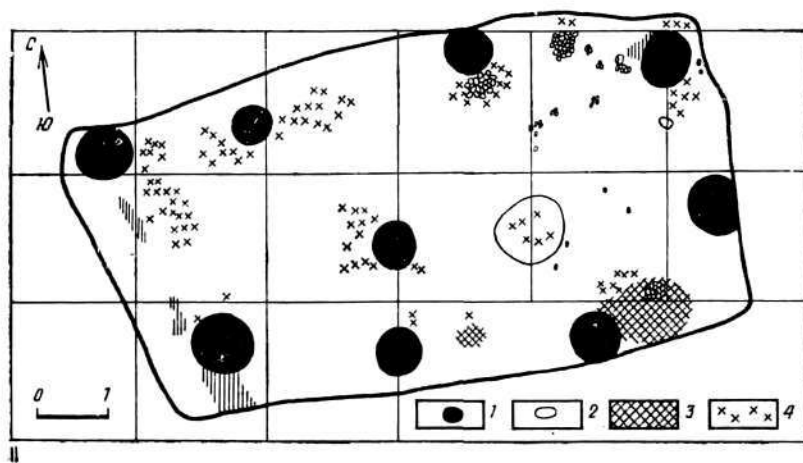
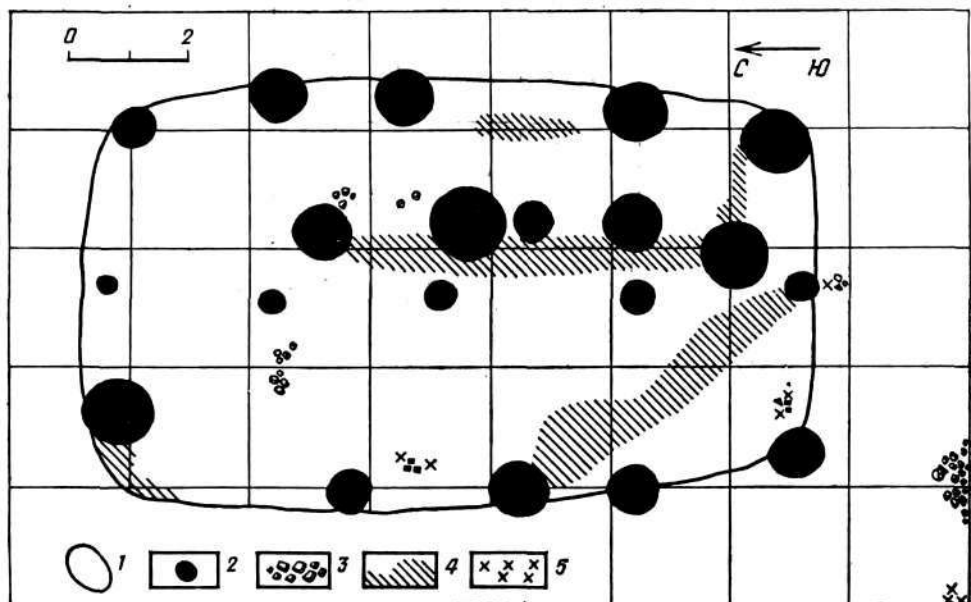
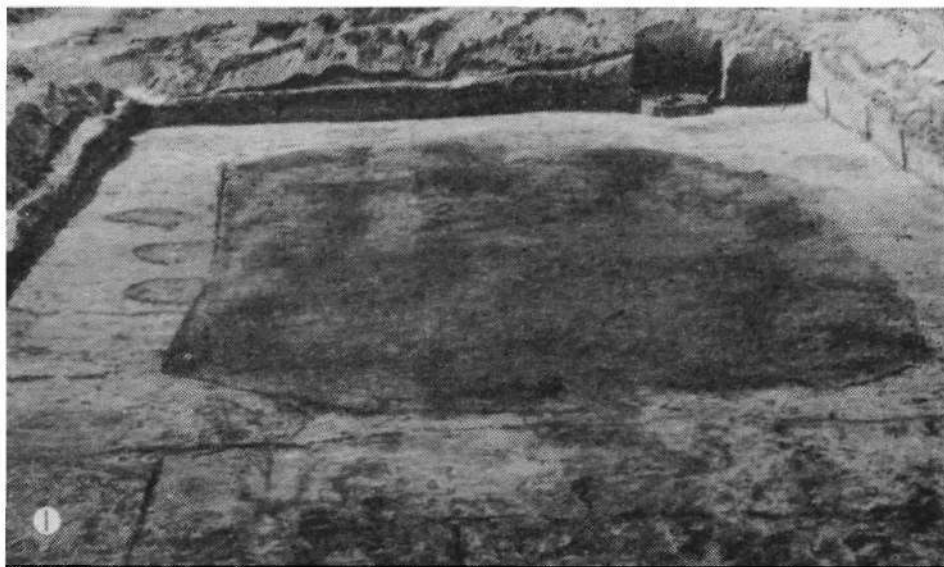

Табл. XI. Хозяйственная постройка № 3:

1 — пята хозяйственной постройки; II — план хозяйственной постройки; 1 — ямы от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — очаг; 4 — скопления керамики.

II

Табл. XII. Хозяйственная постройка № 5:

I — пятно хозяйственной постройки; II — план хозяйственной постройки; 1 — контуры постройки; 2 — ямы от столбов; 3 — глиняные вальки; 4 — остатки сгоревшего дерева; 5 — скопления керамики.

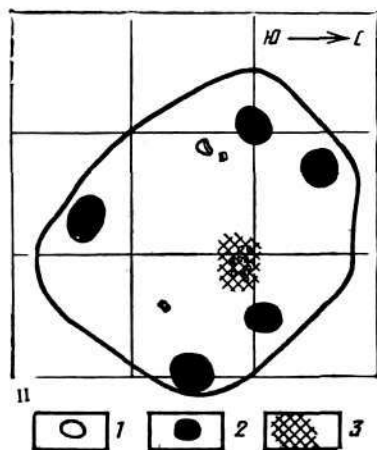
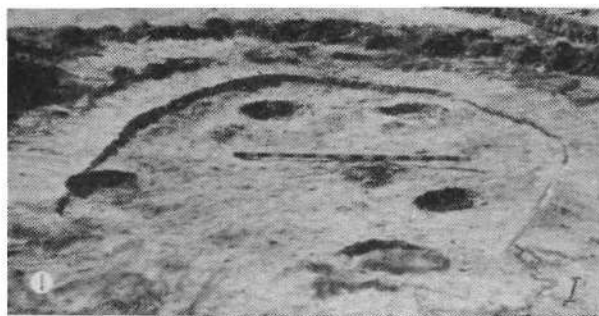

Табл. XIII. Хозяйственная постройка № 6:

1 — пятно хозяйственной постройки; II — план хозяйственной постройки; 1 — контуры постройки; 2 — ямы от столбов; 3 — остатки сгоревшего дерева и керамики.

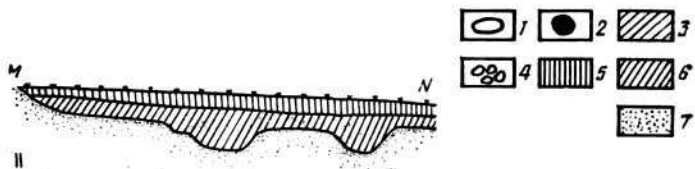
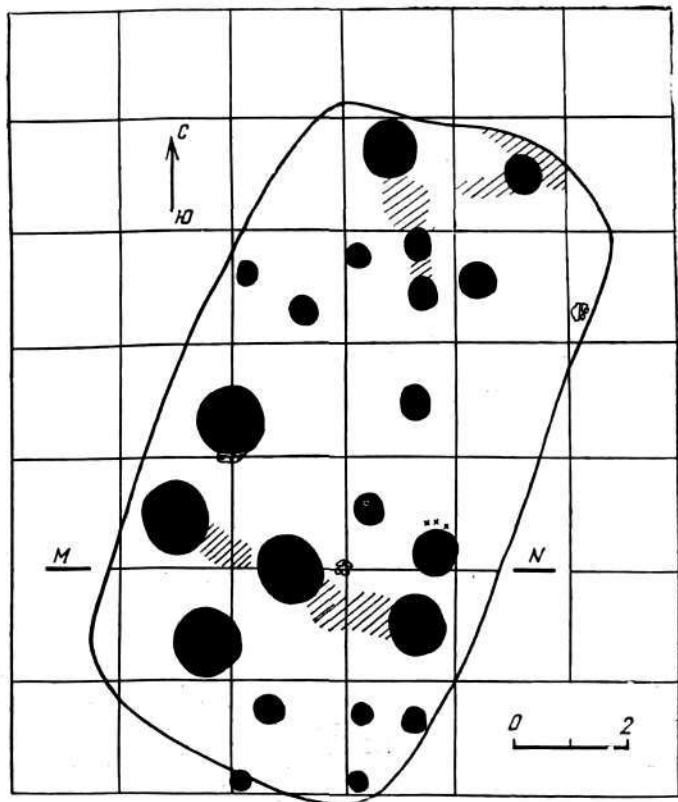
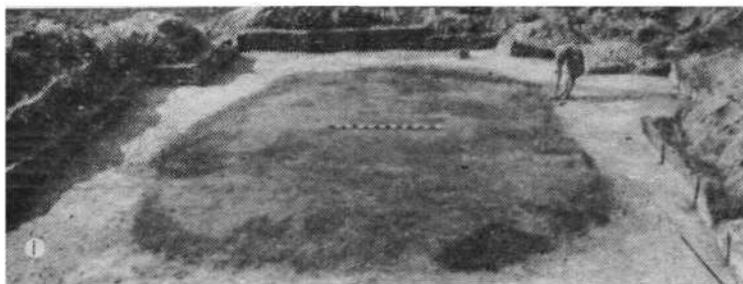

Табл. XIV. Хозяйственная постройка № 8:

I — пятно хозяйственной постройки; II — план и разрез хозяйственной постройки: 1 — контуры постройки; 2 — ямы от столбов; 3 — остатки сгоревшего дерева; 4 — скопление керамики; 5 — гумус; 6 — серый песок; 7 — светлый материковый песок.

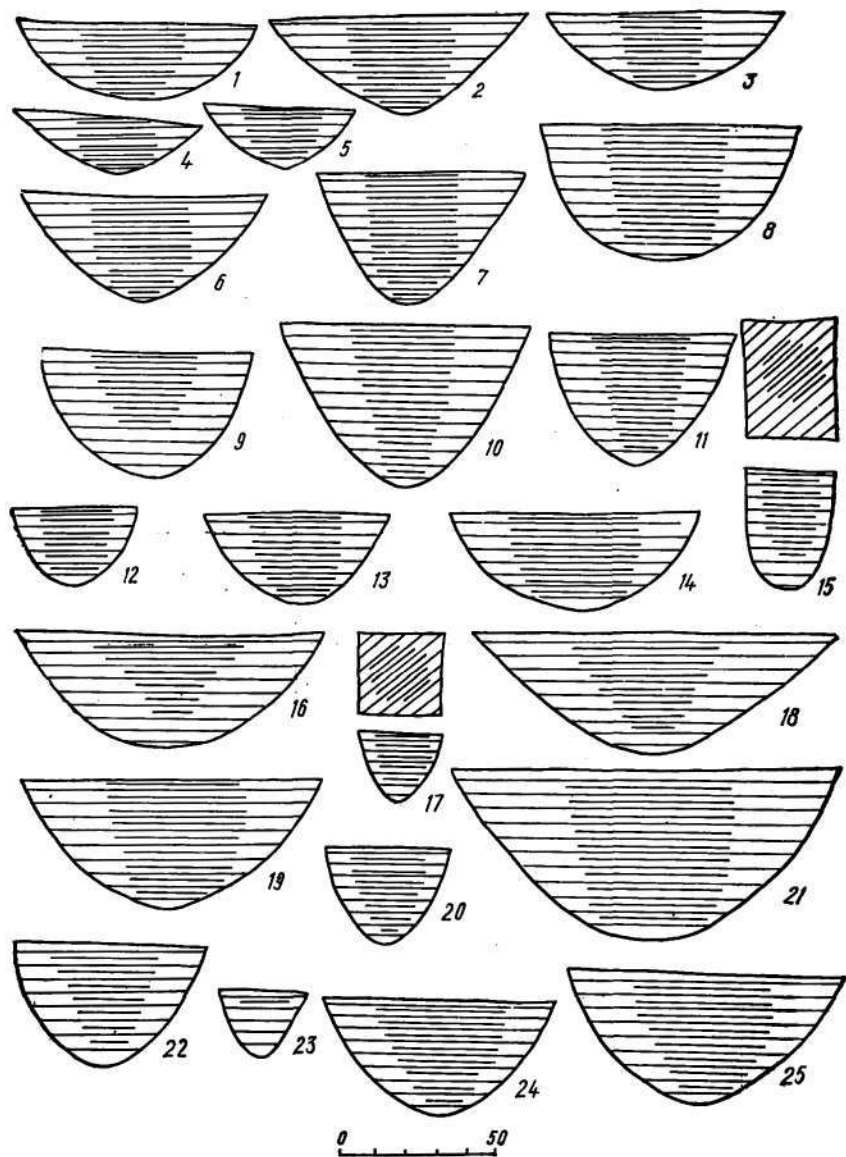

Табл. XV. Столбовые ямы из хозяйственных построек:

1-5 — хозяйственная постройка № 1; 6-8 — хозяйственная постройка № 3; 9-11, 15 — хозяйственная постройка № 5; 12-14 — хозяйственная постройка № 6; 16-19, 21 — хозяйственная постройка № 7; 20, 22-25 — хозяйственная постройка № 8.

Табл. XVI. Керамика из жилища № 2.

Табл. XVII Керамика из жилища № 3.

Табл. XVIII. Керамика из жилища № 4.

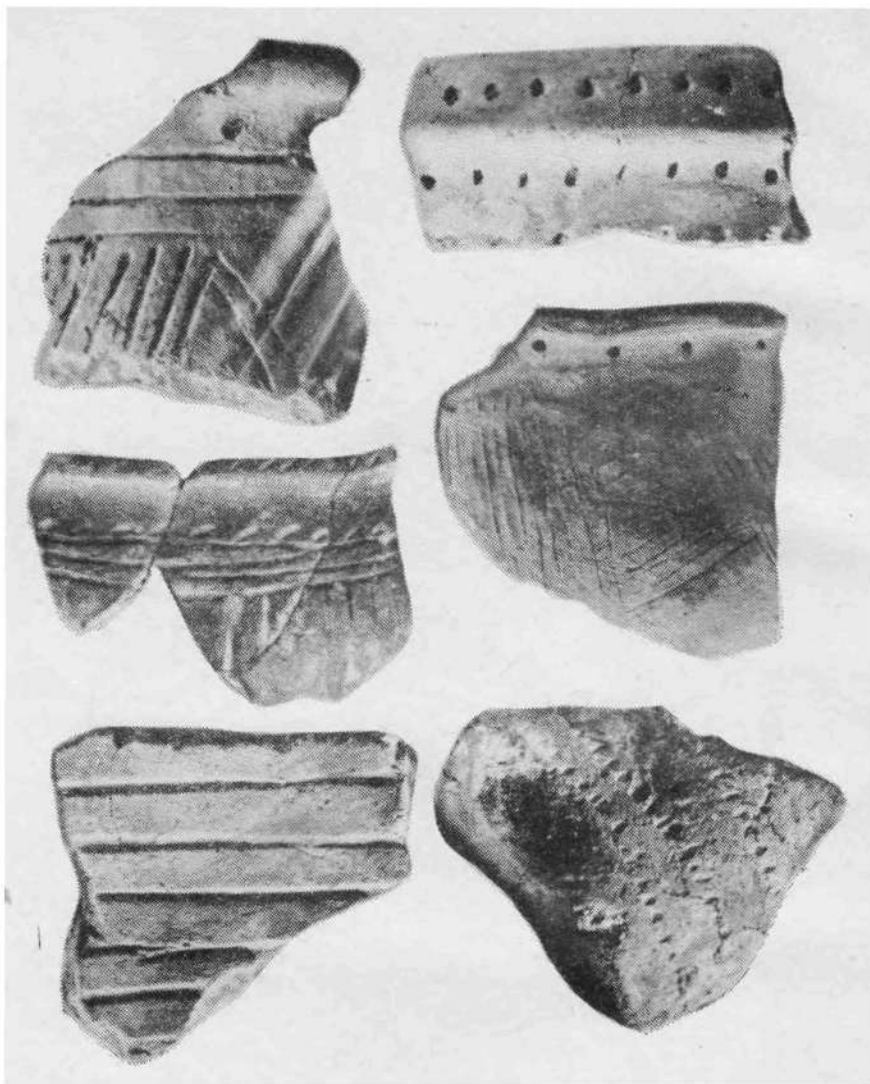

Табл. XIX. Керамика из жилища № 5.

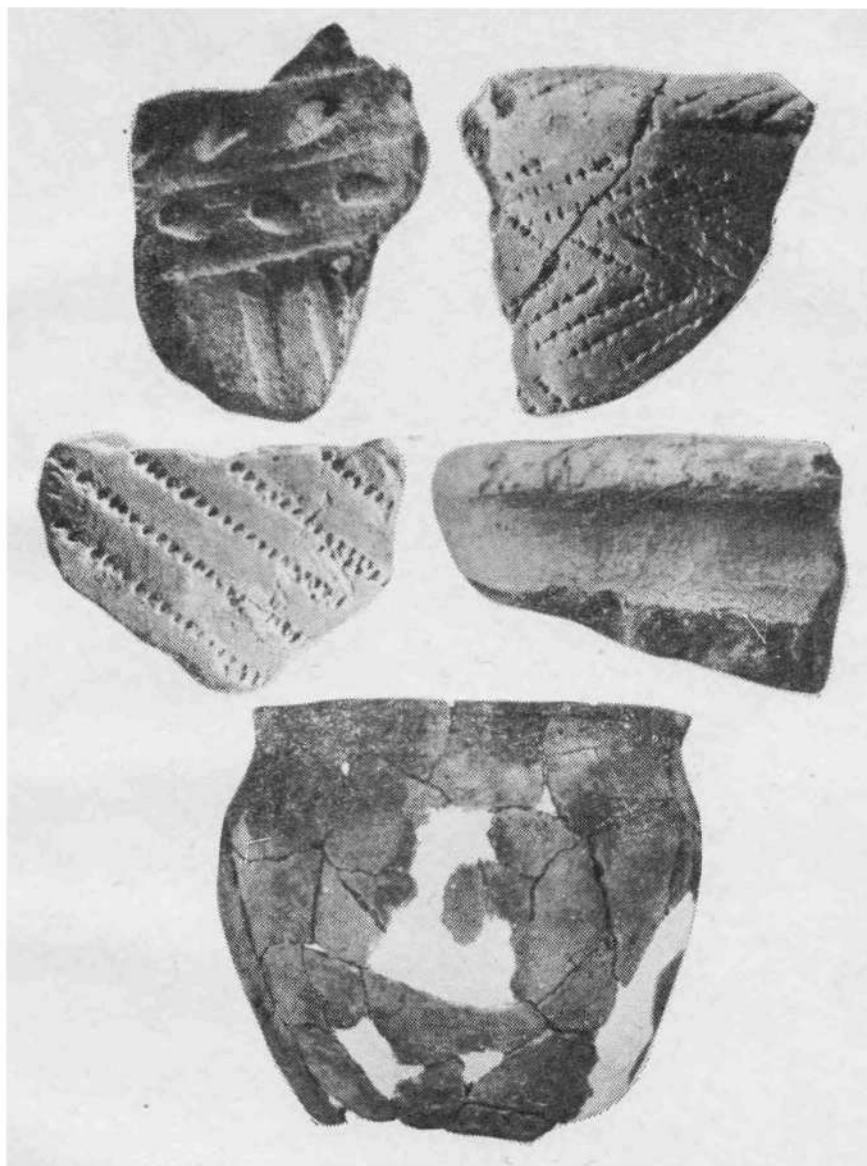

Табл. XX. Керамика из жилища № 6.

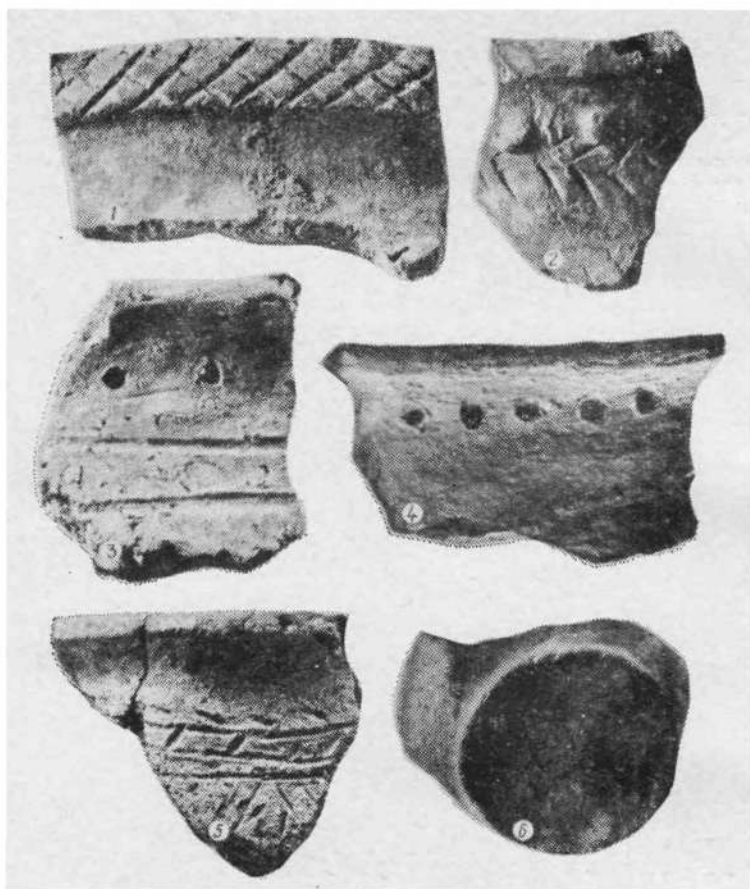

Табл. XXI. Керамика из жилища № 7.

Табл. XXII. Керамика из жилища № 8.

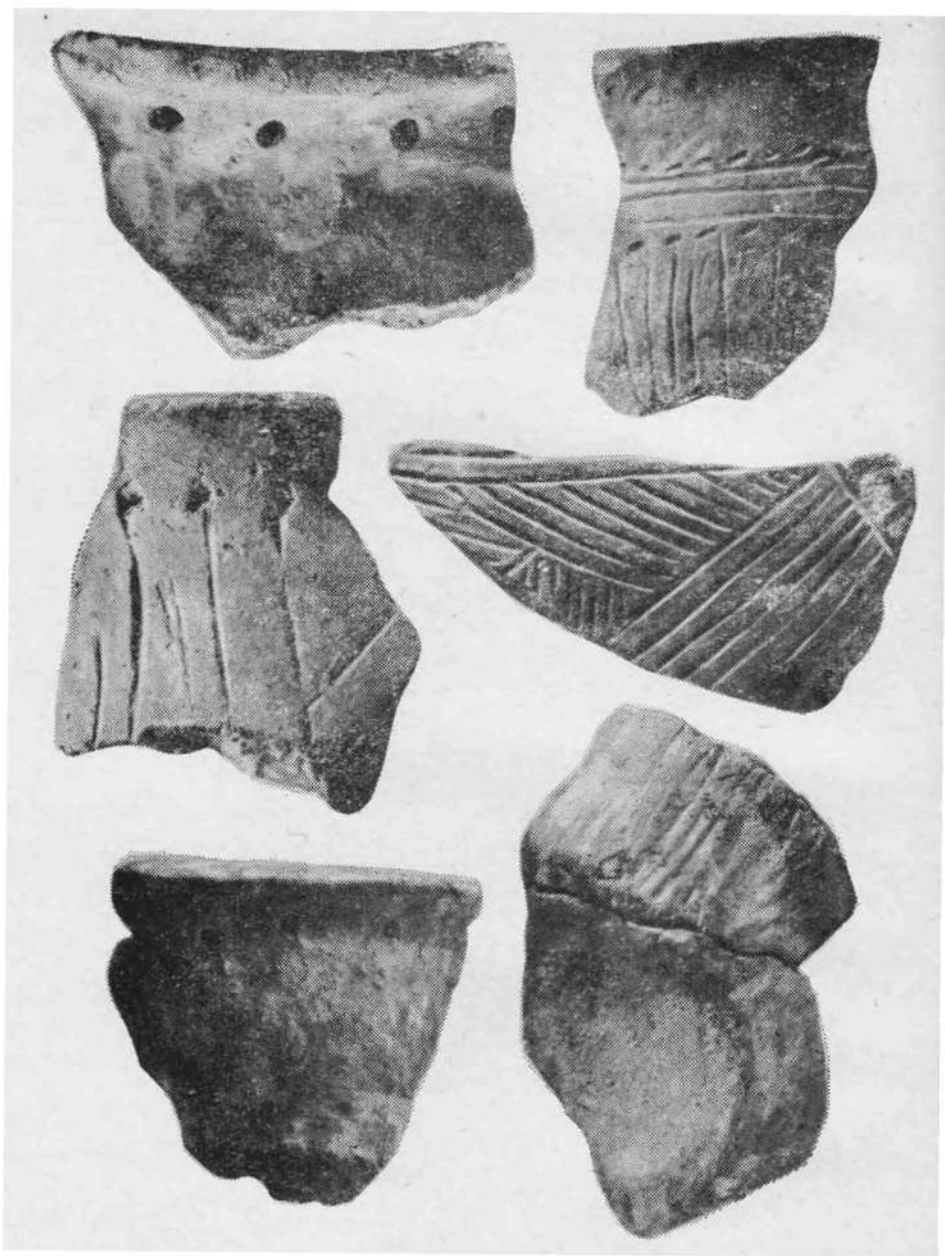

Табл. XXIII. Керамика из жилища № 9.

Табл. XXIV. Керамика из жилища № 10.

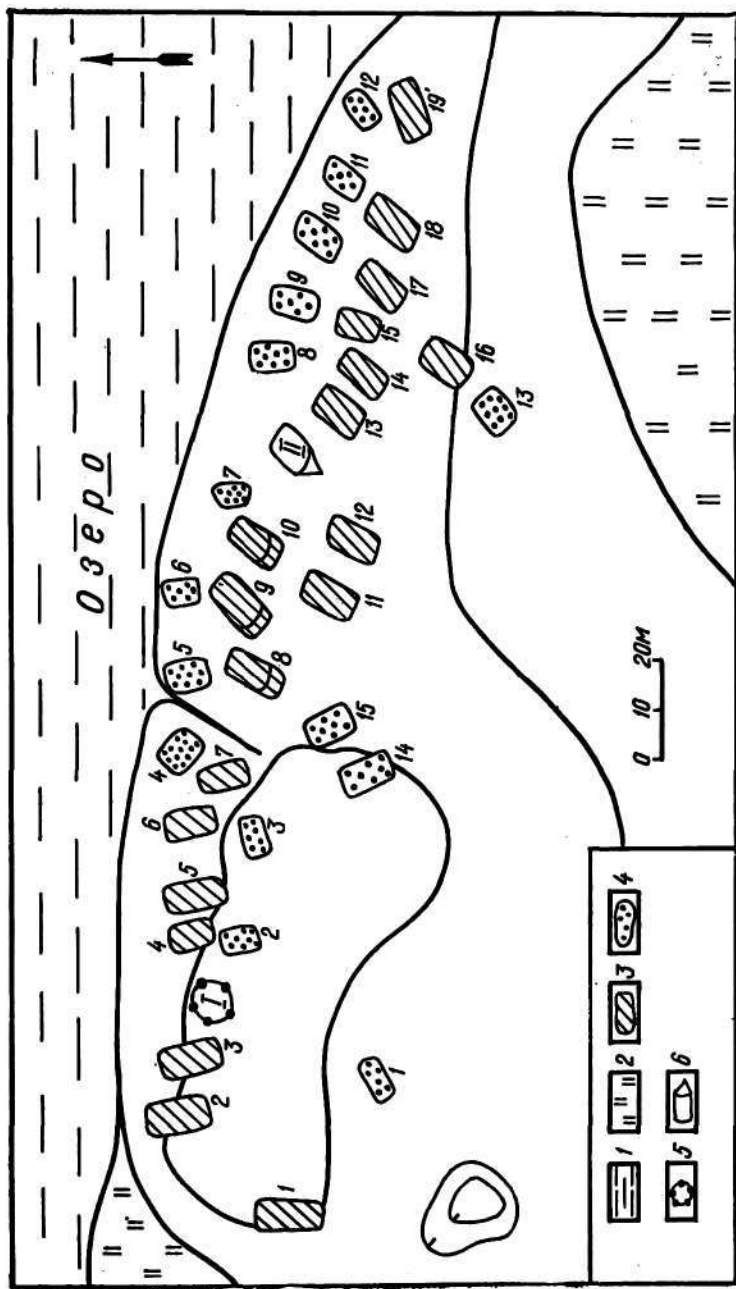

Табл. XXV. Общий план поселения:

1 — озеро; 2 — болото; 3 — жилища; 4 — хозяйственные постройки; 5 — культовая постройка I; 6 — культовая постройка II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АД	— Археологічні дослідження.
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР.
АС	— Археологический сборник.
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва).
ВЛУ	— Вестник Ленинградского университета.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МДА ПВ	— Матеріали та дослідження археології Поділля і Волині.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА	— Советская археология.
СЭ	— Советская этнография.
Тр. АС	— Труды Археологического съезда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
Глава I. Топография и планировка поселения	13
Глава II. Жилища и хозяйственные постройки	22
Глава III. Культовые сооружения и некоторые черты духовной культуры обитателей поселения	75
Глава IV. Изделия из глины, камня и бронзы	104
Глава V. Хозяйство и общество	126
Глава VI. Культурные связи и хронология	137
Заключение	144
Список сокращений	175